

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФГБОУ ВПО «НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**НОВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ
В РАБОТЕ С ИСТОРИЧЕСКИМИ
ИСТОЧНИКАМИ XVIII – XXI ВЕКОВ**

Под редакцией В. А. Зверева, Н. Н. Родигиной

Новосибирск 2013

УДК 930.2 + 94 (47) + 930.85
ББК 63.211 + 63.3 (2)
Н766

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВПО «НГПУ»

Подготовлено и издано при содействии Программы
стратегического развития ФГБОУ ВПО «НГПУ» на 2012–2016 гг.

Научные редакторы:

д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории ФГБОУ ВПО
«Новосибирский государственный педагогический университет»
В. А. Зверев;

д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории ФГБОУ ВПО
«Новосибирский государственный педагогический университет»
Н. Н. Родигина

Рецензенты:

кафедра отечественной истории ФГБОУ ВПО

«Новосибирский государственный педагогический университет»;

д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории, декан исторического
факультета ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет»
В. Н. Худяков

Н766 **Новые** исследовательские подходы в работе с историческими источниками XVIII–XXI вв.: коллективная монография / под ред. В. А. Зверева, Н. Н. Родигиной; Мин-во образования и науки, Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2013. – 148 с.

ISBN 978-5-00023-165-4

Коллективная монография является результатом очередного этапа реализации практико-ориентированного исследовательского проекта. Группа специалистов, работающих на кафедре отечественной истории НГПУ, выявляет научный потенциал исторических источников, до сих пор редко привлекавших внимание исследователей – медицинской и переселенческой статистики, картографических материалов, документации учреждений агрономической службы, специализированных сельскохозяйственных и исторических журналов, сатирических еженедельников, детских писем в прессе для детей и др. Обосновываются авторские варианты работы с такими источниками при изучении актуальных проблем прошлого России и, в частности, Сибирского региона.

Издание адресовано специалистам – историкам, культурологам, преподавателям исторических факультетов вузов, аспирантам и студентам исторических специальностей.

УДК 930.2 + 94 (47) + 930.85
ББК 63.211 + 63.3 (2)

ISBN 978-5-00023-165-4

© Коллектив авторов, 2013
© ФГБОУ ВПО «НГПУ», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (<i>Н. Н. Родигина</i>)	4
Раздел 1. НОВЫЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ «ТРАДИЦИОННЫХ» ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	8
1.1. Поселенческая статистика – основа для изучения локальной истории (на примере протогородских селений в округе Новониколаевска-Новосибирска) (<i>В. А. Зверев</i>)	8
1.2. Статистика медицинского ведомства как источник для изучения воспроизводства населения в восточных регионах России (конец XIX – начало XX века) (<i>В. А. Зверев</i>)	21
1.3. Сельскохозяйственная печать как источник для изучения вопросов модернизации аграрного производства и систем землепользования в Сибири (конец XIX – начало XX века) (<i>Н. А. Давыденко, Л. В. Котович</i>)	33
1.4. Специализированные исторические журналы 1930-х – начала 1940-х годов как источник для изучения представлений историков о задачах школьных учебников (<i>Н. Н. Родигина</i>)	45
Раздел 2. ИНФОРМАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ «НОВЫХ» ИСТОЧНИКОВ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	64
2.1. Письма сибиряков в журнал «Задушевное слово» как источник для изучения истории детства второй половины XIX века (<i>Н. Н. Родигина</i>)	64
2.2. Сатирические журналы как источник для изучения истории Сибири конца XIX – начала XX века (<i>Т. А. Кузнецова</i>)	85
2.3. Сибирская агрономическая служба: информационные ресурсы источников конца XIX – начала XX века по истории ее зарождения и развития (<i>Н. А. Давыденко</i>)	93
Раздел 3. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	107
3.1. Коммуникативное пространство императорского двора Екатерины II: историографический и источниковедческий контексты (<i>З. П. Горьковская</i>)	107
3.2. Использование картографических материалов в научных исследованиях по истории Сибири XIX – начала XX века (<i>О. Н. Катионов</i>)	122
3.3. «Держись друга старого, а дома нового»: эволюция качества сельского жилищного фонда в Сибири по данным массовых санитарных обследований 1920-х годов (<i>В. А. Зверев</i>)	132
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	147

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха позитивизма, долгое время главенствовавшего в исторической науке, в числе своих основных приоритетов провозглашала культ факта, добытого любознательным и кропотливым историком из, как правило, ранее неизвестного источника. Познавательные вызовы, предъявленные исторической науке в XX столетии, привели к разочарованию историков в возможности реконструировать и описать реалии прошлого «так, как было на самом деле», что, в свою очередь, поставило под сомнение ранее существовавшую жесткую иерархию источников и методы их анализа. По этому поводу историк Ю. П. Зарецкий справедливо заметил: «Традиционный концепт “источника”, многие десятилетия честно служивший основой (особенно в политической истории) для понимания исторического “ремесла”, в XX в. не раз подвергался критике: в истории ментальностей он оказался почти бесполезным, порой смешным, иногда даже враждебным новым задачам постижения прошлого, а в постмодернистской теории истории вообще распался, как карточный домик»¹.

«Культурно-антропологический», «лингвистический», «визуальный» повороты исторической науки породили интерес представителей профессиональной корпорации историков к тем свидетельствам прошлого, которые долгое время находились на периферии исторической науки: источникам личного происхождения, визуальным изображениям, художественным текстам и др. Как нам представляется, актуальность и востребованность «научной продукции», создаваемой историками, сегодня определяется, во-первых, традиционным поиском *новых* источников; во-вторых, поиском *новых* методов работы с ними, в том числе и междисциплинарных; в-третьих, поиском *новых* методологических и историографических подходов к интерпретации

¹ Зарецкий Ю. П. Стратегии понимания прошлого: теория, история, историография. М., 2011. С. 44.

материалов, «добытых историком из источника»; в-четвертых, поиском *новых* вопросов «историка к источнику», то есть вычленением новых сюжетов и проблемно-тематических полей в работе как с хорошо известными источниковыми массивами, так и с *новыми* видами источников. Вероятно, этим и объясняется стабильный интерес историков к новым видам источников и методам их анализа.

Цель настоящей монографии – выявить научный потенциал исторических источников, до сих пор редко привлекавших внимание исследователей, и обосновать свои варианты работы с данными источниками при изучении актуальных проблем прошлого России и, в частности, Сибирского региона.

Наша коллективная монография является продолжением многолетних «штудий» коллектива кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета по расширению источниковедческой базы исторических исследований, поиску новых методов работы с ними и вариантов их использования, как в исследовательском, так и образовательном дискурсах. Отдельные результаты этой работы уже были обобщены в коллективной монографии «Исторические источники в исследовательской и образованной практике» (Новосибирск, 2011), в которой наше внимание было сфокусировано на потенциале мемуаров, «толстых журналов», метрических книг, материалов массовых санитарных обследований, художественной литературы, конфетной обертки, детских игрушек, экспонатах краеведческих музеев, кинофильмов и др.

В данной книге мы продолжили источниковедческий анализ материалов периодической печати, выявили новые познавательные возможности поселенческой и медицинской статистики, охарактеризовали традицию использования картографических материалов в исследованиях по истории Сибири, выяснили специфику детских писем в журналы, определили исторические и историографические контексты коммуникативного пространства императорского двора Екатерины II и охарактеризовали источники их изучения.

В первом разделе монографии раскрыты новые познавательные возможности источников, которые уже введены в научный оборот, но ранее не использовались для изучения тех или иных сюжетов прошлого. *В. А. Зверев* в одном из своих очерков охарактеризовал потенциал поселенческой статистики, воплощенный в «Списках населенных мест», периодически составлявшихся и в имперской, и в совет-

ской (нэповской) России. Историком предложен алгоритм описания динамики поселенческой структуры, численности и полового состава населения, людности домохозяйства и состава социокультурной инфраструктуры, который можно применить при изучении практически всех сельских населенных пунктов нашей страны, существовавших во второй половине XIX – первой трети XX в. Во втором очерке *В. А. Зверева* на материалах Азиатской России показано, что статистика медицинского ведомства страны в конце XIX – начале XX в. имела такие сравнительные достоинства, которые позволяют применять ее для изучения истории воспроизводства населения и в прочих регионах. В совместном тексте *Н. А. Давыденко* и *Л. В. Котович* выявлены тенденции развития сельскохозяйственной печати в Сибири и установлено, как отражались на ее страницах модернизационные процессы, формировавшиеся в деревенском сообществе конца XIX – начала XX в. *Н. Н. Родигина* определила источниковые возможности специализированных исторических журналов для изучения представлений историков о задачах школьных учебников в 1930–1940-е гг., на материалах журнальных публикаций раскрыла содержание развернувшейся в ту пору дискуссии о преподавании истории в школе.

Второй раздел монографии объединяет исследования, посвященные малоизвестным источникам, до настоящего времени, находившимся на периферии внимания историков. *Н. Н. Родигина* привлекла письма детей из Сибири, опубликованные в популярном еженедельном журнале «Задуманное слово» в конце XIX – начале XX в. Опираясь на достижения современных исследователей истории детства, она предложила свои версии ответа на вопросы о существовании канона детского письма, о его типичных характеристиках и информационном потенциале. *Т. А. Кузнецова* проанализировала сатирические еженедельники конца XIX – начала XX в. с точки зрения выявления в них репрезентаций Сибири и сибиряков (на примере журналов «Осколки» и «Сатирикон»). Несмотря на то, что образ Сибири в периодической печати в последние годы является достаточно популярным сюжетом исторических исследований, специфика иллюстрированных юмористических изданий, насколько нам известно, впервые стала предметом изучения с позиций исторической имагологии. Информационный потенциал источников для изучения зарождения и функционирования агрономической службы в Сибири определен в разделе, написанном *Н. А. Давыденко*. Автор детально проанализировала

отчеты правительственных агрономов и специалистов по маслоделию в Министерство земледелия и государственных имуществ, Главное управление земледелия и землеустройства, отчеты инструкторов по маслоделию, инструкторов сельского хозяйства, уездных агрономов, «Труды» агрономических совещаний, сельскохозяйственных съездов, съездов деятелей по молочному хозяйству, деловую и личную переписку правительственных агрономов и инструкторов.

Третий раздел нашей монографии мы посвятили сюжету о том, как именно использовались те или иные источники в отечественной и зарубежной историографии Нового и Новейшего времени. *З. П. Горьковская*, основываясь на анализе выводов предшественников об источниковых особенностях мемуаров, писем, литературных произведений Екатерины II, обосновывает новый вариант интерпретации коммуникативных характеристик выдающегося политика и способы их репрезентации самой императрицей, внесшей индивидуальный вклад в создание коммуникативного пространства императорского двора второй половины XVIII в. В очерке *О. Н. Катионова* показано, для изучения каких реалий прошлого и каким образом историки XIX – начала XXI в. использовали и используют картографические материалы. *В. А. Зверев* первым из исследователей-историков привлек материалы массовых санитарных обследований крестьянских жилищ, проводившихся в сибирских субрегионах в 1920-х гг. На их основе он показал, как медленно, но неуклонно улучшались санитарно-гигиенические характеристики сельского жилого фонда в период второй половины XIX – первой трети XX в.

Мы надеемся, что наша монография будет интересна и полезна коллегам: историкам-исследователям, студентам исторических факультетов высших учебных заведений, педагогам-практикам и всем, кто интересуется проблемами гуманитарного знания.

Раздел 1.

НОВЫЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ «ТРАДИЦИОННЫХ» ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1.1. ПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА – ОСНОВА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОТОГОРОДСКИХ СЕЛЕНИЙ В ОКРУГЕ НОВНИКОЛАЕВСКА-НОВОСИБИРСКА)

Огромное большинство сельских населенных пунктов – сел, деревень, поселков, станиц России не имеют своей письменной, профессионально составленной истории. В лучших случаях ее замещает коллективная память поколений местных жителей, но зачастую имеет место неупорядоченный набор смутных преданий и легенд, неведомо откуда пришедших заблуждений. Между тем, любое сообщество людей в современном мире заинтересовано в поддержании своей идентичности с помощью не только традиционных средств «народной истории», но и благодаря усилиям людей, имеющих хотя бы небольшую научную подготовку и потому способных создать достоверные (выдерживающие критику) описания и объяснения реалий местного прошлого. В качестве таких создателей «научного прошлого», по нашему мнению, могут выступать представители сельской интеллигенции, в первую очередь педагоги деревенских школ. Совсем хорошо, если это учителя истории, и занимаются они краеведческой работой в сотрудничестве со своими учениками.

Чтобы успешно выполнять эту свою ответственную роль, историки-краеведы нуждаются в первоначальной научной подготовке и последующем информационном и методическом «подпитывании», в том числе в советах со стороны профессиональных ученых относительно эффективной методики и полноценных источников исследо-

вания. Цель настоящей главы коллективной монографии заключается в том, чтобы представить читателям разработанный нами и апробированный в сотрудничестве со студентами-историками Института истории, гуманитарного и социального образования НГПУ алгоритм использования материалов переселенческой статистики второй половины XIX – первой трети XX в. при изучении истории сельских поселений России. Этот алгоритм может быть эффективно применен для изучения истории сельских населенных пунктов в большинстве регионов современной Российской Федерации.

Мы выбрали для первоочередного изучения историю тех сел и деревень, которые существовали на территории современного мегаполиса – города Новосибирска – до его основания в 1893 г. и в первые десятилетия его развития, вплоть до рубежа 1920–1930-х гг., когда большинство протогородских сельских поселений вошло в его городскую черту. Определенную роль при этом выборе сыграл отмеченный в 2013 г. 120-летний юбилей нашего города, стимулировавший интерес к его прошлому.

Нельзя сказать, что старожильческие протогородские поселения, существовавшие когда-то на современной территории Новосибирска, вовсе не имеют своей письменной истории. Обстоятельства возникновения значительной их части в XVIII в. описала историк-исследователь Н. А. Миненко¹. Больше всего в исследовательском плане повезло с. Кривощёкову (Большому Кривощёкову), территория которого попала в зону строительства моста через Обь на заре истории Новониколаевска-Новосибирска. Различным периодам истории Кривощёкова посвящены труды профессиональных ученых-историков Ю. С. Булыгина и М. М. Громыко², Т. С. Мамсик³ и

¹ *Миненко Н. А.*: 1) История Новосибирской обл. с древнейших времен до конца XIX в. 2-е изд., доп. и перераб. Новосибирск, 1983; 2) Первые русские деревни и города на территории Барабы и Новосибирского Приобья // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1984. С. 3–33; 3) По старому Московскому тракту: о первых русских поселениях на территории Новосибирской обл. [2-е] изд., перераб. и доп. Новосибирск, 1990; и др.

² *Булыгин Ю. С.*, *Громыко М. М.* К истории возникновения Новосибирска // Изв. / Сиб. отд-ние АН СССР. 1971. № 2. Сер. обществ. наук. Вып. 6. С. 89–95.

³ *Мамсик Т. С.*: 1) Кривощёковская деревня // Новосибирск: энциклопедия. Новосибирск, 2003. С. 460; 2) Первопоселенцы Новосибирского Приобья: по материалам XVII – середины XIX в. Новосибирск, 2012; и др.

Г. А. Ноздрин¹, энергичного исследователя-краеведа К. А. Голодяева² и др. Та же Т. С. Мамсик в серии своих публикаций, главным образом в энциклопедии «Новосибирск», представила небольшие очерки истории всех девяти (считая вместе с Большим Кривощёковым) интересующих нас протогородских поселений³. Хронологию этих очерков, в силу своей научной специализации, Тамара Семеновна довела только до 40–50-х гг. XIX в.

Последующие периоды истории большинства названных поселений до самого последнего времени не находили отражения в существующей литературе. Исключений всего два – д. Усть-Инская (Инюшка) и с. Бугринское (Бугры). Историк Е. И. Красильникова, будучи уроженкой той части Новосибирска, где когда-то располагалась Усть-Инская, не только кратко описала параметры развития этой деревни во второй половине XIX – первой трети XX в., но и углубленно рассмотрела такие вопросы, которые характерны не для исторического краеведения, а скорее для «новой» локальной истории и микроистории⁴. Это восприятие групповым сознанием переломных политиче-

¹ *Ноздрин Г. А.* Кривощёковское Большое // Новосибирск: энциклопедия. Новосибирск, 2003. С. 460–461.

² *Голодяев К. А.* Кривощёково – место нахождения [Электронный ресурс]. URL: <http://bsk.nios.ru/content/krivoshechekovo-mesto-nahozhdeniya> (дата обращения: 16.09.2013).

³ *Мамсик Т. С.*: 1) Бугринская деревня // Новосибирск: энциклопедия. Новосибирск, 2003. С. 124; 2) Верткова, деревня // Там же. С. 143; 3) Верх-Чемская деревня // Там же. С. 143–144; 4) Ельцовская (Ельцовка) деревня // Там же. С. 295; 5) Ересная, деревня // Там же. С. 297; 6) Кривощёково Малое (Малокривощёкова) // Там же. С. 459–460; 7) Нижне-Чемская, деревня // Там же. С. 569–570; 8) Усть-Инская, деревня // Там же. С. 906–907; 9) Протогород: первые русские поселения на территории Новосибирска // Местное самоуправление и стратегия устойчивого развития крупного города. Новосибирск, 2004. С. 459–465; и др.

⁴ *Петрова [Красильникова] Е. И.* Между Новосибирском и Бердском // Проблемы этнологии и этнопедагогике. Новосибирск, 1999. Вып. 8. С. 44–48; *Косякова [Красильникова] Е. И.*: 1) Формирование городской черты Новосибирска в 1929–1930 гг. // Новосибирская обл. в контексте российской истории. Новосибирск, 2001. С. 113–115; 2) Правовые и социокультурные аспекты советской урбанизации в восприятии пригородных крестьян // Жить законом: правовое и правоведческое пространство истории. Новосибирск, 2003. С. 174–197; 3) Культурные приоритеты пригородных крестьян в 1920-е гг. // Русский вопрос: история и современность. Омск, 2007. С. 161–164; 4) Хулиганы или комсомольцы: о проблемах комсомольской ячейки в пригородной деревне 1920-х гг. //

ских событий, конфликтность / стабильность отношений в малых территориальных сообществах, динамика межклановых семейных связей и пр. Напротив, уже упомянутый К. А. Голодяев представил развернутый рассказ о прошлом с. Бугринского, по содержанию соответствующий традициям классического исторического краеведения¹.

Совсем недавно появилась работа историка-исследователя М. В. Шиловского, претендующая на обобщенную характеристику процесса развития совокупности сельских поселений в округе дореволюционного Новониколаевска². Статья содержит интересные примеры из истории отдельных сел и деревень, но автор не ставит задачу дать систематические очерки истории каждого из протогородских поселений.

Таким образом, в тот момент, когда в 2012–2013 гг. под нашим руководством начал осуществляться проект «Новосибирск деревенский» по изучению студентами истории отдельных протогородских сел и деревень, имелся созданный предшественниками неплохой задел. Нам можно было исключить из числа изучаемых объектов сёла Большое Кривощёково и Бугринское, д. Усть-Инскую – как относительно изученные на всем протяжении их существования. За хронологические пределы работы по другим населенным пунктам можно было вывести период от основания поселения до середины XIX в. – в силу той же относительной изученности. Требовалось сосредоточиться главным образом на периоде второй половины XIX – первой трети

Актуальные проблемы истории. Омск, 2007. С. 184–190; 5) Разводы в пригородной деревне 1920-х гг. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2007. Ч. 1. С. 99–103; 6) Переход от военного коммунизма к нэпу и межличностные отношения крестьян // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2008. Ч. 1. С. 145–149; 7) Деревенские против городских: о конфликтах пригородных крестьян с новосибирцами (1920-е гг.) // Сибирь: история и современность: правовые, экономические и исторические аспекты развития. Новосибирск, 2008. С. 290–303; 8) Динамика межклановых семейных связей в пригородной сибирской деревне Усть-Иня (1890–1927 гг.) // Актуальные вопросы истории Сибири XVIII–XXI вв. Новосибирск, 2008. С. 131–158; и др.

¹ Голодяев К. А. Деревня Бугры – прогулка сквозь время [Электронный ресурс]. URL: <http://bsk.nios.ru/content/derevnya-bugrinskaya-progulka-skvoz-vremya#comment-401> (дата обращения: 16.09.2013).

² Шиловский М. В. Сельские поселения на территории современного Новосибирска [Электронный ресурс]. URL: <http://bsk.nios.ru/content/selskie-poseleniya-na-territorii-sovremennogo-novosibirska.html> (дата обращения: 16.09.2013).

XX в. – до вхождения интересующих нас поселений в городскую черту Новосибирска.

Наша задача в данном случае заключалась в том, чтобы охарактеризовать развитие народонаселения и поселенческой инфраструктуры населенных пунктов в этот период. Сделать это можно, сравнивая показатели количества домохозяйств и численности населения (в том числе отдельно мужчин и женщин), а также мобилизуя сведения о наличии тех или иных элементов административной, хозяйственной, социокультурной инфраструктуры в разные годы изучаемого периода.

В качестве основного массива исторических источников для изучения обозначенной тематики мы выбрали комплекс «Списков населенных мест» – справочно-статистические данные практически обо всех населенных пунктах нашей страны, которые время от времени собирали по одной и той же или сходной программе, обрабатывали и публиковали центральные и региональные органы имперской, а затем советской власти. Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел (ЦСК МВД) Российской империи собрал и издал такие списки, относящиеся к 1859–1873 гг., а также к 1893 г.¹ По другим временным срезам списки составляли и публиковали региональные статистические органы. В данном случае мы вычленили из этого огромного комплекса публикации, относящиеся к территории, на которой в конце XIX в. был основан Новониколаевск-Новосибирск. В досоветский период это Томский округ (с 1898 г. – уезд) Томской губернии, в конце 1920-х гг. – Новониколаевский округ Сибирского края.

В нашем распоряжении имеются полноценные «Списки населенных мест Томской губернии», относящиеся к 1859, 1893, 1899, 1904, 1911 гг.² В них, как правило, содержатся собранные местной админи-

¹ Перечень трудов, входящих в эти две группы публикаций ЦСК МВД, с их краткой характеристикой см.: Источники по истории населенных пунктов дореволюционной России: сборник библиографических материалов. СПб., 1996. Вып. 1. С. 67–68, 126–128.

² Томская губ.: список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1868 (или: Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые ЦСК МВД. СПб., 1868. Вып. 62: Томская губ.); Список населенных мест Томской губ. за 1893 г. Томск, 1893 (или: Волости и населенные места 1893 г. СПб., 1894. Вып. 12: Томская губ.); Список населенных мест Томской губ. на 1899 г. Томск, 1899; Перечень всех населенных мест [Томской губ. на 1904 г.] // Па-

страцией данные о поселенческом статусе того или иного населенного пункта (село, деревня и др.), о расстоянии от него до ближайших административных центров и почтовых контор, наличии в поселении экономически, социально или культурно значимых объектов – мельниц, паромных пристаней, торговых лавок, церквей, школ, в некоторых случаях также о площади земли, находящейся во владении сельского общества, и пр. Более всего нас интересуют имеющиеся здесь данные о количестве дворов (домохозяйств) и населения в них, с подразделением последнего на мужчин и женщин. В списках за некоторые годы дворы и население делятся на крестьянскую и некрестьянскую части. Имеются еще «Списки населенных мест Томской губернии» за 1878 г. (рукописный текст) и 1885 г., но они составлялись по сокращенной программе, в частности, в них не указано количество жителей в поселениях¹.

Традиция составления для административных и исследовательских нужд списков населенных мест как эстафета перешла от императорской власти к советской. В ходе подготовки и проведения Первой Всесоюзной переписи населения в 1925–1926 гг. были собраны и вскоре изданы в Новосибирске статистическим отделом краевого исполкома Советов «Списки населенных мест Сибирского края», в том числе том, содержащий интересующие нас сведения по Новосибирскому округу². Помещенные здесь сведения однотипны с теми, что публиковались в досоветский период. Принципиально новой информацией можно считать только помещенную в особой графе дату основания того или иного населенного пункта (многие из этих датировок не имеют документального подтверждения, а иные заведомо недостоверны³), а также указание на «численно преобладающую национальность» среди жителей поселения.

мятная книжка Томской губ. на 1904 г. Томск, 1904. [Разд.] 2. С. 1–689 (отд. паг.); Список населенных мест Томской губ. на 1911 г. Томск, 1911.

¹ Список населенных мест Томской губ. [1878 г.] [Рукопись]. [Томск, 1882]; Список населенных мест Томской губ. [1885 г.] // Памятная книжка Томской губ. 1885 г. Томск, 1885. Прил. С. 1–94 (отд. паг.).

² Список населенных мест Сибирского края [1926 г.] Новосибирск, 1928. Т. 1: округа Юго-Западной Сибири.

³ Подробнее об этом см.: *Зверев В. А.* Фальшивые юбилеи: о времени основания старожильческих поселений на территории Новосибирской обл. // Новосибирская обл.: история и современность. Новосибирск, 2012. Ч. 2. С. 21–25. Элек-

Однотипность описаний населенных мест, относящихся к длительному периоду от середины XIX столетия до конца 1920-х гг., предоставляет возможность дать характеристику процесса развития каждого из избранных для изучения населенных пунктов, введя в сравнение информацию по нескольким временным срезам. В ходе выполнения проекта «Новосибирск деревенский» студенты это делали с помощью таблицы, в которую из источников в готовом виде вносили *данные о количестве дворов и численности населения, с дифференциацией его по полу*, а затем на основе этих данных высчитывали показатели двух последних столбцов – среднюю людность двора и количество мужчин, приходящихся на 100 женщин¹. Ниже приводится пример такой таблицы, относящейся к самому крупному из интересующих нас протогородских поселений – д. Малое Кривощёково.

После составления таблицы осуществляется анализ размещенных в ней динамических рядов показателей, в ходе которого и устанавливаются направление, темпы и характер тех изменений, которые происходили в течение времени в населенном пункте. Уже беглого взгляда на таблицу достаточно, чтобы увидеть: со временем в Малом Кривощёкове – самом многолюдном и многодворном из всех протогородских поселений, существовавших в изучаемый период на территории современного Новосибирска – быстро и неуклонно росло количество дворов (домохозяйств), одновременно с этим увеличивалось количество жителей. Однако сравнительная

электронная версия: <http://bsk.nios.ru/content/falshivye-yubilei-o-vremeni-osnovaniya-starozhilcheskih-poseleniy-na-territorii> (дата обращения: 16.09.2013).

¹ Далее при характеристике этапов выполнения проекта используются примеры, взятые из работ студентов 2 курса Института истории, гуманитарного и социального образования НГПУ: *Куимов Б. К.* Протогородское поселение Малое Кривощёково во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории, международных отношений и документоведения. Томск, 2013. Вып. 9. С. 457–462. Электронная версия: URL: <http://bsk.nios.ru/content/derevnya-maloe-krivoshchyokovo-istoricheskaya-dinamika-vo-vtoroy-pолоvine-hih-nachale-xx> (дата обращения: 16.09.2013); *Леонтьева А. М.* Протогородское поселение Ельцовка в историческом развитии (вторая половина XIX – первая четверть XX в.) // Там же. С. 463–468. Электронная версия: URL: <http://io.nios.ru/index.php?rel=45&point=27&art=2264> (дата обращения: 16.09.2013) и др. Промежуточные итоги реализации проекта «Новосибирск деревенский» представлены также в публикациях студентов С. Бреднева, Я. Каминской, П. Кулакова, Н. Лисенковой, З. Семенцевой в кн.: Молодежь XXI в.: образование, наука, инновации. Новосибирск, 2012.

картина этой динамики станет более наглядной, если мы представим ее графически, например, в виде точечной диаграммы – графика со степенными линиями трендов (рис. 1).

**Динамика развития д. Малое Кривощёково
во второй половине XIX – начале XX в.**

Год	Кол-во дворов	Кол-во жителей, чел.			Средняя людность двора, чел.	Кол-во мужчин на 100 женщин
		мужчин	женщин	всего		
1859	66	174	190	364	5,5	92
1878	91
1885	98
1893	114	220	259	479	4,2	85
1899	121	315	346	661	5,5	91
1904	128	645	596	1241	9,7	108
1911	258	753	795	1548	6,0	95
1926	411	998	1074	2072	5,0	93

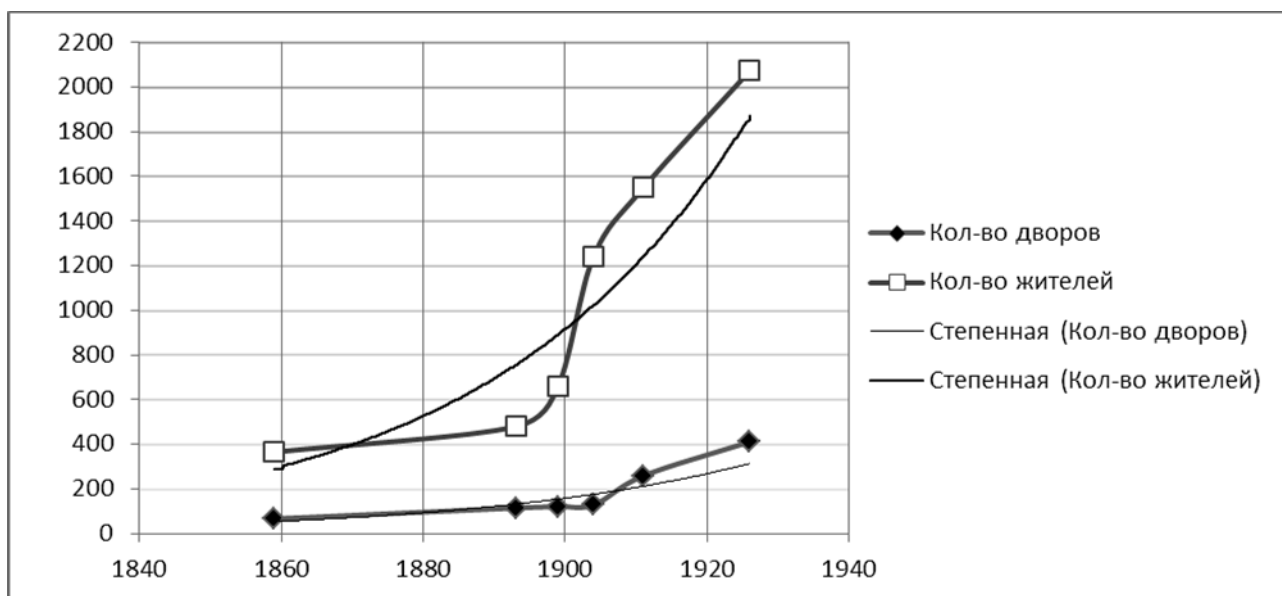

Рис. 1. Динамика количества дворов и численности населения в д. Малое Кривощёково

Графические элементы на рисунке 1 (кривые, связывающие показатели за конкретные годы, и линии трендов) показывают, что числен-

ность населения в деревне до 1890-х гг. прирастала примерно теми же темпами, что и количество дворов, а затем стала расти гораздо быстрее. На рубеже XIX–XX столетий в поселенческой динамике произошел своеобразный «взрыв» – резкий и быстрый прирост в первую очередь численности населения, в меньшей степени и немного позже – количества дворов. С помощью простейших математико-статистических методов можно более детально и точно представить темпы роста и прироста двух этих групп показателей за весь изучаемый период, а также среднегодовые темпы роста и прироста количества дворов, которые были разными в промежутках от одного временного среза к другому.

Темпы роста количества дворов за весь 67-летний период в данном случае равны отношению численности дворов в конце периода (1926 г.) к их количеству в начале периода (1859 г.). Чтобы выразить искомую величину в процентах, помножим полученное частное на 100. В нашем примере с Малым Кривощёковым темпы роста числа дворов за период 1859–1926 гг. определяются таким образом: $411 / 66 \times 100 \% = 622,7 \%$. Похожим образом можно исчислить *темпы прироста количества дворов* за весь период. В данном случае мы должны разность между количеством дворов в конце и начале изучаемого периода выразить в процентах по отношению к начальному количеству домохозяйств: 1) $411 - 66 = 345$; 2) $345 / 66 \times 100 \% = 522,7 \%$.

Однако помещенные выше таблица и график нам подсказывают, что темпы увеличения количества дворов на различных этапах изучаемого периода были разными. По данным таблицы можно вычислить *среднегодовые темпы роста и прироста числа домохозяйств* как на всем протяжении периода 1859–1926 гг., так и по этапам в промежутках между 1859 и 1878, 1878 и 1885, 1885 и 1893, 1893 и 1899, 1899 и 1904, 1904 и 1911 гг., между 1911 и 1926 г., а затем сопоставить полученные показатели друг с другом, чтобы выявить их историческую динамику. При этом следует учесть, что простое деление темпов роста и прироста за период на его длительность для расчета их среднегодовых значений является неправильным, поскольку не учитывает того факта, что прирост численности дворов за любой год является частью базы для прироста в последующие годы. Правильный расчет среднегодовых темпов роста и прироста предполагает учет этого обстоятельства. Для этого в статистике существуют различные способы. Один из них предусматривает извлечение корня t -ой степени из дроби P_1 / P_0 , где t – длительность рас-

смаатриваемого периода, P_1 – количество дворов в конце периода, P_0 – их число в начале периода, и умножение полученного результата на 100 %. В случае с д. Малое Кривощёково среднегодовые темпы роста количества дворов, например, за весь 67-летний период 1859–1926 гг. будут равняться корню 67-й степени из дроби 411 / 66, помноженному на 100 %, т. е. 102,8 %. В то же время подсчеты подсказывают, например, что на 7-летнем этапе 1904–1911 гг. среднегодовые темпы роста числа домохозяйств были максимальными: корень 7-й степени из дроби 258 / 128 умножаем на 100 % и получаем 110,5 %.

Темпы роста и прироста численности населения за весь изучаемый 67-летний период, а также *среднегодовые темпы роста и прироста численности населения* на этапах между теми временными срезами, которые нашли отражение в «Списках населенных мест», также могут быть рассчитаны по данным таблицы применительно к каждому интересующему нас населенному пункту. Для этого можно применить ту же технологию расчетов, что продемонстрирована только что для выяснения темпов роста и прироста количества дворов.

Теперь приходит время материалы о численности населения и количестве дворов в селении ввести в сопоставление друг с другом. Этому служат уже высчитанные нами ранее и входящие в исходную таблицу показатели *средней людности деревенского домохозяйства*. Их историческую динамику можно представить в виде графика или диаграммы. Вот как может выглядеть, например, гистограмма со степенной линией тренда в случае с д. Ельцовкой (рис. 2).

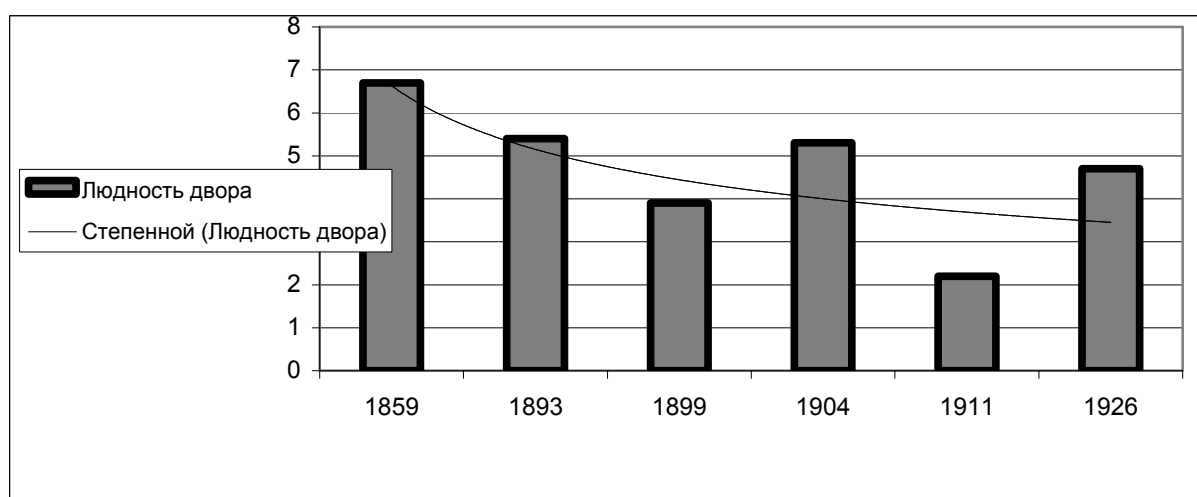

Рис. 2. Динамика средней людности домохозяйств в д. Ельцовка

Мы видим на рисунке 2 действие исторического тренда сокращения людности двора, что в принципе соответствует известной историкам закономерности: в период модернизации традиционного общества крупные по величине, сложные по составу родственные ячейки уступали место небольшим и простым по структуре. Однако обращают на себя внимание два всплеска людности, приходящихся на самый рубеж XIX–XX вв. и на 1920-е гг. Детальный анализ причин этого явления не входит в задачи этой нашей работы, однако можно предположить, что в первом случае это связано с особенностями массовых аграрных миграций из Европейской России: переселенцы имели в среднем более крупные семьи, чем местные старожилы. Кроме того, они зачастую на первое время приселялись в усадьбы «чалдонов» и переселенцев-староселов, увеличивая тем самым среднюю людность здешнего домохозяйства. Увеличение людности крестьянского двора в 1920-х гг. могло быть связано с происходившим в годы нэпа частичным реваншем традиционного порядка крестьянской жизни.

Теперь обратимся еще к одной группе показателей, которые были высчитаны ранее, при составлении таблицы. Это количественное *соотношение мужской и женской частей населения* в населенном пункте. Динамику этого соотношения по материалам д. Ерестной можно представить, например, в виде точечной диаграммы – графика с добавленной степенной линией тренда (рис. 3).

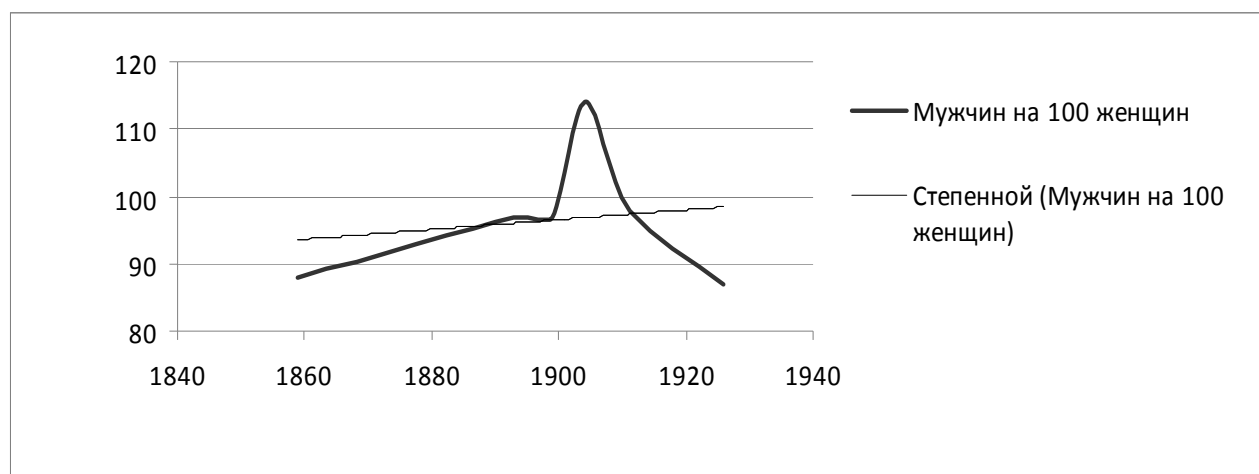

Рис. 3. Динамика соотношения мужской и женской частей населения в д. Ерестной

Рисунок 3 показывает, что на протяжении большей части изучаемого периода ерестнинские мужчины уступали в своем количестве «женскому полку». В принципе, такое соотношение было характерным для сельского старожильческого населения на юго-западе Сибири во второй половине XIX – начале XX в.¹ Однако линия тренда на графике показывает, что доля мужчин среди жителей со временем несколько подрастала. А список населенных мест 1904 г. зафиксировал тот факт, что в 1900-х гг. произошел сильный единовременный всплеск численности мужчин, которые оказались в Ерестной на время в большинстве. В будущем интересно будет детально разобраться в причинах столь интересных явлений, но в первом приближении это тоже можно связать с особенностями переселенческой волны, которая прихлынула в приобские старожильческие селения с конца XIX в. и достигла своего пика в годы Столыпинской аграрной реформы. Мужчины в среде переселенцев составляли численное большинство. Мужской перевес в некоторой степени мог быть связан также с тем, что в деревнях, которые по существу стали предместьями бурно развивающегося Новониколаевска, поселялись мужчины, приехавшие на заработки.

Итак, мы представили основные этапы работы со статистическими материалами, которые включены в «Списки населенных мест». Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что содержание списков статистической информацией только о конкретных поселениях не ограничивается. Эта группа источников уже использовалась историком А. И. Татарниковой для изучения структуры сельской поселенческой сети и степени хозяйственной освоенности обширной территории Сибири во второй половине XIX – начале XX в.² Для этого потребовалась консолидация всего массива списков по региону и трудоемкие обобщающие подсчеты.

¹ *Зверев В. А.* Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (историко-демографический анализ). Новосибирск, 1991. С. 42–44.

² *Татарникова А. И.*: 1) Развитие сельской поселенческой сети в Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005; 2) Сравнительная степень хозяйственной освоенности территории сибирских губерний в конце XIX в. // *Сибиряки: региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве*. Новосибирск, 2009. С. 117–121; 3) Сеть сельских поселений Сибири в конце XIX в.: типическая структура, численность, величина // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2012. № 4. С. 48–52; и др.

Продолжая работать с исторической информацией, представленной в анализируемом комплексе источников, обратим внимание на то, что здесь статистические (количественные) данные сопряжены с указаниями на наличие в том или ином селении конкретных *объектов административной, экономической, социокультурной инфраструктуры*. Например, в статье Т. С. Мамсик о д. Ельцовке сообщается, что в 1858 г. на одноименной речке имелось пять мельниц, построенных еще в 1824 г.¹ «Список населенных мест» 1878 г. указывает на наличие уже семи мельниц. В более поздних списках о мельницах ничего не говорится, но вряд ли они все перестали существовать. В списке 1904 г. фиксируется торговая лавка, в 1911 г. ее наличие подтверждается. В том же 1911 г. представлена информация о площади кабинетской земли, входившей в надел жителей Ельцовки в досоветский период². Если сопоставить размер земельного надела с количеством здешних домохозяйств, то выяснится, что на каждый двор приходилось в среднем 12,7 га земли, из них обрабатываемой – 10,9 га. В сибирских условиях это был маленький надел, вряд ли обеспечивавший удовлетворение растущих потребностей крестьян-хлебопашцев. По данным 1926 г., Ельцовка являлась уже небольшим административным центром, о чем свидетельствует размещение в ней сельского совета.

Историк и краевед, изучающий прошлое своей малой родины, конечно, в идеале должен стремиться к мобилизации (а при необходимости и к созданию) источников, разнообразных по происхождению и форме кодирования информации. В распоряжении исследователей – вещественные и аудиовизуальные источники, собранные в местных музеях; устные источники, бытующие, например, в виде исторических преданий и легенд; письменные документальные и нарративные источники различного вида, как архивные, так и опубликованные. Как нам представляется, статистические данные, которые доминируют в «Списках населенных мест», должны занять достойное место в актуальном круге источников для изучения местной, локальной истории. Наш опыт показывает, что работа с этим видом источников существенно обогащает проблематику историко-краеведческих штудий и укрепляет их методологический фундамент.

¹ Мамсик Т. С. Ельцовская (Ельцовка) деревня. С. 295.

² Список населенных мест Томской губ. на 1911 г. С. 37.

1.2. СТАТИСТИКА МЕДИЦИНСКОГО ВЕДОМСТВА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ В ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Азиатская Россия – белое пятно на историко-демографической карте нашей страны. Во всяком случае, применительно к периоду конца XIX – начала XX в. Возможно, это утверждение выглядит чересчур категорично, но давайте посмотрим на важнейшие историографические факты последнего времени.

В сравнительно недавно вышедшем обобщающем труде по исторической демографии России XX в. говорится о ситуации накануне вступления в это столетие: «Огромные азиатские просторы Российской империи еще предстояло освоить и заселить»¹. Далее по материалам Первой Всеобщей переписи населения 1897 г. кратко характеризуется специфика народонаселения этой «незаселенной» территории: самая низкая в стране его плотность, наименьшая доля городских жителей, высокий удельный вес детей младшего возраста (до 1 года), а также юношей и девушек 10–19 лет. Констатируется численное преобладание мужской части населения над женским; количественное доминирование русских над иными этносами, при большом разнообразии последних и наличии компактных этнических территорий; большая доля православных в конфессиональной структуре; низкая грамотность. Указывается, что в начале XX в. произошел большой приток мигрантов из Европейской России в Сибирь и на Дальний Восток, «что было связано с освоением новых земель» и увеличило здесь к 1913 г. численность населения на 75,4 %, а его плотность – до 0,9 человек на квадратную версту². Однако информация об Азиатской России рубежа XIX–XX вв., помещенная в книге «Населении России в XX в.», не содержит самого главного, с точки зрения демографии, – параметров воспроизводства населения – его рождаемости, смертности, естественного прироста, соотношения масштабов и роли естественного и механического движения. Кроме того, эта информация игнорирует региональные демографические особенности Степного края, Западной и

¹ Население России в XX в.: исторические очерки: в 3 т. / отв. ред. изд. Ю. А. Поляков. М., 2000. Т. 1. С. 10.

² Там же. С. 25–26.

Восточной Сибири, Дальнего Востока – обширных и во многом специфичных территорий Азиатской России.

Обратимся еще к одной обобщающей книге о социально-демографическом развитии нашей страны в XX столетии. Фундаментальный труд под редакцией крупнейшего российского демографа А. Г. Вишневого учитывает материалы более чем 600 опубликованных источников и исследований – отечественных и зарубежных, но среди них нет ни одного, посвященного демографической ситуации, существовавшей в начале интересующей нас эпохи, на рубеже XIX–XX вв., в Азиатской России или ее субрегионах¹.

По существу, сегодня изучение социально-демографического развития Азиатской России конца имперского периода находится в начальной стадии, когда не достигнуты еще столь заметные успехи, чтобы их было невозможно игнорировать. Однако это не означает, что работа начинается с нуля, что вообще отсутствуют серьезные исследования по такой важной проблематике. Ниже мы назовем ряд весьма квалифицированных и значимых работ, вышедших в свет за последние 30 лет, однако ими не ограничивается круг уже имеющихся публикаций, и он постепенно расширяется. Формирующееся направление исследовательской работы нуждается, среди прочих факторов своей эффективности, в доброкачественных и насыщенных информацией исторических источниках.

Цель настоящей главы коллективной монографии заключается в том, чтобы показать возможность более активного использования при характеристике естественного движения населения Азиатской России и ее субрегионов такого комплекса письменных источников, как опубликованные статистические материалы медицинского ведомства Российской империи конца XIX – начала XX в. Думается, что ученые, изучавшие социально-демографическое развитие восточных окраин страны в предшествующие годы, недооценивали значение этой группы источников.

На самом деле, нам известны только два историка, использовавшие этот комплекс источников для изучения демографического развития Азиатской России конца имперского периода. Во-первых, это А. Г. Рашин, который высчитал общие коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста по регионам Европейской России за 1911–

¹ См.: Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневого. М., 2006. С. 557–588 (разд. «Литература»).

1913 г., а по Сибири и Кавказу аналогичные показатели за 1901–1913 гг. не только исчислил, но и свел в динамические ряды, предварительно сгруппировав по 3–5 летним этапам¹. Во-вторых, это Р. И. Сифман, которая учитывала материалы медицинской статистики при расчетах параметров естественного движения населения Сибири за 1897–1913 гг. в качестве необходимого дополнения к другим источникам².

Автор данной главы последовал примеру названных ученых и в серии своих работ использовал в качестве базовых источников статистику медицинского ведомства Российской империи, относящуюся к территории всей страны и ряду ее регионов, в том числе Европейской России, Западной и Восточной Сибири, Степному краю и Дальнему Востоку³. Им представлена динамика показателей рождаемости, смертности и естественного прироста населения разных территорий в диапазоне от 1884 или 1897 до 1914 г. включительно по годам или 4–5-летним этапам. Общая картина естественного движения населения дифференцирована по всем зауральским губерниям и областям, по сельскому и городскому поселенческому комплексам. Однако дальнейшая работа с избранным комплексом источников требует его сопоставления с альтернативными комплексами, содержащими аналогичную по содержанию количественную информацию о естественном движении населения Азиатской России и ее субрегионов, с целью выяснения его сравнительных возможностей.

¹ Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913): статистические очерки. М., 1956. С. 22, 230–231.

² Сифман Р. И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 62–82.

³ См.: Зверев В. А.: 1) Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографического перехода в России // «Сибирь – мой край...»: проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 130–153; 2) «Родится на смерть, умрет на живот»: естественное движение населения Сибири за 30 лет (1884–1914) // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в. Барнаул, 2008. Вып. 2. С. 196–124; 3) Степной край на рубеже XIX–XX вв.: естественное движение населения, влияние на него политических и социальных конфликтов // Локальные сообщества имперской России в условиях социальных конфликтов: (подходы и практики в современных региональных исследованиях). Омск, 2009. С. 71–83; 4) Городское и сельское население Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв.: динамика воспроизводства // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 4. С. 24–28; 5) Население Дальнего Востока в 1895–1914 гг.: динамика естественного воспроизводства // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 13–19; и др.

Интересующая нас статистика медицинского ведомства, будучи комплексом вторичных источников, восходит к первичным источникам. В качестве таковых выступают сведения метрических церковных книг о родившихся и умерших и административно-полицейские исчисления населения (последние учитывали и данные переписей – всероссийской 1897 г., немногих местных). Первичные данные собирали и обобщали с необходимой коррекцией губернские и областные статистические комитеты. Материалы статкомитетов фигурировали в ежегодных «всеподданнейших» отчетах губернаторов императору, а с некоторого момента – также в печатных «Обзорах» губерний и областей, которые имели статус приложений к губернаторским отчетам. Будучи затем направленными в подразделения Министерства внутренних дел – Центральный статистический комитет (ЦСК) и медицинское ведомство, губернские материалы здесь анализировались, в случае необходимости исправлялись, суммировались и потом публиковались – с разной степенью полноты. Окончательная «доработка» осуществлялась сотрудниками ЦСК и медицинского ведомства независимо друг от друга, поэтому «на выходе» мы имеем отличающиеся друг от друга обширные серии количественных показателей.

Таким образом, применительно к концу XIX – началу XX в. историки располагают тремя комплексами вторичных количественных данных, необходимых для вычисления основных параметров естественного движения населения в масштабах Российской империи и ее регионов, в том числе расположенных в Азиатской России. Два из этих комплексов можно назвать относительно полными и систематическими в той их части, которая относится к интересующему нас периоду 1897–1914 гг. Во-первых, это *данные местных статистических органов* – неопубликованные и хранящиеся в архивах тексты ежегодных отчетов начальников всех губерний и областей императору, а также приложений к ним, опубликованных в виде «Обзоров» соответствующих субрегионов. Историки, изучавшие различные аспекты естественного движения населения в Сибири и на Дальнем Востоке (Л. М. Горюшкин, В. М. Кабузан, Г. А. Ноздрин, В. И. Пронин, Л. Л. Рыбаковский и др.), охотнее всего работали именно с этим комплексом, по-видимому, считая его наиболее полным и достоверным. Во-вторых, это опубликованная *статистика центрального медицинского ведомства*, также содержащая ежегодные данные о численности и естественном движении населения России и ее регионов.

Она публиковалась довольно регулярно одним из подразделений Министерства внутренних дел империи (МВД) – Управлением главного врачебного инспектора, пришедшим в 1904 г. на смену Медицинскому департаменту и преобразованным в 1916 г. в Главное управление врачебного инспектора. Сведения сначала о некоторых, а со временем обо всех губерниях и областях Азиатской России ежегодно включались в «Отчеты о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России». Публикация конкретных региональных материалов в авторитетном ведомственном издании означала, что специалисты признали их хотя и небезупречными, но в достаточной степени достоверными. Как уже было сказано выше, этот комплекс пользовался вниманием историков нечасто (во всяком случае, до появления наших работ), возможно, из-за недооценки степени его информативности и достоверности или просто в силу недостаточного с ним знакомства.

Третий актуальный для изучения движения населения комплекс составляют продолжающиеся издания ЦСК – «Временник Центрального статистического комитета» (1888–1900 гг.), «Статистика Российской империи» (1888–1916 гг.), «Статистический ежегодник России» (1904–1916 гг.). Они не могли избежать внимания историков, но беда в том, что сведения о естественном движении населения именно Азиатской России в этих изданиях спорадичны и не охватывают все интересующие нас годы и все субрегионы. Поэтому они могут играть только вспомогательную роль при изучении естественного воспроизводства населения восточных окраин страны.

Далее мы сосредоточимся на сопоставлении тех динамических рядов, которые получаются в результате расчетов, сделанных по двум первым комплексам статистических материалов. Наша задача – проверить гипотезу, согласно которой статистика медицинского ведомства МВД – не менее доброкачественный источник, чем материалы губернаторских отчетов и приложений к ним, а в иных случаях – источник более предпочтительный.

Для начала сравним группы динамических рядов, содержащих высчитанные на основе разных источников общие коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста населения на территории всей Сибири, взятой вместе с Дальним Востоком, но без Степного края (табл. 1). Бросается в глаза большое сходство показателей в двух этих группах – и по их абсолютной величине, и по характеру тех изменений, которые происходили со временем. На самом деле, сред-

ние величины показателей рождаемости и смертности в рядах, составленных Р. И. Сифман по данным местных статистических органов, и в аналогичных рядах, исчисленных нами на основе данных Управления главного врачебного инспектора МВД, отличаются всего на 0,1 ‰. Средние значения коэффициентов естественного прироста разнятся только на 0,2 ‰. Коэффициенты линейной корреляции между соответствующими друг другу рядами в двух группах рядов таковы: у коэффициентов рождаемости и смертности – 0,8; у коэффициентов естественного прироста – 0,9. Это означает высокую и очень высокую степень корреляции. Иначе говоря, общие коэффициенты естественного движения населения Сибири, взятой вместе с Дальним Востоком, вычисленные по двум группам источников, не идентичны, но почти не отличаются друг от друга, они по существу взаимозаменяемы.

Нужно учесть, что материалы местных статистических органов о движении населения приходится собирать по архивным фондам, где хранятся губернаторские отчеты, или выбирать из множества «Обзоров» губерний и областей (за каждый год по каждому субрегиону имеется отдельная книга). В то же время нужные нам материалы медицинского ведомства МВД гораздо более доступны исследователям: во-первых, они все опубликованы, во-вторых, данные по всем губерниям и областям за каждый год сведены в одном издании, где к тому же суммированы по большим регионам: Европейской России, Сибири (вместе с Дальним Востоком), Кавказу и Закавказью и т. д.

Чтобы читатель понимал содержание представленных в данном разделе таблиц, полезно будет объяснить «технология» тех расчетов, которые делались для их составления. В источниках, в том числе исходящих от Управления главного врачебного инспектора МВД, имеются ряды чисел, отражающих абсолютное количество жителей той или иной территории на конец конкретного года, а также количество людей, родившихся и умерших в течение года на этой территории. Мы высчитываем на этой основе относительные показатели – общие коэффициенты естественного движения населения. Показатели смертности и рождаемости измеряются путем деления количества умерших или родившихся за год на среднегодовую численность населения с последующим 1000-кратным увеличением полученного числа. Коэффициенты естественного прироста населения представляют собой разности между коэффициентами рождаемости и смертности. Среднегодовое население (количество жителей на середину года) – величина, не-

обходимая для правильного определения коэффициентов рождаемости и смертности – исчисляется путем деления пополам суммы численностей населения на конец предыдущего и конец текущего годов.

Таблица 1

Динамика ежегодного естественного движения населения Сибири (вместе с Дальним Востоком) по разным источникам, %*

Год	По данным местных статистических органов, с поправками Р. И. Сифман			По публикациям медицинского ведомства МВД		
	Рождаемость	Смертность	Прирост	Рождаемость	Смертность	Прирост
1897	49,3	29,3	20,0	49,8	29,8	20,0
1898	48,5	32,3	16,3	47,7	31,5	16,2
1899	55,2	35,8	19,4	49,9	32,0	17,9
1900	52,4	35,9	16,5	51,6	36,1	15,5
1901	51,3	30,8	20,5	51,3	30,9	20,4
1902	49,3	32,3	17,0	49,6	32,6	17,0
1903	50,1	28,8	21,3	50,5	28,6	21,9
1904	49,5	33,0	16,5	48,7	33,4	15,3
1905	45,4	31,5	13,9	44,6	31,4	13,2
1906	50,2	32,6	17,6	49,7	32,7	17,0
1907	49,2	32,2	17,0	50,2	32,8	17,4
1908	51,9	33,4	18,5	53,3	34,5	18,8
1909	53,8	35,0	18,8	54,9	35,7	19,2
1910	52,7	31,4	21,3	53,4	32,9	20,5
1911	50,7	31,1	19,6	51,5	31,2	20,3
1912	49,6	30,9	18,7	50,2	31,4	18,8
1913	49,0	31,1	17,9	49,7	31,6	18,1

* Подсчет по данным местных статистических органов с поправками: *Сифман Р. И.* Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 73 (табл. 3). Подсчет по публикациям медицинского ведомства наш, источник: Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за... [1896/1901–1913 гг.]. СПб.; Пг., 1905–1915.

Сибирь рассматривается в совокупных границах Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, Забайкальской, Якутской, Амурской, Приморской, Камчатской (с 1909 г.) областей, о. Сахалин (с 1906 г. – Северный Сахалин, с 1909 г. – Сахалинская обл.).

Размышляя о причинах столь большого сходства между данными, полученными путем обработки разных комплексов источников, будем помнить, что оба эти комплекса вторичных статистических данных основаны на общих исходных первичных материалах. Кроме того, в конкретном случае с расчетами, сделанными Р. И. Сифман, возможно, «унифицирующую» роль сыграло использование этим ученым данных медицинского ведомства для внесения поправок в материалы местных статистических органов. А что было бы, если бы такие поправки не вносились? Возможно, расхождения между результатами расчетов оказались бы гораздо существеннее? Попробуем ответить на этот вопрос, введя в сравнение еще две группы динамических рядов с показателями, высчитанными на основе разных источников (табл. 2). В. И. Пронин, рассчитавший общие коэффициенты естественного прироста населения на территории Сибири (без Дальнего Востока), никоим образом не учитывал статистику Управления главного врачебного инспектора и опирался только на материалы губернаторских отчетов, губернских и областных «Обзоров».

Подсчитав средние величины коэффициента естественного прироста населения в Западной Сибири в одной и другой группах показателей, мы видим, что они отличаются друг от друга всего на 0,3 ‰. Коэффициент линейной корреляции между двумя этими рядами составляет более 0,9. Абсолютная разница между средними значениями показателей в рядах, относящихся к Восточной Сибири, немного больше – 0,7 ‰, но всё же не принципиальна; линейная корреляция и здесь высока – достигает 0,8. Ряды, характеризующие ситуацию по Сибири в целом, по средней величине своих показателей отличаются друг от друга лишь на 0,4 ‰, линейная корреляция между ними очень высокая – 0,9. Таким образом, очевидно, что и в данном случае разница в результатах расчетов, сделанных на основе двух разных совокупностей источников, несущественна. Пользуясь одним из этих комплексов, вовсе не обязательно сведения, содержащиеся в нем, корректировать с учетом материалов другого комплекса. Более оправданным же можно считать использование материалов медицинского ведомства МВД в силу их большей доступности, меньшей трудоемкости процесса их мобилизации.

**Динамика ежегодного естественного прироста населения Сибири
по разным источникам, %***

Год	По данным местных статистических органов			По публикациям медицинского ведомства МВД		
	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Сибирь в целом	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Сибирь в целом
1897	23,2	14,5	20,3	22,1	13,9	19,4
1898	18,5	14,9	17,3	17,4	12,7	15,8
1899	20,0	12,3	17,5	19,8	12,5	17,4
1900	17,7	13,3	16,3	16,7	12,9	15,5
1901	22,9	15,5	20,1	22,4	16,2	20,3
1902	17,7	16,2	17,2	17,0	16,6	16,9
1903	22,5	9,6	18,3	25,1	13,4	21,4
1904	16,4	14,8	15,9	16,3	11,0	14,6
1905	15,5	8,8	13,4	14,9	7,4	12,5
1906	19,8	14,5	18,1	19,3	11,6	16,8
1907	19,6	14,8	18,0	19,6	13,9	17,8
1908	19,7	15,1	18,3	19,7	15,3	18,4
1909	21,8	16,4	19,1	20,3	16,2	19,1
1910	22,2	19,7	21,5	21,9	15,9	20,2
1911	20,5	20,1	20,4	20,2	20,1	20,2
1912	19,5	16,1**	18,6**	19,5	16,8	18,8
1913	19,0***	16,8	18,3***	18,6	15,5	17,8

* Подсчет по данным местных статистических органов: *Пронин В. И.* Население Сибири за 50 лет (1863–1913 гг.) // История СССР. 1981. № 4. С. 63 (табл. 7). Подсчет по публикациям Управления главного врачебного инспектора наш, источник: Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за... [1896/1901–1913 гг.]. СПб.; Пг., 1905–1915.

** Без данных по Якутской обл. за 1912 и 1913 гг.

*** Прирост в Томской губ. за 1913 г. взят условно, на уровне предыдущих лет – 22 %.

Сибирь рассматривается в совокупных границах Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, Акмолинской, Забайкальской и Якутской областей.

В некоторых конкретных случаях использование материалов Управления главного врачебного инспектора МВД оказывается предпочтительным также в силу их большей достоверности: готовя свои издания к печати, в медицинском ведомстве осуществляли довольно

квалифицированную корректировку данных, присланных с мест губернскими и областными статистическими органами. Покажем это, сравнивая две группы показателей естественного движения населения Амурской и Приморской областей: а) высчитанных на основе мобилизованных В. М. Кабузаном материалов «всеподданнейших» региональных отчетов и областных «Обзоров»; б) рассчитанных по данным статистики медицинского ведомства страны (табл. 3).

Таблица 3

**Динамика ежегодного естественного прироста населения
Амурской и Приморской областей по разным источникам, %***

Год	По данным местных статистических органов		По публикациям медицинского ведомства МВД	
	Амурская обл.	Приморская обл.	Амурская обл.	Приморская обл.**
1898	15,6	...	20,6	11,1
1899	15,8	...	19,5	10,0
1900	64,0	...	15,9	11,9
1901	21,4	...	21,5	12,1
1902	25,9	...	25,9	12,0
1903	28,4	...	27,7	15,1
1904	29,8	...	30,7	15,1
1905	24,5	...	24,4	17,1
1906	29,1	16,0	28,7	15,4
1907	7,5	14,2	10,4	10,4
1908	31,0	18,0	25,5	17,7
1909	20,0	17,3	17,6	15,8
1910	20,3	16,8	20,0	16,1
1911	19,3	14,4	24,9	14,1
1912	20,7	16,5	19,4	15,7
1913	24,7	17,9	24,6	17,2
1914	26,6	16,9	27,5	18,8

* Подсчитано по данным: *Кабузан В. М.* Дальневосточный край в XVII – начале XX в. (1640–1917 гг.): историко-демографический очерк. М., 1985. С. 112 (табл. 9); Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за... [1896/1901–1914 гг.]. СПб.; Пг., 1905–1916.

** Вместе с Камчатской обл., выделенной из Приморья в 1909 г.

Мы видим, что вторая группа показателей по качеству явно превосходит первую. По-видимому, В. М. Кабузану не удалось обнаружить в материалах местных статистических органов данные о естественном

движении населения Приморской области за 1898–1905 гг. или он признал их недостоверными, а в «Отчетах о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России» такие данные имеются, и в приемлемом виде. Общий коэффициент естественного прироста населения Амурской области в 1900 г., высчитанный на основе данных местных статорганов, имеет неправдоподобно большую величину – 64,0 ‰ и буквально «выламывается» из своего динамического ряда. Мы здесь явно имеем дело с недостоверными исходными данными, нуждающимися в корректировке. Тот же показатель, высчитанный по данным медицинского ведомства МВД – 15,9 ‰ – заведомо более реалистичен и приемлем, хотя может и уточняться с учетом данных других источников.

Убедившись в том, что статистические материалы медицинского ведомства о воспроизводстве населения, относящиеся к Азиатской России конца XIX – начала XX в., являются ничуть не менее доброкачественными, а по ряду позиций более предпочтительными по сравнению со столь популярными у историков данными местных статистических органов, мы впервые в историографии построили на их основе полные динамические ряды показателей естественного движения населения в следующих субрегионах Азиатской России – Западной и Восточной Сибири, Степном крае, на Дальнем Востоке, Кавказе и Закавказье. В таблице 4 воспроизводится не годовая, а поэтапная картина этой динамики: общие коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста населения за 3–5-летние этапы вычислены как среднеарифметические для всех годовых коэффициентов того или иного этапа. Для сравнения в таблице также даны исчисленные нами на основе той же статистики медицинского ведомства динамические ряды по Европейской России и Российской империи в целом.

Таблица 4

Поэтапная динамика воспроизводства населения России и ряда ее регионов по материалам статистики медицинского ведомства, ‰*

Годы	Российская империя	Европейская Россия	Степной край	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Дальний Восток	Кавказ и Закавказье
1	2	3	4	5	6	7	8
Рождаемость							
1897–1901	44,9	46,8	28,5	51,5	46,2	36,5	37,6
1902–1905	43,9	45,8	27,2	49,4	43,2	39,1	39,2
1906–1909	43,5	44,3	33,2	54,8	46,1	38,0	39,4
1910–1914	40,6	40,8	37,0	52,8	47,8	37,6	41,0

1	2	3	4	5	6	7	8
Смертность							
1897–1901	28,8	30,1	19,2	31,8	32,6	23,0	23,7
1902–1905	27,9	29,4	18,2	31,1	31,4	22,6	22,7
1906–1909	27,4	27,9	20,3	35,0	31,4	23,3	24,0
1910–1914	25,3	25,7	21,8	32,7	29,6	20,9	22,9
Естественный прирост							
1897–1901	16,1	16,7	9,3	19,7	13,6	13,5	13,9
1902–1905	16,0	16,4	9,0	18,3	11,8	16,5	16,5
1906–1909	16,1	16,4	12,9	19,8	14,7	14,7	15,4
1910–1914	15,3	15,1	15,2	20,1	18,2	16,7	18,1

* Подсчитано по данным: Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за... [1896/1901–1914 гг.]. СПб.; Пг., 1905–1916. Российская империя, Европейская Россия, Кавказ и Закавказье рассматриваются в границах, заданных источником. Степной край в данном случае включает в себя Акмолинскую и Семипалатинскую области; Западная Сибирь – Тобольскую, Томскую губернии и снова Акмолинскую обл.; Восточная Сибирь – Енисейскую, Иркутскую губернии и Забайкальскую обл.; Дальний Восток – Якутскую, Амурскую, Приморскую, Камчатскую (с 1909 г.) области, о. Сахалин (за исключением 1903–1907 гг., не обеспеченных в источниках необходимыми сведениями).

В настоящей работе мы не ставим задачу детального анализа построенной таким образом таблицы – это мы сделаем в других публикациях. Однако уже в первом приближении специалистам будут заметны в таблице интересные и важные, с точки зрения исторической демографии, величины и соотношения. В группах показателей по всем территориям отражен весьма высокий уровень рождаемости и смертности населения, что характерно для традиционного типа и режима воспроизводства населения. Значение всех коэффициентов в Европейской России тесно примыкает к показателям Российской империи, взятой в целом (например, средняя величина естественного прироста отличается всего на 0,2 %, линейный коэффициент корреляции в рядах коэффициентов прироста близок к 1). Это означает, что именно Европейская Россия, в которой была сосредоточена основная масса жителей империи, определяла динамику естественного движения населения страны, а роль азиатских окраин в этом деле следует признать незначительной. В то же время очевидна специфичность некоторых аспектов динамики естественного прироста населения имен-

но в Азиатской России или в отдельных ее субрегионах: 1) повсюду на востоке страны на рубеже XIX–XX вв. прирост со временем усиливался, а в Европейской России и в целом по империи наметилась тенденция его сокращения; 2) быстрее всего прирост увеличивался в Степном крае, медленнее всего – в соседней и частично территориально налагающейся на Степной край Западной Сибири; 3) во всех азиатских субрегионах максимальный уровень естественного прироста пришелся на конец изучаемого периода – на 1910–1914 гг. Достигнутый уровень естественного прироста населения в диапазоне от 15 до 20 ‰ и выше означает вступление всей Азиатской России в ситуацию демографического «взрыва», характерного для начальной стадии демографической модернизации.

В конечном итоге, рассмотренные нами позитивные характеристики материалов статистики медицинского ведомства МВД позволяют надеяться, что более активное привлечение этого комплекса источников к исследованию воспроизводства населения Азиатской России конца имперского периода поможет прочно вписать этот регион и входящие в него отдельные территории в демографическую историю нашей страны.

1.3. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСОВ МОДЕРНИЗАЦИИ АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА И СИСТЕМЫ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В СИБИРИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Соглашаясь с мнением петербургских историков Р. Ш. Ганелина и С. В. Куликова о том, что «первостепенное значение при изучении истории России конца XIX – начала XX в. имеют материалы тогдашней периодики», и что «в начале XX в. периодика превращается в мощный рупор настроений самых широких масс»¹, объектом рассмотрения в данной главе коллективной монографии мы избрали материалы сибирских сельскохозяйственных газет и журналов. Сосредоточим свое внимание на двух вопросах: во-первых, рассмотрим

¹ Ганелин Р. Ш., Куликов С. В. Основные источники по истории России конца XIX – начала XX в.: учебное пособие. СПб., 2000. С. 36.

тенденции развития сельскохозяйственной печати в Сибири на рубеже XIX–XX вв.; во-вторых, проанализируем вклад этого вида периодических изданий в модернизационные процессы, протекавшие в деревенском региональном сообществе в конце имперского периода.

По данным Департамента земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ, к осени 1914 г. в России насчитывалось 352 органа периодической печати, которые в разной степени освещали вопросы сельского хозяйства¹. Сельскохозяйственные общества и другие общественные организации издавали 169 журналов и газет, 92 издания принадлежали частным лицам и учреждениям, 57 – земствам, 54 – государственным учреждениям². В Сибири сельскохозяйственная печать зародилась на рубеже XIX–XX вв., когда на ее территории стали создаваться сельскохозяйственные общества и возникла агрономическая служба. Именно они выступали инициаторами появления подавляющего большинства сельскохозяйственных изданий.

Основная часть сибирской сельскохозяйственной периодики издавалась крупными городскими сельскохозяйственными обществами при активной поддержке региональных агрономических служб. Одним из первых таких изданий можно считать «Справочный листок», который выходил с 1 августа по 1 октября 1895 г. во время работы Курганской сельскохозяйственной и кустарной выставки. Его издавал комитет выставки под редакцией тобольского правительственного агронома Н. Л. Скалозубова. Сведения, помещенные в рубриках газеты, органично дополняли материалы выставочных павильонов и показательных мероприятий. Всего вышло тиражом в 300 экземпляров 54 номера газеты. Издание рассылалось подписчикам в 24 российские губернии и области, причем половина номеров распространялась бесплатно³. Газета печаталась в курганской типографии Ф. И. Шубина при финансовой поддержке курганских же предпринимателей П. Д. Смолина, Ф. Д. Смолина и тюменского купца-предпринимателя Н. М. Чукмалдина, который в это время жил в Москве. Все сотрудники газеты работали бесплатно. Из отчета Н. Л. Скалозубова известно, что печатание одного номера обходилось в 8,5 р.⁴

¹ Сельскохозяйственный промысел в России. Пг., 1914. С. 228.

² Там же.

³ Отчет о [Курганской сельскохозяйственной и кустарной] выставке и каталог ее. Тобольск, 1902. С. 153.

⁴ Там же.

С 1896 по 1906 г. в Тобольске выходило приложение к «Тобольским губернским ведомостям» под названием «Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности». Приложение специализировалось на сельскохозяйственной тематике. Бессменным редактором и автором многих публикаций приложения был тот же неутомимый Н. Л. Скалозубов. В течение года издавалось 14–15 печатных листов, стоимость годовой подписки составляла 2 р.¹ Значительное место на страницах «Отдела» отводилось освещению деятельности Первого Тобольского (Курганского) отдела Московского общества сельского хозяйства (МОСХ), который занимался активной пропагандой улучшенных способов земледелия и животноводства среди сельского населения.

С 1906 по 1907 г. в Омске издавался частный еженедельный журнал «Сибирский хозяин». Его редакторы-издатели Е. К. Гончарова и Е. В. Познер ставили перед собой задачу «прийти на помощь сельскому хозяину, промышленнику и торговцу сообщением ему необходимых сведений по всем отраслям хозяйства»². В первом номере от 24 ноября 1906 г. была изложена широкая программа деятельности нового издания, которое планировалось распространять по всей Сибири. В изучаемое время в региональном сообществе уже существовала потребность в подобном печатном органе. Об этом свидетельствовали «письма из разных мест Сибири с сочувствием будущему журналу»³, полученные редакцией накануне выхода журнала, и издатели были уверены в том, что у них будет не менее 100 тыс. адресатов. Всего из печати вышло 42 номера, материал которых соответствовал поставленным редакцией целям. Однако в ноябре 1907 г. «Сибирский хозяин» прекратил свое существование.

Примерно в это же время в 1907 г. по инициативе Западно-Сибирского сельскохозяйственного общества в Томске появился ежемесячный сельскохозяйственный журнал под редакцией агрономов Н. Н. Марфина, В. К. Ключарёва и С. М. Кочергина. Первоначально он назывался «Сибирский земледелец», с 1909 г. выходил как «Сибирский земледелец и садовод», с 1912 г. – как «Сибирское сель-

¹ Справочная книжка по маслоделению для Западной Сибири. 2-е изд. Томск, 1901. С. 15.

² От редакции // Сибирский хозяин. 1906. № 1. С. 1.

³ Там же.

ское хозяйство». Очень быстро журнал приобрел популярность, его выписывали даже за границей, в частности, в Китае. В 1911 г. на первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставке, состоявшейся в Омске, журнал был награжден большой серебряной медалью за широкое распространение сельскохозяйственных знаний в Сибири.

В Кургане в 1909 г. к изданию собственного печатного органа приступило Справочное бюро по молочному хозяйству – организация, работавшая в рамках агрономической службы Тобольской губернии. «Справочный листок по молочному хозяйству, скотоводству и артельному маслоделению» знакомил своих читателей преимущественно с проблемами развития маслоделия и молочного животноводства. После преобразования Бюро в общеагрономический орган изменилось название журнала, он стал именоваться «Справочным листком по сельскому хозяйству и артельному маслоделению», выходил еженедельно, значительно расширилась его проблематика.

Из отчета тобольского правительственного агронома Департаменту земледелия мы узнаем, что в 1912 г. «Справочный листок», «благодаря энергии и дружной работе редакторов, удалось сделать более интересным и содержательным»¹. Он был широко известен за пределами Тобольской губернии. Об этом свидетельствует переписка одного из его редакторов, В. Ф. Сокульского, с читателями. Например, слушатель сельскохозяйственных курсов из Санкт-Петербурга Ю. Гальвин обращался к нему с такой просьбой: «Хотя я теперь нахожусь далеко от интересов сибирского маслоделия, но, тем не менее, остался интерес к среде, в которой вращался и работал много лет. Поэтому покорнейше прошу Вас не отказать в высылке мне “Справочного листка”, в котором бывает много интересного материала»². Аналогичная просьба содержалась и в другом письме – из Читы от инструктора Ф. Мокрушина: «Не откажите мне в высылке на 1913 г. Вашего уважаемого журнала, так как развитие маслоделия здесь, в Забайкалье, является еще делом новым, и сведения, помещающиеся на страницах “С. Л.”, являются весьма ценными»³.

¹ Краткий обзор деятельности правительственной агрономической организации в Сибири и Туркестане в 1912 г. СПб., 1914. С. 171.

² Государственный архив Курганской обл. Ф. 149. Оп. 1. Д. 21. Л. 171.

³ Там же. Д. 75. Л. 45.

В 1912–1913 гг. в разных городах Западной и Восточной Сибири почти одновременно появилось несколько периодических изданий. Это «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства» (Омский отдел МОСХ, Омск), «Сибирская деревня» (Восточно-Сибирское общество сельского хозяйства, промышленности и торговли», Красноярск), «Забайкальский хозяин» (Забайкальское общество сельского хозяйства, Чита), «Иркутский хозяин» (Иркутская губернская правительственная агрономическая организация, Иркутское сельскохозяйственное общество, Иркутск).

Можно выделить общие черты, характерные для рассматриваемых журналов и газет. Сотрудники всех изданий постоянно искали новые формы сотрудничества с читательской аудиторией и привлечения корреспондентов из числа крестьянского населения, стремились к увеличению количества подписчиков. «...Свою задачу будем считать выполненной только тогда, когда и сибирский хозяин – крестьянин, промышленник и торговец – примет деятельное участие в журнале, не смущаясь формой своих сообщений», – так редакторы «Сибирского хозяина» представляли общественности свою первоочередную задачу¹. Издатели устанавливали, поддерживали и расширяли контакты с крестьянами. Заметных успехов в этом деле удалось добиться редакции журнала «Сибирская деревня». В ее адрес «поступала груда писем и корреспонденций, из которых на страницы журнала могла попасть лишь сравнительно небольшая часть»². Редакционная комиссия в своем отчете в 1915 г. сделала вывод о том, что журнал «с каждым годом делается... собственным органом сибирской деревни, зеркалом ее жизни, эхом всех живых ее сил»³.

Редакции сельскохозяйственных изданий старались дифференцированно подходить к публикации рекламных объявлений. Они применяли гибкую систему скидок для разных категорий подписчиков: бесплатно рассылали журналы сельскохозяйственным обществам, библиотекам, просветительским учреждениям, устанавливали льготные цены для членов обществ, издающих данный журнал, для лиц, выписывавших одновременно два издания одного органа, а также для

¹ От редакции // Сибирский хозяин. 1906. № 1. С. 1.

² Отчет Восточно-Сибирского общества сельского хозяйства, промышленности и торговли за 1915 г. Красноярск, 1916. С. 21.

³ Там же. С. 25.

сельских учителей, агрономов, крестьян, священников. Редколлегии всех изданий усиленно разрабатывали такие программы своих изданий, которые в наибольшей степени отвечали бы запросам читателей, учитывали хозяйственные особенности субрегионов. Это отражалось в изменениях наименования, оформления и объема журналов и газет, в переориентации содержания отдельных рубрик. Часть изданий шла по пути сужения рассматриваемых вопросов, другая, напротив, серьезно расширяла диапазон тем и проблем. С развитием кооперативного движения все без исключения издания стали более интенсивно освещать различные вопросы сельскохозяйственной кооперации, а некоторые журналы дополнили свои подзаголовки словом «кооперативный».

Редакторы пытались оптимально сочетать местный, общесибирский и общероссийский материалы. Журналы и газеты перепечатывали статьи, заметки из известных и авторитетных сибирских и центральных периодических изданий, осуществляли обмен изданиями. В частности, местная печать помещала материалы из общероссийского журнала «Молочное хозяйство», сибирские же авторы, в свою очередь, печатались на страницах «Молочного хозяйства». Благодаря такому подходу читатель имел возможность соотносить информацию из разных регионов по интересующим его вопросам, более оперативно ориентироваться в происходящих переменах.

Все издания имели примерно одинаковые рубрики: редакционные статьи и статьи специалистов по различным отраслям сельского хозяйства, «Корреспонденции», «Хроника», «Вопросы и ответы», библиографический и справочный отделы, реклама и объявления. В начале первого десятилетия XX в. отчетливо обозначились тенденции увеличения тиража сельскохозяйственной периодики и выпуска разнообразных приложений к уже существующим изданиям. Например, в 1913 г. вышел в свет журнал «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства» тиражом в 2500 экземпляров, а на следующий год появилось популярное приложение к нему – газета «Сельскохозяйственная жизнь». С 1915 г. «Сельскохозяйственная жизнь» превратилась в двухнедельный журнал с тиражом в 2500 экземпляров. Несмотря на наступившее военное время, сельскохозяйственная печать продолжала развиваться и приобретать новых читателей.

Периодически журналы переживали кризисные моменты, вызванные иногда недостатком средств на их издание, но чаще – сменой редактора и сотрудников. Издание реформировалось, после чего оно

вновь обретало своего читателя и завоевывало известность. В качестве примера можно привести ситуацию, сложившуюся с публикацией журнала «Сибирское сельское хозяйство». К концу 1913 г. расцвет и заслуженное признание его деятельности сменились упадком, который выразился в существенном уменьшении количества сотрудников и подписчиков. Если в 1910 г. насчитывалось 45 сотрудников и 954 подписчика, то в 1913 г. число сотрудников сократилось до 12 человек, а численность подписавшихся – до 368¹. В ходе неоднократных обсуждений перспектив развития журнала, происходивших на заседаниях Западно-Сибирского сельскохозяйственного общества, удалось принять конкретные меры, позволившие изменить негативную ситуацию, и уже в 1914 г. число подписчиков увеличилось до 1797 человек и учреждений, из которых 1156 представляли сельских жителей².

Несмотря на денежную поддержку сельскохозяйственным обществам, занимавшимся издательской деятельностью, со стороны Департамента земледелия (ежегодная сумма пособий составляла 600 р. на одно издание), журналы и газеты испытывали затруднения и не всегда могли уплатить гонорар своим внештатным корреспондентам, которыми являлись агрономы, инструкторы по маслоделию, ветеринарные врачи, преподаватели сельскохозяйственных школ, чиновники Переселенческого управления, владельцы крупных хозяйств. Корреспонденты писали популярные статьи по актуальным вопросам сибирского сельского хозяйства, обобщали данные опытов по изучению сортов зерновых и кормовых культур, проводимых опытными полями и сельскохозяйственными фермами, анализировали первые результаты, полученные в ходе исследования сибирского скота. Многие из этих публикаций были основаны на личном изучении специфики земледельческого и животноводческого хозяйства сибирского населения и, по сути, представляли собой первые научные изыскания в области сельского хозяйства. Среди авторов публикаций мы находим известных ученых П. Н. Крылова, Н. Ф. Кащенко, В. В. Сапожникова.

Население, как показывают источники, активно старалось применять на практике советы и рекомендации, которые были опубликованы на страницах периодики. Крестьяне выражали признательность

¹ Труды Западно-Сибирского общества сельского хозяйства за 1913–1915 гг. Томск, 1917. Кн. 4. С. 108.

² Там же. С. 16.

коллективам редакций за их труд, и эта благодарность являлась высшей оценкой работы издателей, редакторов и технического персонала сельскохозяйственных изданий, вносивших свой посильный вклад в процесс модернизации сельскохозяйственного производства на территории Сибири в начале XX в.

Сибирские крестьяне обращались с многочисленными вопросами в редакции газет и журналов. По тематике эти вопросы можно объединить в следующие группы: 1) технические вопросы состояния и развития сельского хозяйства; 2) вопросы, касающиеся системы землепользования; 3) проблемы кооперации; 4) технические вопросы, не касающиеся сельскохозяйственного производства; 5) вопросы культурного развития деревни; 6) спорные вопросы общинного самоуправления; 7) вопросы, вызванные Первой мировой войной. Далее более подробно мы остановимся на рассмотрении первых двух групп вопросов, которые лидировали по количеству обращений по их поводу в редакции сельскохозяйственных изданий.

Крестьянские вопросы, обращенные к *техническому состоянию и развитию сельского хозяйства*, позволили нам выделить несколько сюжетов, которые мы представим, обратившись к материалам журнала «Сибирская деревня» по Енисейской губернии.

Во-первых, часть вопросов касались проблем, которые в изучаемый период вставали перед крестьянами, начинавшими овладевать современными эффективными методами ведения земледелия, животноводства, огородничества, пчеловодства, а также переработки сельскохозяйственной продукции. Обращает на себя внимание тот факт, что отдельные крестьяне и целые сельские общества, озаботившиеся применением новаций в своих хозяйствах, стремились наладить связи с теми, кто имел опыт и знания в этом деле. Так, Ефим Коробейников из с. Пироговское Бельской волости Енисейского уезда писал: «Желательно, чтобы кто-нибудь *поделился* (здесь и далее выделено нами. – Н. Д., Л. К.) на страницах “Сибирской деревни” *опытом и наблюдениями* над посевом и урожаем шведского овса»¹.

Весьма показательны вопросы, касавшиеся скотоводства. Отвечая Островско-Тарватскому сельскому обществу Красноярского уезда, сотрудники «Сибирской деревни» писали: «Зная ваши местные условия, можно рекомендовать вам выписку овец романовской породы, каковых

¹ Вопросы и ответы // Сибирская деревня (далее – СД). 1914. № 6. С. 27.

можно выписать из Романовской племенной овчарни»¹. А крестьянину Якову Крашенинникову (с. Берёзовское Минусинского уезда), отвечая на соответствующий вопрос, авторитетно заявляли: «Подходящим скотом для Минусинского уезда можно бы Вам порекомендовать скот “швицкий”»². Много было вопросов, связанных с пчеловодством, начиная с того, реалистичны ли этим заниматься в конкретной местности («Насколько пригодна Бельская волость для пчеловодства?»³), как можно получить участок под пасеку⁴, где купить пчел и ульи⁵, и заканчивая тем, как сделать занятие пчеловодством доходным⁶.

Спрашивали крестьяне также, где можно выписать различные огородные культуры, как спасти огород и сад от вредителей. Вопросы были конкретные, редакция в своих ответах старалась предоставить развернутую и ясную информацию. На житейский вопрос А. Ф. Ананьева из с. Таштып (Минусинский уезд) «Как оградить ягодный сад от нападения дроздов?» секретарь редакции журнала А. В. Байкалов заметил: «К сожалению, мы не можем рекомендовать Вам какой-нибудь способ, который вполне избавил бы Вас от маленьких хищников. Дрозд – очень смелая и умная птичка, и такие средства, как пугала и т. д., его не устрашают. Попробуйте поставить в нескольких местах сада трещотки с привязанными к ним разноцветными лоскутками»⁷.

Во-вторых, достаточно часто крестьяне интересовались вопросами переработки продуктов земледелия и скотоводства, в частности, устройством маслобоек, организацией маслодельных кооперативов и артелей. Крестьянин Ф. Капля из д. Михайловки Канского уезда Енисейской губернии задавал редакции «Сибирской деревни» такие вопросы: «Где можно на практике изучить маслоделие и сыроварное дело и во сколько времени? Какая сумма потребуется для заведения инвентаря для маслоделия и сыроварения и где таковой выгоднее приобрести? Возможно ли получить ссуду от казны для этого дела и в каком размере?»⁸. Редакция информировала своих читателей о курсах

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. 1913. № 12. С. 40.

⁴ Там же. 1915. № 16/17. С. 42.

⁵ Там же. 1914. № 6. С. 28.

⁶ Там же. 1913. № 12. С. 40.

⁷ Там же. 1914. № 20. С. 30–31.

⁸ Там же. 1913. № 1. С. 23.

по маслоделию, на которых они получили бы исчерпывающие ответы. Крестьянину Н. И. Савину (переселенческий участок Туган) по вопросу создания маслодельной артели рекомендовала обратиться к уездному агроному, а маслобойные принадлежности выписать через бюро посреднических операций при Восточно-Сибирском обществе сельского хозяйства, промышленности и торговли, которое отпускает эти товары с рассрочкой платежа¹. Крестьяне задавали вопросы и о строительстве усовершенствованных мельниц. Так, доверенному сельского общества А. П. Голованову «Сибирская деревня» отвечала, что «паровую мельницу Ваше общество может приобрести на льготных условиях через казенный склад сельскохозяйственных орудий»².

В-третьих, крестьяне просили порекомендовать книги и журналы по проблемам сельского хозяйства. Отвечая им, «Сибирская деревня» сообщала адрес и подписную цену газет «Торговое дело», «Птицеводческое хозяйство», «Земледельческой газеты», а также «Ветеринарно-фельдшерского вестника»³. Отвечая на подобные вопросы, сотрудники редакции журнала называли пособия по культуре клубники и земляники, сообщали о книгах по овцеводству, пчеловодству, маслоделию, сыроварному делу и т. п.⁴

Крестьянские вопросы в редакции сельскохозяйственных журналов зафиксировали ситуацию, которую современный исследователь А. И. Рейтблат охарактеризовал так: от журналов ждали инструкций к повседневной практике⁵, когда, по меткому выражению одного земледельца, «крестьянское хозяйство... не может быть блином, а должно быть пирогом с начинкой»⁶. И, как нам кажется, журналисты стремились по мере своих возможностей удовлетворять потребность сельского населения в получении быстрой и качественной информации по интересующим его проблемам.

¹ Там же. 1914. № 18. С. 31.

² Там же.

³ См., например: Вопросы и ответы // СД. 1914. № 10. С. 30; № 11. С. 28; № 15. С. 48.

⁴ См., например: Там же. 1913. № 1. С. 23; 1914. № 11. С. 28; 1915. № 1. С. 33; № 8. С. 28–29.

⁵ Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту: очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. М., 1991. С. 18.

⁶ NN. Несколько слов о крестьянском скотоводстве в Тарском уезде: (сообщение из с. Евгашинского) // Сибирский хозяин. 1907. № 9. С. 2.

В повседневной практике сибирской деревни начала XX в. одним из актуальнейших стал *вопрос реформирования системы землепользования*. Перемены, переживаемые ею в связи с массовым притоком в Сибирь аграрных мигрантов, заметно обострили вопрос об отношении к общинному землепользованию: стараться его сохранить или заменить подворным (хуторским) землепользованием. Сибирские крестьяне получили возможность высказать свои суждения на этот предмет на страницах сельскохозяйственных журналов.

Работа с корреспонденциями журнала, посвященными данному вопросу, позволила нам сделать следующие выводы. Во-первых, опубликованные материалы показывают осознание крестьянами остроты проблемы. Во-вторых, отношение к наличному общинному землепользованию в сибирской деревне было неоднозначным: одни сельские жители ратовали за сохранение общинного наделного землепользования, другие выступали за выход из общины. И, наконец, в-третьих, в селениях формировалось несколько стратегий поведения крестьян по отношению к обострявшейся проблеме: 1) пассивное отношение к этой проблеме; 2) осторожное экспериментирование в области поземельных отношений; 3) активное проведение в жизнь той или другой своей позиции.

Все эти стратегии в равной мере были представлены крестьянскими корреспондентами «Сибирской деревни». Так, крестьянин П. В. Дёмин (с. Кочергинское одноименной волости Минусинского уезда), сообщал, что в их селе пользование землей общинное, и «в настоящее время оно вызывает массу недоразумений и ссор среди крестьян, так как жизнь идет вперед быстро, появляются новые земледельцы, нуждающиеся в земле, а ее нет», и «вопрос о разделе земли на отруба уже назревший и необходимый»¹. Еще драматичнее описывал ситуацию крестьянин Г. Манкевич из д. Климовская Больше-Улуйской волости Ачинского уезда. Он свидетельствовал, что в их деревне с приходом новых жителей «начались раздоры из-за обладания всяким более доступным клочком земли. На почве таких споров в 1911 г. произошло даже убийство... Не находя другого выхода, крестьяне задумали выделиться на хутора. Летом текущего года проходят работы по обмежеванию хуторов. Почти 1/2 домохозяев выходит на хутора»².

¹ Корреспонденции // СД. 1914. № 18. С. 19.

² Там же. № 19. С. 17.

Крестьянские корреспонденты присылали яркие зарисовки из жизни мирского самоуправления, показывающие отношение к общине и предлагаемые крестьянами пути решения вопроса наделения землей новоселов. Пассивность крестьян заключалась в том, что, принимая решение, они часто не предпринимали никаких шагов по проведению его в жизнь. Мы позволим себе три примера. Любопытным кажется свидетельство крестьянина Е. П. Щукина, который описал такую ситуацию: «На участок Плотбищенский Тасеевской волости Канского уезда в начале сентября прибыл производитель работ «командированный для переговоров с нашими крестьянами о способе размежевания наших угодий. *Три года назад наше общество постановило приговор о желании изменить систему землепользования – [перейти] вместо общинной на хуторскую, и уже забыло об этом.* И вот, как снег на голову, явился производитель работ. Собрали сход, и сначала все предлагаемые производителем вопросы решали единогласно. Но когда затронули вопрос о разверстании [земли], то тут и пошла кутерьма. Покричали достаточно... После перебранки решили оставить этот вопрос до окончания войны»¹. Хуторянин И. Зубковский писал о своих соседях-общинниках: «Культурные и предприимчивые крестьяне, приезжая ко мне на хутор, вздыхали и говорили: “Вот кабы мне так, я бы через пять-шесть лет был бы первым хозяином. Ведь у вас можно всё посеять, и вырастет; скотину ли какую завести, птицу ли – всё перед глазами»². В корреспонденции Зубковского содержится сообщение о второй стратегии поведения – «осторожном эксперименте»: «Мой приятель приехал весной ко мне на хутор и для своих нужд посеял загон маку, а на следующий год хочет посеять у меня же гороху»³.

Завершая описания крестьянских стратегий поведения, приведем свидетельство активной позиции, которую демонстрировали и противники, и сторонники общины. Корреспондент «Сибирской деревни» И. Жибинов описывал в 1914 г. крестьянский сход в Минусинском уезде: «В селе Курагинском 18 мая с. г. состоялся сельский сход, *много лет желанный*, на котором предрешился вопрос очень важный для среднего и низшего класса населения с. Курагинского.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

Это вопрос о разделе земли из общего пользования на участки»¹. Автор корреспонденции сообщал, что возбужден этот вопрос был по инициативе местного крестьянина А. Д. Сбруева. Описывались инициативные действия Сбруева: он обошел село подворно, опросил домохозяев о согласии на раздел. Результат получился следующий: «Изъявили согласие на раздел 184 человека, что дало возможность просить крестьянского начальника разрешить провести сельский сход», на котором столкнулись позиции сторонников и противников общины². Публикации, посвященные этому сюжету, показали, что борения по поводу того, «быть или не быть» общине, далеко не закончились. Чтобы одержать победу в этой драматичной борьбе, нужно было приложить еще немало усилий.

Мы затронули здесь лишь две группы вопросов, актуализированных сельским населением Сибири на страницах местной сельскохозяйственной периодической печати. Они позволяют выявить настроения, заботы, нужды сибирской деревни начала XX столетия – того периода, когда здесь наметились первые признаки модернизации традиционной системы хозяйствования и общественных отношений. Сельскохозяйственную печать можно рассматривать не только как источник информации об этих признаках, но и как важный инструмент наметившихся модернизационных преобразований.

1.4. СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ 1930-х – НАЧАЛА 1940-х ГОДОВ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ИСТОРИКОВ О ЗАДАЧАХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ

Активная общественная дискуссия последних лет о целесообразности «единого учебника» по истории России актуализирует обращение к историческому опыту создания такого рода текстов и роли экспертного сообщества историков в этом процессе.

Исторические журналы 30–40-х гг. XX столетия являлись одним из эффективных институтов идеологического программирования не только представителей профессиональной корпорации историков, но

¹ Там же. № 16. С. 21.

² Там же.

и достаточно широкой читательской аудитории, включавшей в себя учителей, пропагандистов, политработников Красной армии, студентов исторических факультетов и др. Редакции ведущих исторических ежемесячников, определяя свою целевую аудиторию, в первую очередь ориентировались именно на «кадры историков-преподавателей и партпропагандистов», рассчитывая на то, что журналы станут «дополнительным пособием в их педагогической и партийно-пропагандистской работе»¹. Исходя из такого образа читателей, издания определяли и задачи своей работы. Например, «исторический массовый ежемесячный журнал» с говорящим названием «Борьба классов», издававшийся обществом историков-марксистов при Комкадемии ЦК СССР, так определял свою цель: «Наш журнал стремится стать подлинно боевым органом пропаганды марксизма-ленинизма на историческом материале и разъяснять массам актуальные современные проблемы в свете исторического опыта классовой борьбы международного пролетариата и всемирно-исторического опыта пролетарской диктатуры и строительства социализма в СССР»².

О стремлении влиять на воспитание молодого поколения «страны победившего социализма» и конструировать исторические представления советских людей свидетельствует пристальное внимание специализированных журналов к содержанию исторического образования в школе и вузе. Это нашло отражение даже в структуре и рубрикации изданий. Так, в «Историческом журнале», который номинировался как «ежемесячный популярный иллюстрированный журнал по вопросам гражданской истории», до июля 1941 г. действовал постоянный отдел «Преподавание истории в школе».

О том, что исторические ежемесячники не только претендовали на символическую власть над преподавателями истории, но и обладали ею, свидетельствуют многочисленные учительские письма в редакции журналов, опубликованные результаты опросов учителей – слушателей курсов повышения квалификации Наркомпроса. Так, в одном из отчетов о деятельности названных курсов читаем: «Беседы со слушателями подтвердили, что журнал “Борьба классов” пользуется у учителей истории большой любовью и популярностью. Журнал помогает им в их практической работе, расширяет их кругозор. Отдель-

¹ Трибуна читателя // Борьба классов (далее – БК). 1934. № 4. С. 102.

² К читателям журнала // БК. 1934. № 1. С. 175.

ные учителя сельских школ с большим удовлетворением сообщали, что у них имеется полный комплект “Борьбы классов”, и что они постоянно пользуются им»¹.

Когда и почему на страницах исторических ежемесячников началось активное обсуждение проблем преподавания истории в школе? Какое место в изучении прошлого отводилось учебникам? Какие задачи ставились перед ними? Какие критерии были положены в основу отбора их содержания? Кто принимал участие в дискуссиях о советских учебниках истории? Какие тематические дискурсы актуализировались в процессе обсуждения историками «идеального учебника»? Вот круг вопросов, которым посвящена данная глава коллективной монографии.

В качестве основного источника, как свидетельствует название главы, мы привлекли разножанровые публикации идеологически маркированных специализированных исторических изданий: «Борьбы классов» (1931–1936) и «Исторического журнала» (1937–1941). Собственно, это был один и тот же журнал, сменивший в 1937 г. свое название.

Сплошной просмотр годовых комплектов названных изданий позволяет утверждать, что тема школьного учебника истории становится одной из ключевых с 1934 г., после появления знаменитого постановления 16 мая ЦК ВКП(б) и СНК «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Однако первые публикации о том, каким должен быть «большевицкий учебник» появились годом раньше, в 1933 г. И. Токин в рецензии на учебник С. М. Моносова «Очерки истории революционного движения», опубликованной на страницах «Борьбы классов», утверждал: «Исторический учебник, посвященный эпохе буржуазных революций в Западной Европе, должен, как и учебник по истории любой эпохи, исходить из правильных методологических позиций... Изучение этой эпохи [буржуазно-демократических революций в Западной Европе 1789–1871 гг.] должно подвести читателя к пониманию важнейших программных и тактических положений большевизма. На конкретном историческом материале можно показать учащемуся неразрывную связь в развитии марксизма и массового рабочего движения, показать, как боролись Маркс и Энгельс за то, чтобы марксизм победил в рабочем движении, чтобы он стал господствующей идеологией рабочего класса. Изучение этой эпохи должно подвести к

¹ *Поль К.* К итогам работы курсов // БК. 1936. № 5. С. 126.

пониманию того, как Ленин и Сталин продолжили разработку опыта революционной борьбы, развивая марксизм дальше... Все вопросы истории этой эпохи, таким образом, являются вопросами политическими, актуальными и в известном смысле сугубо современными»¹.

«Борьба классов» образца 1933 г. предельно конкретно определяла задачу учебника – формирование большевистского мировоззрения. Предназначение же истории как науки и учебного предмета – продемонстрировать прогрессивность и историческую предопределенность марксистской теории, творчески развитой вождями российской революции, «вооружить учащегося ценнейшим оружием современной классовой борьбы пролетариата». Обозначенное целеполагание задавало критерии отбора материала для учебника: история классовой борьбы и рабочего класса, отдельные сюжеты экономической истории, иллюстрирующие положение пролетариата.

Примечательно, что одним из важных аспектов обсуждения социальных функций советского учебника являлось выявление идейных врагов, с происками которых должен был бороться «правильный» учебник. В соответствии со сталинской теорией обострения классовой борьбы по мере строительства социализма перечень этих врагов уточнялся в зависимости от текущей политической конъюнктуры. В 1933–1934 гг. «наш» учебник должен был разоблачать меньшевистские и буржуазные искажения истории. «Наши марксистские исторические учебники должны резко и принципиально отличаться от старых царских или нынешних буржуазных учебников истории, как резко отличается вся система нашего марксистско-ленинского образования и воспитания от буржуазной», – читаем в передовой статье «Борьбы классов» за апрель 1934 г.² В связи с этим работа по созданию новых учебников объявлялась «боевой и важнейшей задачей, на реализацию которой должны быть мобилизованы все силы историков-исследователей и педагогов-практиков. Без кооперации этих двух групп работников в области исторического образования невозможно в достаточной мере удовлетворительно выполнить задания партии, которые на настоящем этапе приобретают особо важное политическое значение»³.

¹ Токин И. Создадим большевистский учебник: (о книге С. Моносова «Очерки революционного движения» под ред. Л. Рыклина) // БК. 1933. № 7. С. 109.

² Историческое образование на новом этапе // БК. 1934. № 6. С. 3.

³ Там же.

Номинация «буржуазные» присваивалась как дооктябрьским, так и зарубежным учебникам. Русские досоветские учебники обвинялись в том, что они не имели научной основы и осуществляли задачу националистического, религиозного, верноподданнического воспитания молодых поколений в духе покорности и преданности царизму¹. Очень типична, с точки зрения выявления риторики «говорения» о «старых» учебниках, следующая реплика: «Преподавание истории в дореволюционной школе было построено на основе буржуазной идеалистической методологии, которая объясняла ход истории желаниями и действиями сильных личностей (царей, вождей, великих мыслителей и т. д.). Это прививало учащимся неправильное, анти-марксистское понимание истории, монархизм, национализм и имело целью сделать из них верных рабов капитала. Мы должны дать учащимся историческое образование, построенное на научных основах, чтобы подготовить из них сознательных и активных участников социалистического строительства»².

Однако, несмотря на столь критичную оценку мировоззренческих оснований учебников «старой» России, предлагалось учитывать методические достижения «наиболее прогрессивных» авторов: простой и доступный для детей язык описания исторических событий, яркое оформление, крупный шрифт, небольшой формат, наличие картографического материала. Показательна в этом смысле оценка учебника русской истории С. Ф. Платонова, данная А. Стражевым: «Его приемы изложения следующие: пользование современным изображаемому явлению языком; раскрытие логики процесса или явления в самом ходе рассказывания (без специальных обобщающих рассуждений) и действительные обобщения лишь в конце больших периодов; сюжетность и конкретность каждого параграфа (его действительно можно пересказать); исключительная простота построения фразы... Весь учебник оформлен одним крупным, четким шрифтом»³.

Зарубежным учебникам, содержание которых было предметом активного обсуждения исторических ежемесячников в 1934–1935 гг.,

¹ Мишулин А. Древняя история в высшей и средней школе // БК. 1934. № 6. С. 9–12; Фридлянд Г. С. Об учебнике по новой и новейшей истории // БК. 1934. № 6. С. 17–20.

² Мерзон И. Как нам показывать исторических деятелей в школьном преподавании истории // БК. 1935. № 5. С. 53.

³ Стражев А. Учебник истории царской России // БК. 1934. № 6. С. 62.

ставилась в вину тенденциозность¹. Акцентировалось стремление буржуазных стран «превратить учебник в орудие своего идеологического классового господства»².

Процесс обсуждения школьных учебников позволяет расширить наши представления о роли исторических ежемесячников в формировании и трансляции образов «внутренних» и «внешних» врагов, обеспечивавших устойчивость сталинского режима. Симптоматично, что в середине 1930-х гг. в числе самых ярых «внешних» врагов фигурировал германский фашизм. Так, в статье секретаря парткома Института красной профессуры И. А. Кудрявцева (1936 г.) с символическим названием «На историческом фронте» встречаем такие слова: «Историки-большевики призваны бороться против всякого вида фальсификации истории, среди которых самыми изощренными фальсификаторами являются фашистские историки. Если наши историки не противопоставят фашистским историкам историческую правду, а только ненаучные схемы, то они окажутся совершенно бессильными в борьбе с ними»³.

А. Соколова в статье, посвященной задачам исторического образования в Германии 1930-х гг., называет следующие черты «фашистского» образа истории, наложившие отпечаток на преподавание истории в школе: 1) основные идеи школьной истории вытекают из книги А. Гитлера «Моя борьба»; 2) понимание истории как служанки фашистской идеологии, в соответствии с которым всё противоречащее официальной идеологии должно быть выкинуто из школьного курса; 3) задача истории состоит в критическом рассмотрении прошлого не для того, чтобы учить массы постановке целей (на это существуют фашистские вожди), а для того, чтобы научить массы понимать и верить политике; 4) изучение истории не должно отвечать текущим запросам дня, оно должно преследовать политику дальнего прицела; 5) изучение истории – приготовительный класс для политики, но история ниже политики, она должна подчиняться интересам политики⁴.

¹ См., например: *Бернадский В.* О «германоведческом» течении в методике истории // БК. 1934. № 6. С. 77–83; *Иоанисиани А. З.* История в школах Франции // БК. 1934. № 6. С. 84–91; *Лившиц Е.* Преподавание истории во французской школе // Исторический журнал (далее – ИЖ). 1939. № 6. С. 92–99; *Соколова А.* О преподавании истории в фашистской Германии // БК. 1934. № 6. С. 63–76.

² *Мишулин А.* Указ. соч. С. 9.

³ *Кудрявцев И. А.* На историческом фронте // БК. 1936. № 3. С. 135.

⁴ *Соколова А.* Указ. соч.

К концу 1930-х гг., в связи с поиском СССР новых геополитических приоритетов, а возможно, в связи с боязнью аналогий фашизма со сталинизмом со страниц журналов практически исчезают не только публикации, посвященные историческому образованию в Германии периода фашистской диктатуры, но и статьи, связанные с настоящим и прошлым немецкого государства.

С 1936 г. именно под знаменем обсуждения содержания учебников по гражданской истории активизируется критика исторической концепции М. Н. Покровского. В статьях Н. И. Бухарина, уже упомянутого И. А. Кудрявцева, В. Быстрянского, А. Фохт будировалась идея о том, что создание «истинно марксистских» учебников невозможно без преодоления «антинаучной, антиленинской, ликвидаторской по отношению к истории» методологии Покровского¹. На «первого марксистского» историка возлагалась вина за «антиисторизм, схематизм, антидиалектичность, голый социологизм», характерный и для исторической науки 1930-х гг., и для школьных учебников. Именно в приверженности своего учителя высшее партийное руководство и «прогрессивные историки» обвиняли его учеников, создателей одного из первых учебников, вышедшего после знаменитого постановления 1934 г., выпускников Института красной профессуры, историков «первого марксистского поколения» Н. Н. Ванага, И. И. Минца².

Однако партийное руководство считало, что исторические журналы приняли недостаточное участие в деле разоблачения идейных врагов ленинизма-сталинизма. В 1937 г. на страницах газеты «Правда» вышла критическая статья об «Историческом журнале», в которой подчеркивалось, что журнал «не выполнил одной из важнейших задач, поставленных перед историками, задачи разоблачения вредителей на фронте истории; журнал не вскрыл и не разоблачил всевозможные методы, которыми пользовались вредители в своей подрывной работе на историческом фронте. Вредительство на историческом фронте выразилось не только в прямом извращении троцкистско-зиновьевско-

¹ Там же. С. 129; *Бухарин Н. И.* Нужна ли нам марксистская историческая наука: (о некоторых существенно важных, но несостоятельных взглядах М. Н. Покровского) // БК. 1936. № 2. С. 10–19; *Фохт А. В.* О методических и педагогических ошибках школы М. Н. Покровского // ИЖ. 1937. № 2. С. 101–110.

² *Сталин И. В.* В Совнарком Союзу ССР И ЦК ВКП(б) // БК. 1936. № 2. С. 1–5; *Сталин И., Жданов А., Киров С.* Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» // БК. 1936. № 2. С. 6–7; *Кудрявцев И. А.* Указ. соч. С. 131.

бухаринскими агентами истинной, правдивой истории, но и в занижении темпов научно-исследовательских работ и их публикаций, в затирании актуальнейших проблем и выдвигании на первый план второстепенных, совсем незначительных вопросов, в замалчивании, как уже указывалось выше, важнейших работ классиков марксизма»¹.

Итак, идея создания новых учебников истории аргументировалась, в первую очередь, идеологическими потребностями социалистического государства, борьбой с пережитками капиталистического мировоззрения, разоблачением «происков» внутренних и внешних врагов. Дискуссия по поводу тематической структуры, теоретических оснований, критериев отбора содержания для советского учебника истории спровоцировала вспышку интереса представителей «новой генерации историков» к определению приоритетных направлений развития исторической науки, активизацию профессиональной рефлексии о предметном поле и функциях истории. Создание «правильных» учебников рассматривалось историками как научно-историческая работа серьезного методологического и методического характера².

Критикуя учебники, написанные предшественниками, «официальные» интеллектуальные лидеры советской исторической науки Н. Н. Ванаг, М. В. Нечкина, А. М. Панкратова, Г. С. Фридлянд изложили свои представления о том, какие сюжеты прошлого являются наиболее значимыми в практике воспитания «сознательных членов бесклассового общества», какие источники наиболее важны для реконструкции прошлого, в чем смысл изучения истории³. Риторика их статей, способы аргументации своих доводов, «стратегии говорения» об истории являются ценным источником изучения мира «красного профессора», коммуникативной культуры и мировоззренческих ориентаций профессионального сообщества первых советских историков.

Н. Н. Ванаг упрекал авторов существующих учебников за схематизм и «голую социологизацию» истории, настаивал на необходимости показа в учебниках «живых людей, творящих историю», на персонализации фактов и событий прошлого. Рассуждая о воспитательной функции истории, которая реализуется через школьные

¹ Очередные задачи // ИЖ. 1937. № 6. С. 7.

² См., например: Фридлянд Г. С. Указ. соч. С. 20.

³ См., например: Там же. Указ. соч. С. 16–20; Нечкина М. В. Об учебнике и «чувстве исторической перспективы» // БК. 1934. № 6. С. 21–24; Ванаг Н. Н. Поворот к исторической конкретности // БК. 1934. № 6. С. 5–8; и др.

учебники, он писал: «Перестройка преподавания истории требует такого отбора исторических фактов, в результате которого перед школьником стал бы весь конкретный исторический процесс, на основе которого школьник мог бы придти к необходимым обобщениям. Без систематического знания этой конкретной истории теряется основная цель ее изучения – воспитание исторической перспективы, без которой не может обойтись ни один сознательный борец на фронте нашего хозяйственного и культурного строительства»¹.

М. В. Нечкина вполне в духе времени выступала против догматизма и абстракции прежних учебников и утверждала, что основные требования к новому учебнику – богатое конкретно-историческое содержание и систематичность его изложения. Любые выводы должны «покоиться на фундаменте фактов», помогать анализировать историческую действительность. Как свидетельствуют тексты учебников 1930-х гг. и их обсуждение в исторических ежемесячниках, плодотворной и услышанной современниками оказалась мысль историка о том, что наряду с трудящимися массами предметом изучения должна стать «другая сторона баррикады»: правительственная политика, история правительств, правительственные учреждения, жизнь и быт антагонистических трудящимся общественных классов. Именно эти описания призваны были помочь учащимся охарактеризовать повседневный фон, классовую обыденность эпохи, глубже усвоить представлением об эксплуатации трудящихся, заполнить его живым, конкретным содержанием².

Идея Н. Н. Ванага и М. В. Нечкиной о необходимости изучения жизни и деяний не только революционных деятелей, но и «классовых врагов», «эксплуататоров» (в том числе императоров, представителей правительственной элиты), впервые была сформулирована при обсуждении школьных учебников и впоследствии стала одним из направлений исторических исследований. Если до середины 1930-х гг. на страницах исторических журналов доминировала тематика, связанная с историей российского и мирового революционного движения, классовой борьбы, оппозиционному царизму общественной мысли, активно создавалась история трудовых коллективов, то во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. появляются первые публикации,

¹ Ванаг Н. Н. Указ. соч. С. 8.

² Нечкина М. В. Указ. соч. С. 24.

посвященные внутренней политике, социальной структуре дореволюционной России.

К концу 1930-х гг. в дискуссии о советском учебнике в исторических ежемесячниках общим местом стала идея о том, что основным критерием оценки личности и социальной группы в истории является ее отношение к классовой борьбе. Наиболее емко это сформулировал методист И. Мерзон: «Так как история является мощным орудием коммунистического воспитания подрастающего поколения, то характеристики исторических деятелей нужно давать учащимся так, чтобы они переживали социально-экономические конфликты, нужно воспитывать в них ненависть ко всем классовым врагам и угнетателям трудящихся и, наоборот, сочувствие и стремление подражать всем тем, кто активно боролся в рядах трудящихся против угнетения человека человеком»¹.

Против обезличивания истории в школьных учебниках выступал Г. С. Фридлянд, предпринявший на страницах «Борьбы классов» анализ первых советских учебников с точки зрения методики преподавания истории. Он обратил внимание на одно существенное обстоятельство: в 1920-х – начале 1930-х гг. отрицалась сама идея учебника как систематического изложения конкретно-исторических сведений об определенной эпохе. Учебник предполагалось заменить «рабочей книгой», материалы которой должны были воспитать в школьнике навыки самостоятельной работы, по преимуществу для широких социологических обобщений, на базе весьма скудного конкретно-исторического материала².

Напрашивается предположение о том, что с усилением тоталитарных тенденций в общественной жизни учебник становится наиболее предпочтительным, с точки зрения идеологического программирования, учебным пособием. Он навязывал учащимся «готовое», «проверенное» партийным руководством знание, допускал интерпретацию исторических событий только в рамках оценочных категорий «правильно – неправильно», позволял учителю по строго заданным параметрам осуществлять контроль над усвоенной школьниками унифицированной информацией. Учебный диалог, без которого невозможна работа по «рабочим книгам», сменялся монологом учебника или учителя.

¹ Мерзон И. Как показывать исторических деятелей в школьном преподавании истории // БК. 1935. № 5. С. 54.

² Фридлянд Г. С. Указ. соч. С. 16.

В текстах советских учебников происходила реализация идеи Фридлянда о том, что в учебниках должна быть воплощена эпоха как единый целостный процесс. Суть его проекта структуры и содержания учебника сводилась к следующему: «История политическая, экономическая и культурная, техника, наука, искусство и быт должны быть органически связаны друг с другом и с историей рабочего революционного движения. Это означает, что не следует устанавливать одной обязательной структуры для всех отделов. При изложении каждой эпохи каждой данной страны мы выдвигаем на первый план наиболее существенные моменты во всех областях исторического развития в порядке хронологической последовательности. Мы даем описание важнейших событий, показываем героике революционной борьбы. Особое внимание следует уделить характеристике исторических деятелей, политической истории буржуазных правительственных партий, вопросам международных отношений. В разделах, посвященных экономической истории, следует дать конкретное описание производства, в отличие от того, что было до сих пор. Мы доведем до минимума цифровую материал, давая его преимущественно в порядке сравнений и соотношений. В конце книги и в конце каждой ее главы мы дадим некоторую систематизацию основных фактов экономической, политической и культурной истории»¹.

До сих пор не утратило своей актуальности пожелание Фридлянда о том, чтобы в учебники включались в качестве иллюстративного материала тексты классических произведений художественной литературы, которые формируют образное представление о людях и событиях прошлого. При этом учебник должен был помочь школьнику критически осмыслить всё то, о чем он узнал из художественных текстов. Более утилитарную версию представлений о роли учебника встречаем в совместной статье историка А. М. Панкратовой и методиста А. В. Фохт. «Что же дает учебник преподавателю? Прежде всего, он дает ему научно обоснованное и проверенное, систематизированное в историко-хронологической последовательности изложение гражданской истории СССР», – писали лидеры исторической и методической науки в 1940 г.²

¹ Там же. С. 19.

² Панкратова А. М., Фохт А. В. Об учебниках истории СССР для средней школы // ИЖ. 1940. № 11. С. 117.

Наряду с мнением ученых, журналы помещали статьи учителей о роли и функциях учебника в практике преподавания истории в школе. Ленинградский учитель С. Безбах, например, утверждал, что учебник должен: 1) содержать информацию о ключевых событиях и обобщения по материалу, рассказанному учителем на уроке; 2) являться основным и единственным пособием при подготовке к урокам дома и для повторения пройденного в конце года; 3) должен воспитывать советский патриотизм и сознательную любовь к своей социалистической родине; 4) должен быть ярким, образным, вызывать интерес к прошлому нашей родины¹.

На страницах исторической периодики не только обсуждали модель «идеального» советского учебника истории, но и публиковали развернутые проекты учебников, рекомендации по работе с конкретными учебниками². Большой интерес представляют материалы обсуждения таких проектов, в которых принимали участие партийные лидеры, чиновники Наркомпроса, известные историки, методисты, школьные учителя. Содержательное ядро и тональность замечаний определяли высказывания представителей высшего партийного руководства. Нам не удастся выявить разночтений между мнением ЦК ВКП(б), отраженным в широко известных «Замечаниях по поводу конспекта учебника “История СССР”» И. В. Сталина, А. А. Жданова, С. М. Кирова, и многочисленными суждениями об учебниках «научной и педагогической общественности СССР».

За что критиковали учебники истории, вышедшие после постановления 1934 г.? За то, что в курс «Истории СССР» не была вклю-

¹ *Безбах С.* Работа с учебником, роль учебника в школьной работе // ИЖ. 1938. № 4. С. 76.

² См., например: *А. Ф. [Фохт А. В.]* Некоторые выводы по работе в 3–4 классах с учебником «Краткий курс истории СССР» // ИЖ. 1938. № 1. С. 112–113; *Зиновьев М.* О методах работы с учебником «Краткий курс истории СССР» // ИЖ. 1938. № 3. С. 114–116; *Ковалёв С.* О новом учебнике древней истории для средней школы // БК. 1935. № 5. С. С. 33–34; *Косминский Е. А.* Об «Истории Средних веков» // ИЖ. 1941. № 2. С. 127–130; Мерзон И.: 1) Как работать с учебником по истории древнего мира // ИЖ. 1940. № 12. С. 112–116; 2) Работа с учебником по истории в 5–6 классах средней школы // ИЖ. 1938. № 8. С. 102–107; *Панкратова А. М., Фохт А. В.* Указ. соч. С. 117–122; *Фохт А. В.* О работе с учебником по истории СССР в 9 классе // ИЖ. 1941. № 2. С. 112–116; *Шестаков А.* Как преподавать историю СССР по новому учебнику // ИЖ. 1937. № 9. С. 77–86.

чена история народов, вошедших в состав Советского Союза; не были подчеркнуты такие аспекты «аннексионно-колонизаторской», «контрреволюционной» сущности царизма, как «царизм – тюрьма народов», «царизм как международный жандарм»; не охарактеризованы истоки национально-освободительного движения покоренных царизмом народов России; не отражена роль и влияние западноевропейских буржуазно-революционных и социалистических движений на формирование буржуазного революционного движения и движения пролетарско-социалистического в России; не учтена борьба течений в правящей коммунистической партии СССР и борьба с троцкизмом как проявлением мелкобуржуазной контрреволюции. Очевидно, что партийная элита видела в учебнике не только инструмент идеологического господства и «коммунистического воспитания», но и орудие политической борьбы. В связи с этим основное внимание акцентировалось, как и в историографии 1920-х – начала 1930-х гг. (например, в критикуемых работах М. Н. Покровского), на тех сюжетах прошлого, которые подтверждали бы закономерность и неизбежность создания СССР и историческую обусловленность его современной политики. Налицо та самая тенденциозность, за которую критиковались «буржуазные» учебники, доминирование принципа идеологической целесообразности над стремлением к исторической достоверности.

Роль учебников в политическом воспитании школьников особенно акцентировалась после принятия Конституции 1936 г. Именно текст Конституции, наряду с работами В. И. Ленина, И. В. Сталина, признавался одним из самых важных исторических источников, которые должен знать каждый советский школьник¹. Учитель истории из Ленинграда А. Вагин, впоследствии ставший одним из основоположников советской методики преподавания истории, писал по этому поводу: «Работа над ленинским и сталинским текстами создает у учащихся привычку обращаться к первоисточникам и навыки для самостоятельного

¹ *Ефимов Д.* Самостоятельная работа учащихся над произведениями Ленина, Сталина и над «Кратким курсом истории ВКП(б)» // ИЖ. 1939. № 7. С. 125–130; *Поташева Н., Дубосарская М.* Политическое воспитание на уроках истории в 8–9 классах: (из опыта работы) // ИЖ. 1938. № 4. С. 88–92; *Фохт А. В.* «Краткий курс истории ВКП(б)» и учитель истории // ИЖ. 1938. № 12. С. 104–110; *Хазанова Е.* Политическое воспитание на уроках по Конституции // ИЖ. 1938. № 4. С. 85–87; и др.

изучения произведений классиков марксизма в дальнейшем – по окончании школы»¹.

Партийные идеологи, да и поддерживавшие их взгляды авторы отраслевых исторических журналов были искренне убеждены в сакральности учебника истории как основного источника формирования не только исторического сознания, но и мировоззрения в целом. Именно поэтому так трепетно относились не только к отбору содержания, но и к четкости формулировок, не допускающих вариативных интерпретаций исторических событий и явлений. Упомянутое мною постановление, например, гласило: «Мы считаем необходимым коренную переработку конспекта в духе изложенных выше положений, при этом должно быть учтено, что речь идет о создании учебника, где должно быть взвешено каждое слово и каждое определение, а не о безответственных журнальных статьях, где можно болтать обо всем и как угодно, отвлекаясь от чувства ответственности»².

Такое видение роли учебника в преподавании истории в школе во многом предопределило понимание роли учителя на уроке. Так, регулярно публиковавшаяся на страницах исторических журналов А. В. Фохт писала в 1941 г.: «Основная методическая задача, стоящая теперь перед преподавателем истории, найти наиболее действенные методы работы учащихся с учебником, как в классе, так и дома»³.

Школьные учителя и специалисты по методике преподавания истории довольно быстро откликнулись на идеологический заказ серией публикаций не только о формах и методах проверки знаний учащихся, полученных по новым учебникам, но и о «передовом» опыте организации контроля за записями в тетрадях⁴. Примечательна в этой связи статья А. Фохт и Е. Хазановой, посвященная анализу результатов проверки знаний по истории, организованной Наркомпросом в 1936 г. По мнению этих авторов, контрольные работы по истории подтверждают справедливость партийной критики новых школьных учебников, но при этом констатируют улучшение знаний конкретно-исторических

¹ Вагин А. О самодельных наглядных пособиях по истории // ИЖ. 1938. № 9. С. 116.

² Сталин И., Жданов А., Киров С. Указ. соч. С. 7.

³ Фохт А. В. О работе с учебником... С. 112.

⁴ См., например: Мерзон И. Записи учащихся по истории в неполной средней школе // ИЖ. 1937. № 2. С. 118–122; Нечипоренко П. Ученические записи по истории // ИЖ. 1937. № 7. С. 116–118; Поволоцкая М. Запись в тетрадях по истории как один из видов закрепления знаний // ИЖ. 1939. № 10. С. 124–127.

событий и дат. В числе основных недостатков письменных работ школьников отмечались: слабое знание исторических личностей и их исторических заслуг, их характеристика в отрыве от истории классово-вой борьбы; неумение делать правильный обзор и обобщение исторических событий; слабое знание местной истории¹.

Дискуссия о школьных учебниках истории, актуализировав значение истории как важнейшей из общественных наук, спровоцировав рассуждения о роли личности в истории, способствовала формированию сакрального образа И. В. Сталина. Сошлюсь на типичную в этом смысле фразу из статьи преподавателя курсов Наркомпроса К. Поля: «... Мы сделаем всё необходимое, чтобы в области преподавания истории по-большевистски выполнить и провести в жизнь священные и обязательные для всех нас указания нашего вождя и учителя – товарища Сталина»².

Процесс обсуждения школьных учебников выдвинул на «повестку дня» вопрос о подготовке школьных учителей истории. На страницах отраслевых ежемесячников обсуждалось два пути повышения качества профессиональной подготовки преподавателей истории: 1) открытие в 1934–1935 гг. исторических факультетов в педагогических вузах (анализировались их программы, перечень изучаемых дисциплин, вузовские учебники истории); 2) улучшение деятельности курсов повышения квалификации, организовывавшихся Наркомпросом (публиковались отчеты об их деятельности, сведения об уровне профессиональной подготовки учителей)³. Показателем перечень требований к учителю истории, репрезентируемых со страниц отраслевой периодики: «Преподаватель истории должен овладеть марксистским методом понимания исторического процесса. А для этого он должен в совершенстве знать истмат, быть знакомым

¹ *Фохт А., Хазанова Е.* Контрольные работы по истории // БК. 1936. № 4. С. 103–109.

² *Поль К.* К итогам работы курсов // БК. 1936. № 5. С. 123.

³ См., например: *Ивашин И.* О некоторых вопросах преподавания истории средних веков в педагогических учебных заведениях // ИЖ. 1937. № 7. С. 115–116; *Кан С.* За повышение квалификации преподавателей истории: (из опыта проверки их знаний) // БК. 1934. № 4. С. 55–59; *Клабуновский И.* Учитель истории и повышение его квалификации // БК. 1935. № 5. С. 60–67; *Фрязинов С.* О преподавании истории на исторических факультетах педвузов: (учебные планы и программы) // БК. 1935. № 6. С. 125–127.

с художественной литературой, с основами этнографии, искусствоведения и пр. Учитель истории должен стать подлинным мастером своего дела в школе: он должен суметь привить учащимся интерес к историческим знаниям и сделать свой предмет самым живым и увлекательным предметом в школе»¹.

Исторические журналы пытались влиять на процесс преподавания истории в школе не только путем публикации партийных постановлений, посвященных историческому образованию, проектов школьных учебников и дискуссий по поводу их содержания, результатов их апробации, но и информируя педагогическую и научную общественность о новых учебных пособиях, новых формах внеклассной и внешкольной работы по истории. «История должна быть наиболее увлекательным предметом школьных занятий. Ребятам нужно заставить полюбить историю», – так обозначил свое видение места истории среди других учебных предметов один из авторов «Борьбы классов»².

В качестве дополнений к тексту учебника, призванного сформировать образное представление об истории, «оживить» процесс преподавания истории, сделать его более эффективным, приближенным к возрастным особенностям учащихся, анализировался потенциал учебных карт, диапозитивов, схем, чертежей, макетов, репродукций произведений живописи, скульптуры, архитектуры³. Этой же цели были призваны служить такие формы организации учебной работы, как экскурсии, уроки-спектакли, исторические вечера, участие школьников в археологических раскопках, организация исторических кружков в школе и домах пионеров⁴.

¹ *Клабуновский И.* Указ. соч. С. 67.

² *Гуковский А.* Исторические диапозитивы // БК. 1934. № 6. С. 53.

³ См., например: *Вагин А.* О самодельных наглядных пособиях по истории // ИЖ. 1938. № 9. С. 114–122; *Ефимов Д.* Работа с исторической картой // ИЖ. 1940. № 12. С. 117–122; *Иванов К.* Учебная карта Южной Европы в эпоху крестовых походов // БК. 1936. № 10. С. 133–134; *Иванова О.* Значение изобразительного искусства как средства наглядности // ИЖ. 1938. № 4. С. 93–103; *Кудряшов К.* Историческая карта // ИЖ. 1937. № 2. С. 111–117; *Лабунский В.* Рисунок и картина на уроке истории // ИЖ. 1938. № 11. С. 111–115; *Мурзаев В.* Искусство классной доски на уроках истории в школе // ИЖ. № 1. С. 120–127; и др.

⁴ *Андриевская И.* Воспитательная работа на уроках истории // ИЖ. 1937. № 12. С. 89–95; *Баснина С.* Работа археологического кружка Московского дома пионеров // ИЖ. 1938. № 7. С. 97–99; *Быковская Э.* Красная площадь: (материалы

Потенциал уроков истории и внеклассной работы по предмету педагогами-практиками понимался максимально широко и мыслился не только в контексте формирования «единственно верного» марксистского мировоззрения, но и в перспективе развития коммуникативных способностей и навыков учащихся, расширения их кругозора. Считалось, что именно уроки истории развивают агитационно-пропагандистский потенциал школьников, которые учатся на уроках готовить политинформации, агитбригады, живые газеты и т. д.

Особое место уделялось методике использования художественных текстов на уроках истории. Обсуждались критерии их отбора для работы на уроке, назывались задачи, решению которых может способствовать обращение к художественной литературе¹. При этом в помощь учителю публиковались списки художественных произведений, которые соответствовали учебникам по разным периодам истории.

О месте публикаций об учебниках истории в общем числе статей, посвященных преподаванию истории в школе, свидетельствуют данные следующей таблицы.

экскурсии) // ИЖ. 1937. № 6. С. 110–117; *Козлова О.* Исторические экскурсии // ИЖ. 1938. № 6. С. 100–110; *Краснер Д.* На раскопках в Ольвии // ИЖ. 1937. № 5. С. 125–129; *Новопашенная К.* Ученический кружок по изучению истории Ленинграда // ИЖ. 1937. № 11. С. 93–102; *Рунина Н.* Работа исторического кабинета Московского дома пионеров // ИЖ. 1938. № 7. С. 100–106; *Старовойтов П.* Исторический кружок в средней школе // ИЖ. 1939. № 9. С. 131–132; *Хмелев А.* Опыт внеклассной работы по истории // ИЖ. 1939. № 1. С. 108–112; *Шалаев А.* Внешкольная работа с учащимися средней школы // ИЖ. 1938. № 6. С. 116–120; *Эдельштейн З.* Экскурсии по истории Великой Октябрьской социалистической революции для учащихся Ленинграда // ИЖ. 1937. № 11. С. 84–92; и др.

¹ *Бернадский В.* Фольклор на уроках истории в средней школе // ИЖ. 1938. № 10. С. 106–112; *Вербицкий В.* Исторический роман в преподавании истории СССР // ИЖ. 1935. № 5. С. 110–120; *Ефимов Е.* Художественная литература на уроках истории СССР: (из опыта работы в 10 классе) // ИЖ. 1939. № 5. С. 91–95; *Плетнёв П.* Художественная литература на уроках истории СССР: (из опыта работы в 8–9 классах) // ИЖ. 1939. № 5. С. 95–96; *Удлер Б., Шнейдерман Л.* Эпиграмма на уроках истории СССР // ИЖ. 1940. № 1. С. 119–122; Указатель художественной литературы к разделам учебника «Краткий курс истории СССР» (под ред. А. Шестакова) // ИЖ. 1938. № 4. С. 104–117.

Количество публикаций о различных проблемах преподавания истории в школе, помещенных в специализированных исторических журналах 1930-х – начала 1940-х гг.*

Тематика публикаций	В журнале «Борьба классов»	В «Историческом журнале»	Всего публикаций	Доля от общего кол-ва публикаций, %
Мнения историков о функциях и содержании школьных учебников	4	2	6	3,6
Мнения педагогов-практиков о конкретных учебниках истории и опыте работы с ними в школе	7	19	26	15,5
Фрагменты текстов новых учебников	4	4	8	4,8
Постановления партии и правительства о школьных учебниках истории и статьи об этих постановлениях	12	6	18	10,7
Анализ опыта преподавания истории в школе и исторических знаний школьников	3	11	14	8,3
Анализ учебников истории до-советской России и зарубежных стран	4	1	5	3
Подготовка кадров учителей истории	4	3	7	4,1
Наглядные пособия на уроке истории	3	8	11	6,6
Приемы и методы преподавания истории в школе	2	14	16	9,5
Письменные исторические источники на уроках истории	4	12	16	9,5
Изобразительные и устные источники на уроках истории	–	4	4	2,4
Внеклассная работа по истории	3	24	27	16,1
Статьи, посвященные конкретным сюжетам истории, изучаемым в школьном курсе	3	7	10	5,9
Итого:	53	115	168	100

* Подсчитано на основе анализа публикаций в журнале «Борьба классов» (1931–1936 гг.), переименованного в 1937 г. в «Исторический журнал» (1937–1941 гг.).

Материалы таблицы свидетельствуют о том, что для одного из ведущих отраслевых журналов – «Борьба классов», с 1937 г. выходявшего под названием «Исторический журнал», тема школьных учебников по истории была одной из приоритетных: ей было посвящено 45,9 % от общего числа публикаций, посвященных историческому образованию в школе и вузе. В рамках этой темы обсуждались мнения о задачах, структуре, принципах отбора материала, оформлении, методологической основе и методическом аппарате учебников (19,1 % публикаций); партийная версия «идеального учебника» (10,7 %); анализ буржуазных учебников по истории (3 %); проекты новых учебников (4,8 %); первые результаты их апробации (8,3 %).

Подводя итоги рассмотрения избранной нами темы, можно констатировать следующее. Информационными поводами, в 1930-х – начале 1940-х гг. актуализировавшими обращение исторических ежемесячников к анализу школьных учебников, являлись постановления партии и правительства, касающиеся преподавания истории, критика исторической школы М. Н. Покровского, принятие Конституции 1936 г., политические процессы против «внутренних врагов», появление «Краткого курса истории ВКП(б)». Авторами публикаций о советском учебнике истории были такие классики исторической науки, как Н. Н. Ванаг, Е. А. Косминский, М. В. Нечкина, А. М. Панкратова, Г. С. Фридлянд. Активно делились с читателями журналов своими представлениями об учебниках преподаватели истории, работники учреждений Наркомпроса, специалисты по методике преподавания истории (В. Бернадский, А. Вагин, Д. Ефимов, И. Мерзон, А. Фохт, Е. Хазанова и др.). Судя по публикациям исторических ежемесячников, учебник понимался, прежде всего, как мощное средство идеологического воздействия на юношество и эффективный способ воспитания «сознательных и активных участников социалистического строительства». Задача истории как учебного предмета, по мнению подавляющего большинства участников тогдашней дискуссии о советском учебнике – усвоение истории как систематического курса, знакомящего с развитием классовой борьбы человечества на путях к диктатуре пролетариата¹. Задача учебника – отбирать и систематизировать на основе учения Ленина-Сталина основные события, явления, персоны на этом пути.

¹ Фохт А. В. Методика урока истории // БК. 1934. № 6. С. 34.

Раздел 2. ИНФОРМАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ «НОВЫХ» ИСТОЧНИКОВ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2.1. ПИСЬМА СИБИРЯКОВ В ЖУРНАЛ «ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО» КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ДЕТСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В последние годы история детства в России стала динамично развивающейся предметной областью гуманитарного знания. Об этом свидетельствуют многочисленные научные конференции, семинары, статьи, монографии, посвященные методологии и историографии истории и культуры детства, различным аспектам детской повседневности, детской литературе, в том числе и учебной, детским автобиографическим текстам¹.

¹ См., например: *Маслинский К.* Конференция «Антропология советской школы: культурные универсалии и провинциальные практики» [Электронный ресурс] // Антропологический форум № 14. ONLINE. С. 448–456. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/index/8_9 (дата обращения: 8.08.2013); *Рожков А. Ю.* Международная конференция «История детства как предмет исследования: наследие Ф. Арьеса в Европе и России» // *Былые годы.* 2009. № 4 (14). С. 92–94. Материалы семинара «“Убить Чарскую...”: этические и поэтические парадоксы советского творчества для детей (1920–1930-е гг.)» (Санкт-Петербург, 2009 г.) опубликованы в кн.: «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920–1930-е гг.). СПб., 2012. Материалы конференции «Трансформирующееся детство: дискурсы и практики» (Москва и Санкт-Петербург, 2011 г.) опубликованы в кн.: *Конструируя детское: филология, история, антропология.* М., 2011.

О стабильном внимании современных историков, психологов, литературоведов, специалистов по социальной антропологии к дискурсу русской культуры о детстве свидетельствует постоянно действующий в Российском государственном гуманитарном университете семинар «Культура детства: нормы, ценности, практики»¹; проект «Антропология советской школы» (его инициаторы – Светлана Маслинская (Леонтьева) и Кирилл Маслинский)²; организация Центра исследований детской литературы в Институте русской литературы РАН (Пушкинском доме). Естественно, что одним из актуальных для специалистов, обращающихся к изучению истории детства, является вопрос о специфике источниковой базы для такого изучения, ее информативном потенциале, возможностях ее расширения. Сегодня в исследовательском арсенале гуманитариев – материалы «взрослой» и «детской» периодической печати, главным образом, советской эпохи; мемуары о детстве; художественная и учебная литература для детей; делопроизводственная документация образовательных учреждений и общественных организаций; визуальные материалы (мультипликационные фильмы, конфетные обертки, иллюстрации детских книг), устные источники (интервью с учителями, вожатыми, выпускниками школ и детский фольклор); вещественные источники (настольные игры, игрушки, в том числе и елочные)³ и пр.

¹ Сайт семинара: <http://childcult.rsu.ru/section.html?id=3716> (дата обращения: 18.08.2013). Труды семинара: Какорея: из истории детства в России и других странах. М.; Тверь, 2008; «И спросила кроха...»: образ ребенка и семьи в педагогике постсоветской России: учебники по словесности для начальной школы 1985–2006 гг. М., 2010; Ребенок в истории и культуре, М., 2010; «Букварь – это молот»: учебники для начальной школы на заре советской власти, 1917–1932 гг. М., 2011; «Вся история наполнена детством»: наследие Ф. Арьеса и новые подходы к истории детства. М., 2012.

² Сайт этого проекта: <http://sovietschool.org.ru/Main> (дата обращения: 18.08.2013).

³ См., например: *Безрогов В. Г.* Воспоминания как источник по истории детства // Педагогическая антропология и история детства. М., 2001. С. 65–78; *Маслинская (Леонтьева) С. Г.* «Жизнь после смерти»: пионеры-герои в современной мультипликации // Конструируя детское... С. 254–265; *Ромашова М. В.* Казус «Феди Зайцева»: некоторые аспекты исследования школьного мира в советской анимации // Антропология советской школы: культурные универсалии и провинциальные практики. Пермь, 2010. С. 291–299; *Сальникова А. А.*: 1) «Детский» текст и детская память в «эпоху катастроф» // Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 413–430; 2) Безглазая

В последние годы в связи с обострением научного интереса к феномену «детства» в исторической ретроспективе достаточно активно вводятся в научный оборот тексты, созданные самими детьми – школьные сочинения, открытки, девичьи альбомы и песенники, дневники, письма¹. Как верно замечено А. А. Сальниковой, «”детские” источники позволяют взглянуть на события прошлого с совершенно неожиданной точки зрения, увидеть такие нюансы и аспекты, которые неподвластны восприятию взрослого. Факты, оценки и сюжеты “детских” источников кардинально отличаются от проблематики и проблемной приоритетности источников “взрослых”. Обращение к “детским” источникам выявляет и другую важную закономерность: оказывается, что такие структуры коллективной памяти, как “память отцов” и “память детей”, могут не только взаимодействовать и взаимодополнять друг друга, но и существенно друг от друга отличаться, а иногда и явно противоречить. Поэтому без свидетельств маленьких современников, очевидцев, а иногда и непосредственных участников событий никак не обойтись»².

С точки зрения выяснения специфики «детского» письма большой интерес представляют письма детей в газеты и журналы, ориентированные на детскую аудиторию. Наше внимание привлекли письма сибиряков в популярный журнал «Задушевное слово», издававшийся в Петербурге с 1877 г. М. О. Вольфом. Причиной обращения к этому журналу послужил интерес к «теме Сибири» в детской периодической печати, поэтому региональная принадлежность авторов писем и послужила критерием их отбора. Однако внимательное

кукла и папин револьвер: ребенок в вещно-предметном мире раннесоветской эпохи // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. М.; СПб.; Н. У., 2008. № 8. С.119–139; *Сидорчук О. Н.* Конфетная обертка как источник изучения истории России XIX–XX вв. // Исторические источники в исследовательской и образовательной практике. Новосибирск, 2011. С. 146–171; и др.

¹ *Головин В. В.* Девичий альбом 20–30-х гг. XX в. // Новое литературное обозрение (далее – НЛО). 1997. № 26. С. 400–417; *Лекманов О.* Из девичьего песенника 70–80-х гг. XX в. // НЛО. 1998. № 30. С. 439–441; *Маркасова Е. В.* Сочинения ученика десятого класса в школе и дома (1955/56 учеб. г.): публикация текстов // Антропология советской школы... С. 110–117; *Шабурова О. В.* Школьная открытка как ритуал и дисциплинарная практика // Антропология советской школы... С. 97–110; и др.

² *Сальникова А. А.* «Остров достоверности»: «детский» текст и его специфика // Ейдос. 2008. Вып. 3 [35]. С. 339–340.

прочтение детских писем в редакцию журнала показало, что их содержание, хотя и позволяет расширить представления о «провинциальном измерении» детства пореформенной эпохи, но выходит за пределы собственно «сибирского» дискурса и позволяет сделать отдельные выводы о специфике детских писем в периодические издания для детей как исторического источника. Предметом нашего анализа стали письма из Сибири, опубликованные в «Задушевном слове» в 1880–1890-х гг. Мы стремимся дать ответы на следующие вопросы: существовал ли образец (канон) для такого рода текстов и каков информативный потенциал писем.

Структура и задачи журнала.

Кратко остановимся на структуре журнала. Первоначально еженедельный журнал имел четыре отдела, каждый из которых выходил один раз в месяц. Первый отдел предназначался для детей от 5 до 8 лет. Второй был рассчитан на детей от 8 до 12 лет. Третий адресовался юношеству, а четвертый – взрослым читателям и назывался «Семейное чтение для взрослых».

В первом отделе, согласно редакционному замыслу, помещались «раскрашенные картинки для развития изящного вкуса ребенка и как подспорье для наглядного обучения, азбука и первые начала чтения, осмысленные сказки и мелкие рассказы, песенки с нотами, объяснения игр, интересные для детей занятия»¹. Во втором отделе публиковались «избранные» повести, рассказы и стихотворения, театральные пьесы, биографии замечательных людей, «особенно таких, детство которых представляет черты, достойные подражания»², очерки по истории, географии и естественным наукам. Для «юношеского чтения» предназначались исторические повести, рассказы, обзоры произведений лучших современных писателей, картины природы, очерки открытий и изобретений с рисунками. Цель «взрослого отдела» формулировалась в объявлении об издании так: «... Удовлетворять потребности легкого чтения вообще лиц зрелого возраста, но вместе с тем... представлять вполне безопасное в нравственном отношении чтение для молодых людей и девиц, давать самое разнообразное и чтение: романы, повести, драматические пьесы, рассказы и стихотворения,

¹ О журнале // Задушевное слово (далее – ЗС). 1877. Т. 1, № 4. 2-й отд. Форзац.

² Там же.

мемуары и путешествия, извлечения избранных мест из русских журналов и книг, преимущественно по изящной словесности, притом такие, которые сами по себе представляют нечто законченное, целое»¹.

Все отделы первоначально редактировались В. И. Лапиным, однако имели разных составителей. Первый и второй отделы с момента основания журнала составляла детская писательница, учительница С. М. Макарова, составителем «взрослого» отдела был писатель, переводчик, историк литературы П. И. Вейнберг. В 1879–1880 гг. журнал включал в себя два отдела: для младшего и старшего возраста, которые выходили еженедельно, чередуясь друг с другом. С 1884 по 1918 г. (время закрытия журнала) издание выходило в составе двух отделов – для детей младшего возраста (от 5 до 9 лет), для старшего возраста (от 9 до 14 лет). Нами были привлечены для рассмотрения годовые комплекты журнала именно для детей старшего возраста.

Структура издания и объявления о подписке на журнал обозначают его потенциальную читательскую аудиторию – дети, начиная с дошкольного возраста и завершая юношеством, их родители и другие члены семьи, педагоги, то есть люди, причастные к литературной социализации ребенка. «Быть товарищем, собеседником и руководителем молодых читателей, давать им разумное, полезное и, вместе с тем, занимательное и самое разнообразное чтение, расширять круг их знаний, содействовать развитию у них любознательности и пытливости, развлекать их, поучая, дополнять, освежать и оживлять работу школы и дополнять возможные пробелы в школьном образовании – вот цель “Задушевного слова”», – сообщалось в объявлении о подписке на журнал за 1891 г.²

Заметим, что в обращениях к читателям редакция журнала часто рефлексировала по поводу степени успешности реализации своих задач, фиксировала свои представления об отношении читающей публики к «Задушевному слову». Достаточно типична следующая фраза из статьи «От издателя», подводящей итоги двухлетнего существования журнала: «Радужный прием со стороны прессы, многочисленные одобрительные отзывы, неоднократные личные заявления подписчиков, наконец, несколько писем молодых наших чи-

¹ Там же.

² Два еженедельных иллюстрированных журнала для детей и юношества // ЗС. 1891. Т. 23, № 51. С. 385.

тателей убедили нас, что “Задушевное слово” выполнило предназначенную себе задачу. Откровенно сознаемся, что число подписчиков далеко не осуществило наших надежд, и до сих пор расходы издания не окупились. Будучи, однако, убеждены, что хорошее дело не пропадет, и что недалеко то время, когда русская публика станет обращать больше внимания на детское чтение, мы решили продолжать наш журнал»¹.

Место детских писем в структуре журнала и представления редакции о «правильном» письме.

Решению дидактических задач была посвящена и специальная рубрика под названием «Почтовый ящик», предназначенная, как писала редакция, для общения детей между собой². Попутно заметим, что помимо писем юных читателей, в рубрике помещались ответы на вопросы детей, результаты конкурсов и викторин, периодически проводимых журналом, ребусы, шарады, задачи, описания игр и пр. Каждый год журнал помещал для своих новых читателей пояснение замысла «Почтового ящика». Как правило, из года в год оно повторялось с небольшими вариациями. Вновь позволим себе обширную цитату, которая представляется уместной, так как позволяет продемонстрировать «язык говорения» журнала с детской аудиторией: «Наш “Почтовый ящик” открыт во всякое время и для всех наших читателей. Захотите ли поделиться с товарищами вашим знанием или спросить их о чем, пишите прямо в редакцию и найдете ваше письмо напечатанным в “Почтовом ящике”. Если что-нибудь затрудняет вас, немедленно обращайтесь к “Почтовому ящику” за справкой: в нем вы найдете ответ на ваше письмо. Случится что-нибудь особенное или интересное в вашей жизни, и вы захотите поделиться своими радостями или печалью с другими детьми, “Почтовый ящик” в этом случае охотно окажет вам свое содействие»³. Предложенный редакцией формат рубрики предопределял содержание и мотив написания детских писем – рассказать сверстникам о себе через свои увлечения, описание интересных событий, своих любимых книг, домашних питомцев.

¹ От издателя // ЗС. 1879. Т. 5, № 12. 1-й отд. С. 3.

² Что такое «Почтовый ящик» «Задушевного слова» // ЗС. 1891. Т. 22, № 1. С. 14.

³ К нашим читателям // ЗС. 1885. Т. 10, № 1. С. 14.

Как писал ведущий рубрики С. Ф. Либрович, идея нового отдела была заимствована из американских журналов. Редакция «Задушевного слова» «желала сблизить юных читателей между собой... создать нечто вроде большой детской семьи», центром которой стал бы сам журнал¹.

Идея рубрики была активно поддержана детьми, о чем свидетельствуют не только публикация самих писем, но и извинения редакции за то, что она не имеет возможности поместить на страницах журнала все письма, которые приходят в «Почтовый ящик»². Представляется важным, что составители рубрики не только инициировали процесс создания писем, но и стремились формировать определенные образцы жанра «письма в детский журнал», обозначали свой критерий отбора текстов для публикации, а именно – письмо должно быть занимательным и интересным для всех ребят. Редакция даже сформулировала для своих читателей своего рода алгоритм создания письма: «"Задушевное слово" поставило себе цель – развлекая, учить, эту же цель имеет и "Почтовый ящик". Поэтому вы должны стараться, чтобы переписка ваша из "Почтового ящика" не была бесцельной. Вам предлагают писать письма не только ради удовольствия. Нет, это должно одновременно развивать ваши умственные способности, приучать вас писать и выражаться связно, грамотно и толково, расширить ваши познания, научать вас думать. Всего этого легко достигнуть, если вы будете стараться обдумывать хорошенько всё то, что хотите писать, и всё то, что вами прочитано, если вы приложите надлежащие старания при каждой работе, предназначенной вами для "Почтового ящика"»³.

Предполагалось, что написание письма – сложный процесс, требующий определенных навыков, поэтому не всегда первая попытка эпистолярного творчества бывает успешной с точки зрения его конечного результата – публикации в журнале. «Но даже тогда, когда письмо не будет настолько удачно, чтобы могло быть напечатано в "Почтовом ящике", оно не останется незамеченным, и труд ваш, дети, не пропадет даром. Редакция в особом отделе "Ответы и советы" сообщит вам, почему именно то или иное послание не принято, укажет ваши промахи и ошибки, – и в следующий раз вам будет гораздо лег-

¹ Русаков В. [Либрович С. Ф.] О чем и как пишут дети: история «Почтового ящика» «Задушевного слова». СПб; М., [б. г.] С. 7.

² Что такое «Почтовый ящик»... 1891. Т. 22, № 1. С. 14.

³ Там же. 1886. Т. 14, № 1. С. 14.

че справиться со своей задачей», – читаем в одном из выпусков «Задушевного слова» за 1891 г.¹

К сожалению, в нашем распоряжении нет источников, свидетельствующих о том, сколько писем, поступивших в редакцию, не было опубликовано и по каким причинам они были признаны «неудачными». Трудно также судить о редакционной правке опубликованных писем. Ранее упомянутый нами С. Ф. Либрович утверждал, что «редакция ограничивается лишь самыми необходимыми исправлениями и сокращениями, и печатает эти письма без изменений, выбирая для печати лишь те, которые могли заинтересовать детей того возраста, для которого предназначен журнал»². В любом случае, сам факт публикации того или иного письма доказывает его соответствие представлениям редакции о «правильном» письме.

Образ адресата, структура и тематика детских писем в журнал.

Как правило, письма начинались с обращения к редакции журнала словами «милая редакция» или «дорогая редакция», что фиксировало, во-первых, представления авторов писем об образе адресата, во-вторых, одну из норм эпистолярного творчества изучаемой эпохи – подчеркнуто душевное обращение к ценностно значимому собеседнику. Такое обращение вызывает некоторое удивление в публичной печатной коммуникации, если иметь в виду, что адресат детских посланий – периодическое издание. Трудно сказать, было ли это обращение результатом редакционной обработки детских текстов, которая потом стала нормой для читателей – авторов писем, или она отражала существующую практику писем в периодические издания для детей. Важно, что редакция культивировала подчеркнуто теплый, дружеский тон в коммуникативном пространстве «журнал – читатель – журнал», он являлся составной частью редакционной политики. Об этом свидетельствуют многочисленные обращения самой редакции к читателям. Приведем одно из них: «Вот, детушки, окончился уже год, как мы беседуем с вами. За это время многие из вас, не умевшие прежде ни читать, ни писать, научились тому и другому. В определенный день являлось к вам “Задушевное слово”, чтобы занять вас на целую неделю, чтобы помочь

¹ Там же. 1891. Т. 22, № 1. С. 14.

² Русаков В. [Либрович С. Ф.] Указ. соч. С. 16.

вам в ваших играх и работах. Обо всем, что вы думали, чего вы не понимали, чем вы интересовались, вы писали в “Задушевное слово” и получали ответы... Будьте в новом году еще более откровенны и искренни, как были в прошлом году. Не скрывайте ни ваших мыслей, ни ваших желаний. Всё, что может редакция сделать для вас хорошего и полезного, непременно сделает. Да вы, без сомнения, в этом и сами уверены»¹.

В случае с письмами в «Задушевное слово» мы имеем дело с дуальным представлением об образе адресата. С одной стороны, это в определенной степени абстрактная для ребенка редакция детского журнала, с другой – его читатели, посредническую функцию в общении с которыми взяло на себя интересующее нас издание. Судя по имеющимся в нашем распоряжении письмам, образ адресата, соотносившийся с образом редакции, конструировался ими в зависимости от понимания функций получаемого ими издания. Современным «взрослым» языком их можно назвать информационной, эстетической и коммуникативной. Так, имея в виду информационную и эстетическую функции, к редакции обращались с конкретными вопросами о чем-либо или ком-либо, с просьбами опубликовать рассказ, пьесу, стихотворение и пр. Так, восьмилетний Петя Жохов из Иркутска писал: «Милая редакция! “Внук гордого барона” мне очень нравится, и я хотел бы, чтобы Костя фон Дикгоф был моим товарищем. Я жду с нетерпением продолжения этого рассказа... Я знаю много стихотворений “Задушевного слова” наизусть»².

Иллюстрации журнала, его «премии» в виде рисунков за правильные ответы на вопросы викторин и победы в его конкурсах были предметом многократного внимательного разглядывания, коллекционирования, дарения друзьям. «Милая Редакция! Мама и папа выписали мне “Задушевное слово”, которое я ждал с нетерпением, и как только получил, сейчас же прочитал. Я еще первый год получаю “Задушевное слово”. Премия “Не плачь” мне очень нравится. Папа приклеил ее на полотно, вставил в рамку, а я повесил напротив моей кровати. Другие дети просят, чтобы я подарил им мою премию», – сообщал Митя Сатурин (8 лет) из Акши Якутской области³.

¹ От редакции // ЗС. 1884. Т. 9, № 52. С. 409.

² Почтовый ящик // ЗС. 1890. Т. 21, № 40. С. 223.

³ Там же. 1888. Т. 17, № 43. С. 271.

Однако, адресуя письма в редакцию «Задушевного слова», дети надеялись на прочтение и одобрение их текста не только неизвестными им лично взрослыми, издающими любимый журнал, но и своими ровесниками, рассматриваемыми как потенциальные друзья. Не случайно в отдельных случаях мы встречаем прямые обращения к читателям журнала: «уважаемые читатели и читательницы», «милые читатели и читательницы», «милые подруги по “Задушевному слову”». Об этом же свидетельствуют многочисленные вопросы и советы сверстникам, содержащиеся в подавляющем большинстве писем. Приведу в качестве типичного примера письмо Веры Стронской (10 лет) из Иркутска: «Милые читатели и читательницы “Задушевного слова”. Напишите мне, кто из вас учится в гимназии. Я сама учусь, и мне там очень нравится. У моей сестры Лины есть кошечка, ее зовут Кадошка. Советую Мане Базановой назвать котенка Белькой. Мне в “Задушевном слове” нравятся стишки “Перед зеркальцем”, напечатанные в прошлом году. Напишите, кому еще нравятся эти стишки. Надеюсь, что мой вопрос не останется без внимания; еще прошу написать, в какие игры вы играете и как в эти игры играть. Мы играем в солдаты»¹.

Таким образом, посредническая функция в общении с детьми, провозглашенная составителями «Почтового ящика», была воспринята в качестве таковой и самими детьми. Многие из авторов писем впоследствии напрямую вступали в переписку друг с другом и благодарили журнал за то, что он помог обрести товарища по переписке. Сошлюсь на письмо Глафиры Шайдуровой из Сретенска (12 лет), предположительно, представительницы известной купеческой династии: «Благодарю дорогую редакцию за данную мне возможность через нее познакомиться и даже подружиться с одной милой девушкой в Тифлисе, Глашей Снегирёвой. На предложенные мною вопросы в одном из номеров “Задушевного слова” она ответила лично мне со всеми подробностями, и мы теперь с нею подружились, ведем частую переписку, насколько только возможно это по отдаленности расстояния и по плохому состоянию наших сибирских дорог. Железных дорог у нас нет, хотя и предполагают [построить], но не знаю, осуществится ли это предположение и скоро ли. Теперь я по-

¹ Там же. 1887. Т. 16, № 6. С. 95.

делюсь своим горем с читателями: была у меня козулька Васька, и по моей вине она сломала себе ножку, после чего ее пришлось убить, так как жаль было смотреть на ее мучения. Я, жалея ее, вопреки желанию старших, во время дождей увела ее в навозню, чтобы она не вымокла, и там она ножкой попала в щель. Тем более мне жаль ее, что всё это случилось по моей вине. Когда зажарили ее и подали к обеду, мы все заплакали, вышли из-за стола и не попробовали. Теперь я всегда, всегда буду слушаться старших, что и вам советую, милые дети. С тех пор мы решили не покупать никогда коз, а то привыкнешь – и расставаться жаль. Не напишет ли кто из детей, как печатают книги, хотя бы приблизительно. Я не имею ни малейшего понятия о типографии»¹. Имея в виду многослойную структуру процитированного письма, в данном случае обратим внимание лишь на искренность автора и его высокую степень доверия к адресатам – к редакции и читателям журнала.

Как видно из приведенных примеров, после обращения к адресату (имплицитному читателю), как правило, следовали вопросы к нему. Вопросы касались мира увлечений автора письма, домашних питомцев, круга чтения, и часто являлись прелюдией к рассказу о себе. Проиллюстрирую это на примере письма Шуры Котельникова (8 лет) из Благовещенска-на-Амуре: «Милые читатели! Посоветуйте мне, из какого дерева лучше выпиливать. Я умею выпиливать по дереву. Кто из вас умеет выпиливать? Я в первый раз пишу в редакцию. Спрашиваю читателей “Задушевного слова”, какие рассказы им понравились больше всего в прошлом году... Я учусь дома. У меня две сестры, Маня и Капа, они учатся в гимназии, и два брата – одному семь лет, другому – четыре»².

В отдельных случаях вопросы к воображаемым собеседникам следовали в конце текста, структурно его завершая, как, например, в письме Тани Величковской из Омска: «Дорогая Редакция! Мы вскоре будем играть в театр, но у нас нет пьесы: те, которые были напечатаны в “Задушевном слове”, мы уже сыграли. Не посоветует ли кто-нибудь из детей, читающих “Задушевное слово”, какую-нибудь хорошенькую пьесу?»³. В отдельных случаях вместо вопросов пись-

¹ Там же. 1888. Т. 16, № 14. С. 223.

² Там же. 1893. Т. 26, № 16. С. 255.

³ Там же. 1891. Т. 23, № 49. С. 367.

ма начинались (или заканчивались) советами читателям, ранее обращавшимся к читательской аудитории «Задушевного слова». Например, в письме Кати Жернаковой (8 лет) из известной купеческой семьи, проживавшей в Колывани Томской губернии, читаем: «Дорогая Редакция! Я первый год получаю “Задушевное слово”. Из рассказов его мне очень нравятся “Подвиг Тони Анучиной” и “Побег графа Аркашки”. Советую Евгении Бозаревской назвать своего щенка Мими или Неро»¹.

Основная часть письма чаще всего была представлена текстами повествовательного и/или описательного типа. Рассуждение встречается достаточно редко, как правило, у детей в возрасте 10–12 лет. Письма дают возможность выделить несколько стратегий самопрезентации ребенка через письмо, которые, возможно, свидетельствуют о доминировании той или иной формирующейся идентичности. Достаточно часто разные стратегии сочетались между собой и сосуществовали в одном письме, в связи с этим мы можем судить только об их иерархии в момент создания эпистолярного текста. На наш взгляд, стратегии самопрезентации в изучаемых примерах детского письма можно соотнести с тематикой нериторических речевых жанров современных младших школьников, выявленной Н. А. Лемяскиной: домашние животные; летний отдых; увлечения, развлечения, игры; рассказы о себе, своей семье; «страшные истории»; школа. Обозначенная тематика определяется ведущей деятельностью и коммуникативными потребностями детей, а также отражает специфическую детскую картину мира, отмеченную антропоморфизмом, преобладанием игрового начала над объективно-реалистическим².

Из предложенного исследовательницей перечня мы по понятным причинам исключили телепередачи, фильмы, мультфильмы. При этом для детей школьного возраста, писавших в детские журналы во второй половине XIX в., были актуальны темы, «выпадающие» из тематики речевых жанров наших юных современников: описание своего места жительства, рассказ о любимых книгах и наиболее радостных событиях. Итак, остановимся на характеристике выделенных нами стратегий самоописания в детских «рассказах о себе».

¹ Там же. 1892. Т. 25, № 41. С. 239.

² *Лемяскина Н. А.* Речевые жанры в языковом сознании младшего школьника // Вопросы психолингвистики. 2012. № 2 (16). С. 151.

Первая стратегия – самопрезентация через описание места жительства.

К примеру, девятилетний Петя Михайлов из Иркутска писал в 1886 г.: «Мы с сестрой живем далеко, далеко от Петербурга, в городе Иркутске. Иркутск – весьма красивый город, его окружает река Ангара. Летом здесь ходят пароходы, и бывает очень жарко, а потому большая часть жителей уезжает на дачи. Зима же у нас всегда очень холодная. Улицы здесь прямые, красивые, и дома все почти каменные. В Петербурге я не был, но все говорят, что Петербург гораздо красивее. Пусть мальчики, которые живут в Петербурге, опишут всё, что есть красивого в нем, так, что кто живет далеко от Петербурга, тоже узнает»¹. Землячка Пети, Лина Коленко (10 лет), так рассказывала редакции и читателям журнала о себе: «Милая редакция! Пишу вам первый раз. Мы живем в Иркутске. Этот город очень большой, но некрасивый. Зато река Ангара, которая протекает в Иркутске, замерзает не ранее января месяца, вследствие того, что течение ее очень быстро... У меня есть брат Жорж, ему 6 лет, он тоже умеет читать и писать. Я очень люблю рисовать и на будущей неделе буду брать уроки рисования. Мне бы хотелось, чтобы в этом году в “Задушевном слове” были такие же хорошенькие картинки, как в прошлом году. Я их буду перерисовывать»².

При описании «своего» города, как правило, фиксировались его наиболее значимые, с точки зрения ребенка, характеристики и выражалось ценностное отношение к своему месту жительства. В письме Людмилы Герасимовой (10 лет) из Верхнеудинска, например, читаем: «Город у нас очень скучный и страшный, потому что здесь бывает землетрясение. Вот, например, на Новый год было такое сильное, что у нас в окнах разбились стекла, а посуда так и скакала в шкафу. Страшно было, всё казалось, что мы провалимся, дом ужасно качался. Я учусь дома, в здешнюю прогимназию меня мама не отдает, а летом хочет отправить учиться в Петербург»³. Очевидно, что тема «страшного», «необычного», традиционно актуальная для детской культуры, находила свое выражение не только в детском фольклоре, но и в эпистолярной культуре. О несомненном интересе к этой теме свидетель-

¹ Почтовый ящик // ЗС. 1886. Т. 13, № 41. С. 239.

² Там же. 1888. Т. 16, № 11. С. 175.

³ Там же. 1885. Т. 11, № 49. С. 403.

ствуется письмо десятилетней Зои Шайдуровой из Сретенска: «Милая редакция! Как я благодарна Володе Богушевичу, что он описал про землетрясение, бывшее в Верном, и как я жалею его, его мамашу, папашу и всех вообще там живущих. Что, бедные, они вынесли! И как это, воображаю, страшно, когда здания рушатся, земля дрожит, бежать не можешь, падаешь! Хотелось бы мне, чтобы он еще написал, как там теперь: окончилось ли землетрясение вполне, и много ли погибло, и вообще всё. Это так интересно знать, да, наверно, и не мне одной. У нас землетрясений не бывает, да и не дай Бог!»¹.

Приведенные тексты подтверждают наблюдение А. А. Сальниковой о том, что по существу своему «детское письмо» отражает «стремление» к взрослому письменному канону и одновременно тяготение к детскому речевому стандарту, желание сохранить и закрепить его «на письме», иначе говоря, текстуализацию детских дискурсивных практик. Это «другое» письмо, стремящееся стать «своим»². Акцентирование внимания на «топосе» своей повседневности – одна из общих характеристик «детских» и «взрослых» писем в редакции газет и журналов, особенно присущая жителям окраинных регионов Российской империи. Представление о Сибири как о далекой, экзотичной, порой пугающей, а главное, малоизвестной широкой читающей публике «стране», своеобразной «terra incognita» было широко распространено среди интеллектуалов Европейской России. О нем было наверняка известно и юным сибирякам, как, возможно, на уровне собственного жизненного опыта, так и из рассказов ближайшего окружения, детской литературы, школьных учебников, детской периодики, в том числе «Задушевного слова». Отчасти этим можно объяснить желание удивить читателей подробностями «сибирской» жизни, которая многими авторами осознавалась как «другая», особенная, отличная от порой малознакомой им жизни сверстников из европейской части страны. Так, Митя Пандер (9 лет) из Казани спрашивал читателей журнала: «Мы получаем “Задушевное слово” для младшего и старшего возраста. Я всё читаю, нет ли писем из Сибири, но, верно, там никто не получает этого интересного журнала. Все мои братья и сестры родились на китайской границе, в

¹ Там же. 1888. Т. 16, № 14. С. 223.

² Сальникова А. А. «Детское письмо» и его специфика // Детство в научных, образовательных и художественных текстах: опыт прочтения и интерпретации. Казань, 2011. С. 116–123.

Зайсане. Там очень тепло. У нас были там два медведя, два кабана и волк, еще были сазаны. В Зайсан приезжал Брем, который нынче умер. Был ли кто из читателей “Задуманного слова” в Зайсане?»¹.

Вторая стратегия – самопрезентация через описание семьи.

Для детских писем второй половины XIX в. характерна еще одна черта, присущая «взрослым» автобиографическим текстам (главным образом, автобиографическим мемуарам) русских интеллектуалов Нового времени – конструирование образа автора при помощи рассказа о своей семье². Рассказ об истории рода, семьи фиксировал сословную или классовую идентичность автора, был призван показать социокультурную обстановку, в которой протекало его взросление, раскрыть истоки его увлечений и мотивов тех или иных поступков во «взрослой» жизни. Естественно, что в «детском письме», и в силу специфики возраста авторов, и в связи с жанровыми особенностями письма, рассказ о семье более фрагментарен, он чаще всего ограничивается перечислением членов семьи, иногда включает в себя их оценочные характеристики. Однако сам факт начала рассказа о себе с рассказа о семье свидетельствует о стремлении юных авторов соответствовать «взрослым» образцам. В письме Сережи Касаткина из Усть-Каменогорска встречаем следующие строки: «Меня зовут Сережей. Мне 10 лет. У меня есть папа и мама, 3 брата и 3 сестры. Я самый старший. Живу в городе Усть-Каменогорске Семипалатинской области. Это небольшой городок. У нас летом бывают сильные ураганы. С юга граничит река Иртыш, впадающая в Обь, а с запада течет река Ульба, приток Иртыша. Северная и восточная стороны заняты каменными горами. Летом мы уезжаем в Ульбу на завод. Там воздух чистый, есть роща. Мы очень часто [то] ходим с папой удить рыбу, то варим в роще уху. Я учусь дома, готовлюсь в первый класс томской гимназии»³. «У меня есть четыре сестры и один брат, он учится в ир-

¹ Почтовый ящик // ЗС. 1885. Т. 10, № 22. С. 447.

² Родигина Н. Н., Сабурова Т. А. «О себе я стараюсь говорить поменьше, но всё-таки говорю»: самоидентификация и память в русском женском автобиографическом письме конца XIX – первой половины XX в. // *Autobiografija*. 2012. № 1. С. 121–143; Rodigina N., Saburova T. Changing Identity Formations in Nineteenth-Century Russian Intellectuals' Autobiographies // *Life Writing Matters in Europe*. Heidelberg, 2012. Vol. 217. P. 119–132.

³ Почтовый ящик // ЗС. 1888. Т. 16, № 10. С. 159.

кутской гимназии, а сестра – в институте того же города. Еще отвечаю Сереже Михайлову, что у меня есть велосипед. Я играю на гитаре», – писал в журнал Боря Кокоулин с прииска Благовещенский в 1892 г.¹

Третья стратегия – самопрезентация при помощи рассказа о своих увлечениях.

Данная стратегия самопрезентации характерна как для «взрослых», так и для «детских» писем. В детских письмах она проявляется тем более лаконично, явно и непосредственно, чем меньше бывает возраст ребенка. По мере взросления эта «наивизация» письма постепенно исчезает².

Приведем несколько образцов описываемой стратегии самопрезентации. Дочь иркутского губернатора, десятилетняя Маня Падерина, так писала о самом важном для нее: «Милые дети! Я учусь русскому и французскому языкам, арифметике и географии. У меня есть кукла, которая открывает и закрывает глаза. Ее зовут Манюшей, и она очень хорошенькая. Я сама шью куклам платье и белье. Мне очень понравилась картина “Не плачь”. Также понравились мне стихи “Не плачь”, “Котик-франтик”, “Будешь чист” и много других... Я сама писала это письмо, и никто мне не помогал. Я несколько раз была в театре. Милые дети, кто из вас был в театре?»³. Активная «корреспондентка» «Задумшевного слова» Лина Стронская из Иркутска сообщила: «Я хочу описать, как я провожу вечера. Мы играем в уголки, жмурки и прочие игры. Советую Леле Муратовской назвать ее канарейку Певичка. Мне понравились в “Задумшевном слове” стишки “Что за прелесть садик мой”, которые были напечатаны в прошлом году. Я учусь музыке и французскому языку. У нас есть кошка, которую зовут Кадошка, я ее очень люблю. Я теперь делаю коврики из цветов и букетов. Моя сестра – большая шалуныя»⁴. Представленные тексты демонстрируют отдельные признаки «наивного» («примитивного») письма, который соотносится некоторыми исследователями с «культурой бедности», а именно – клишированность изложения, наличие фрагментов посторонних языковых дискурсов, парадоксальность и

¹ Там же. 1892. Т. 25, № 27. С. 15.

² Сальникова А. А. «Остров достоверности». С. 344.

³ Почтовый ящик // ЗС. 1888. Т. 18, № 5. С. 79.

⁴ Там же. 1887. Т. 16, № 6. С. 95.

непредсказуемость выводов и заключений, деиерархизация событий, что является прямым отражением особенностей детской памяти¹. Однако именно «детское письмо», в том числе и в периодические издания, отличается эмоциональностью, непосредственностью восприятия, неожиданной интерпретаций событий, людей и явлений.

Четвертая стратегия – самопрезентация посредством описания значимого в жизни события.

Как отмечено И. Е. Козновой, в письменных обществах запоминаются, как правило, исключительные события, то есть события единичные или в первый раз случившиеся, в отличие от коллективной памяти бесписьменного общества (в том числе и крестьянского, несмотря на проникновение в него письменной культуры), которая призвана сохранять сведения о порядке, об обычном, принятом². В детских письмах в качестве удивительных событий фигурируют в основном те, что выходили за рамки повседневности и чаще всего соотносились с детской праздничной культурой: рождественскими и пасхальными утренниками, днями рождения и др. Анна Стронская (7 лет) из Иркутска так рассказывала о себе читателям «Задушевного слова»: «Дорогая Редакция! Советую Лизе Кудряевой подарить своей маме вышитое полотенце или скатерть на туалет. Опишу, как я провела праздники. У нас были в гостях 30 человек бедных детей из приюта, в котором моя мама [является] попечительницей. Я так была рада за бедных детей, что они веселились: пели, играли со мною и моими подругами, которые тоже пришли на праздник. Когда им пришлось уезжать с вечера, я немало пожалела. Напишите, у кого еще был праздник для бедных детей?»³.

Во многих письмах, главным образом, написанных девочками, фиксируется внимание на подарках, что позволяет расширить наши представления о детских вкусовых предпочтениях «мира вещей» пореформенной эпохи. В числе желанных подарков упоминаются: серебряное зеркальце, коробка конфет, туалет с принадлежностями, пенал, вазочки для цветов, куклы, пасхальное яичко с вышивальными при-

¹ Сальникова А. А. «Остров достоверности». С. 344.

² Кознова И. Е. Власть в памяти крестьянства России // Куда идет Россия?: Власть, общество, личность. М., 2000. С. 118.

³ Почтовый ящик // ЗС. 1888. Т. 17, № 31. С. 79.

надлежностями, яичко с маленькой куколкой и ее приданным внутри, книжки¹. В числе других необычных событий упоминаются школьные и домашние спектакли, посещение театра, солнечное затмение².

Отдельные письма о событии носят исповедальный характер, демонстрируют рефлексивную позицию ребенка, содержат рассуждения о себе и стремление поделиться своими переживаниями с другими читателями. Приведу фрагмент одного из таких писем, присланного в редакцию Павлом Шайдуровым (10 лет) из Сретенска: «Я мальчик очень жалостливый и слезливый: когда читаю что-нибудь грустное, то плачу. Нынче учительница заставила меня читать из “Задуманного слова” за прошлый год “Единственный друг”. Сначала я читал хорошо, а потом положительно не мог выговорить ни одного слова, и как ни упрашивали, ни уговаривали и ни заставляли, я не мог. Некоторые дети смеялись надо мной, а другие тоже плакали. А когда читали о том, как экипажем раздавило Бойке ноги, я заткнул уши и выбежал из комнаты. Напишите мне, есть ли кто из детей такой жалостливый, как я?»³.

Пятая стратегия – самопрезентация посредством рассказа о домашних животных.

Если в рассказах-историях современных младших школьников, по наблюдениям уже упомянутой нами Н. А. Лемяскиной, тема домашних животных лидирует, то в письмах в «Задуманное слово» в качестве основной она встречается достаточно редко. Как правило, упоминания о домашних любимцах дополняют другие стратегии самопрезентации. Например, в письме Захара Андоверова (9 лет) из семьи купцов-золотопромышленников из Сретенска рассказ о себе через события дополняется упоминанием своего питомца: «Дорогая Редакция! У нас был детский спектакль, на котором были поставлены две комедии: “Красный драгун” и “Из-за стакана молока”. Я участвовал в обеих: в первом в роли Толи-трусихи, а во втором в роли капризного мальчика. У меня есть кореец (японская лошадка), на котором я часто катаюсь верхом. Не согласится ли кто из читателей “Задуманного слова” посоветовать, как назвать моего корейца?»⁴.

¹ См., например: Там же. 1887. Т. 15, № 41. С. 239; 1888. Т. 17, № 34. С. 127; 1891. Т. 22, № 13. С. 207; и др.

² См., например: Там же. 1888. Т. 16, № 15. С. 239.

³ Там же. 1888. Т. 16, № 14. С. 223.

⁴ Там же. 1887. Т. 15, № 34. С. 127.

В качестве исключений можно назвать ранее процитированное письмо Глафиры Шайдуровой и Мити Чернавина (6 лет) из Омска. Приведу его полностью как пример названной стратегии: «Милая редакция! У нас есть зайчик, которого мама купила на базаре. Он сидит в клетке, где жили прежде египетские голуби. Зайчика мы выпускаем в сад погулять, но ненадолго, потому что ест цветы. Была у нас собака Араб, очень старая, она пропала. Теперь у нас есть другая собака, тоже Арабка, только небольшая... У меня есть пила, молоток, топор, долото, буравчик и струг, я работаю. Напишите, милые читатели, у кого есть такие инструменты?»¹.

Шестая стратегия – самопрезентация через любимые литературные произведения.

Идентификация с той или иной возрастной, поколенческой, мировоззренческой общностью путем рассказа о любимых героях, произведениях и литераторах в литературоцентричной культуре русского образованного общества была явлением необычайно распространенным и характерным для источников личного происхождения, оставленных его представителями².

Большинство писем в «Задуманное слово» содержит информацию о любимых художественных произведениях читателей. Однако их перечень ограничивается только теми, которые публиковались в самом журнале. Возможно, это объясняется тем, что дети делились с редакцией своим мнением по поводу именно тех текстов, которые им стали известны благодаря журналу, возможно, и редакционной политикой издания, направленной на «формирование своего читателя» и расширение количества подписчиков. К. И. Чуковский в начале XX в. подверг журнал достаточно резкой критике, в том числе и за самовосхваление. Детский писатель и литературный критик ругал журнал и за базарный, лавочный, деляческий дух, который царил в этом детском журнале, и за низкое литературное качество литературных произведений (больше всего досталось Л. Чарской), и за бессмысленность многих текстов, публи-

¹ Там же. 1886. Т. 13, № 43. С. 271.

² Rodigina N., Saburova T. Op. cit. P. 119–132; Сабурова Т. А. Коллективная автобиография: «поколение» в воспоминаниях и переписке А. В. Амфитеатрова // AvtobiografiЯ. 2012. № 1. С. 145–165; и др.

куемых в рубрике «Почтовый ящик»¹. Соглашаясь с Чуковским в том, что издатель и редакция журнала прикладывали немало усилий для формирования своего образа «друга и наставника детей», в том числе и в коммерческих целях, подвергну сомнению его негативные оценки «мелкобуржуазного, базарного» духа журнала. Письма детей в рубрику «Почтовый ящик» отражали их формирующуюся картину мира, которую некорректно оценивать исключительно с классовых позиций.

Авторы писем в журнал «Задушевное слово».

Само умение писать в детском возрасте и доступность иллюстрированного журнала для чтения указывают на то, что авторы писем относились к грамотному меньшинству населения Российской империи второй половины XIX столетия. Подавляющее большинство авторов – горожане, дети чиновников (в том числе и высшего административного корпуса Сибири), местной интеллигенции, купцов, предпринимателей. Большая часть авторов – читателей журнала получала его по подписке (подписная цена на журнал для детей старшего возраста со всеми премиями и приложениями, с доставкой равнялась 6 р.). Часто дети или их родители передавали журнал «из рук в руки», о чем писал в своем письме Степа Кельгин (10 лет) с Прокопьевского прииска: «Милая Редакция! получаю уже второй год выписанный мне папой журнал “Задушевное слово”. Каждую неделю в день прихода почты, когда я читаю вновь пришедший номер, у меня бывает особая радость. По прочтении журнала я каждый раз им делюсь и посылаю для прочтения моим знакомым ровесникам за 25 верст. Особенно интересуют меня помещенные статьи с рисунками. А другие дети тоже посылают журнал знакомым?»².

Почти все авторы писем были младшими школьниками и получали либо домашнее начальное образование, либо учились в прогимназии или гимназии, о чем они достаточно часто упоминали в своих письмах. Типичным в этом смысле является письмо Вити Перевалова (8 лет) из семьи родоначальников производства знаменитого хайтин-

¹ Чуковский К. И. Матерям о детских журналах [Электронный ресурс]. URL: http://www.chukfamily.ru/Kornei/Critica/critica_new.php?id=136 (дата обращения: 18.08.2013).

² Почтовый ящик // ЗС. 1886. Т. 14, № 1. С. 15.

ского фарфора: «Я живу в городе и учусь в школе “Детский сад”, а летом, во время каникул, я живу на своей фарфоровой фабрике»¹.

Информационный потенциал писем.

Содержание писем сибиряков в журнал «Задушевное слово» дает возможность составить представление о картине мира детей, приблизиться к пониманию того, какие реалии современности вызывали у них наибольший интерес и почему, судить об их системе ценностных приоритетов. Письма являются уникальным источником изучения «второй реальности» в детском измерении. Они содержат немного конкретной фактической информации, и та, что есть, нуждается в детальной верификации, однако они дают возможность выяснить «детский взгляд» на природно-климатические условия региона, архитектурный облик сибирских городов, особенности образа жизни горожан, внутрисемейных отношений.

Письма позволяют расширить наши представления о детской повседневности, выявить любимые игры, формы детского досуга. Они предоставляют богатый материал для специалистов по истории и социологии чтения, истории детской литературы и журналистики, так как содержат упоминания о популярных произведениях для детей. Их анализ расширяет представления о роли детского иллюстрированного журнала в литературной социализации ребенка второй половины XIX в. Письма потенциально интересны для специалистов по детской нарратологии, так как дают основания для сравнения самоописаний современных детей с их ровесниками, жившими в пореформенной России.

Мы считаем, что выводы о специфике детского письма в периодическое издание, сделанные на основе писем из Сибири, можно экстраполировать на эпистолярные из других регионов империи. «Сибирская» специфика писем состоит лишь в описаниях местной природы и городов, возможно, также в минимальном присутствии среди «корреспондентов» изучаемого издания выходцев из дворянства. Нами не выявлено других существенных отличий в структуре, тематике и стратегиях самопрезентаций при помощи письма в текстах сибиряков и детей из других регионов страны.

¹ Там же. 1885. Т. 11, № 29. С. 47.

2.2. САТИРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СИБИРИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА *

Исследование репрезентаций Сибири в разных типах текстов на сегодняшний день уже стало традицией. Историки реконструировали представления о восточном регионе Российской империи на основе широкого круга исторических источников: нормативных документов, художественных текстов, статистических материалов, мемуаров, периодической печати (в основном использовались ежемесячные журналы). Иллюстрированные еженедельные издания исследователи «открыли» для себя недавно, хотя именно эти журналы были популярными среди подданных Российской империи и являлись трансляторами массовых представлений об Азиатской России. Работая над аннотированным библиографическим указателем «Репрезентации Сибири в русских еженедельных изданиях второй половины XIX – начала XX в.» в течение последних лет, сотрудники кафедры отечественной истории НГПУ Н. А. Землякова, Л. В. Котович, Т. А. Кузнецова, М. А. Реутова, Н. Н. Родигина, О. Н. Сидорчук опубликовали серию статей, которые позволяют уточнить отдельные сюжеты истории малоизвестных иллюстрированных изданий¹. Однако, несмотря на пристальное внимание регио-

* Глава написана при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-01-00258 «Репрезентации Сибири в русских еженедельных изданиях второй половины XIX – начала XX в.: аннотированный библиографический указатель».

¹ См., например: *Землякова Н. А.* Церковь и общество на страницах «Томских епархиальных ведомостей» во второй половине XIX – начале XX в. [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/105-6997> (дата обращения: 10.09.2013); *Котович Л. В.*: 1) «Наш журнал найдет много друзей и помощников для борьбы на поприще сельского хозяйства – за процветание нашей Родины» // Журналистика в коммуникативной культуре современности: новые журналисты для новых медиа. Новосибирск, 2012. С. 48–49; 2) «Чтоб жить стало лучше»: крестьянские корреспонденты о переменах в деревне в начале XX в. (по материалам журнала «Сибирская деревня») // Вопросы истории Сибири. Омск, 2012. Вып. 5. С. 78–82; *Кузнецова Т. А.* Репрезентации Сибири в иллюстрированных еженедельных изданиях в конце XIX – начале XX в. (на примере журнала для семейного чтения «Родина») // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2012. С. 146–149; *Родигина Н. Н.*: 1) Журнал «Всемирная иллюстрация» и репрезентации Сибири на его страни-

нальных историков к информативному потенциалу периодической печати, репрезентации Сибири и сибиряков в сатирических журналах еще не были предметом специального изучения.

Задача настоящей главы коллективной монографии – выявление и характеристика особенностей репрезентации Сибири и сибиряков в сатирических еженедельниках конца XIX – начала XX в. (на примере журналов «Осколки» и «Сатирикон»).

Специфика сатирических иллюстрированных изданий.

Сатирические журналы рубежа XIX–XX вв., по замечанию историков журналистики Б. И. Есина и С. Я. Махониной, не самые «долговечные» издания¹. Часто в качестве цели критики редакторы журналов выбирали «запретные» политические темы (самодержавная власть, военные конфликты, деятельность Государственной думы и пр.), что приводило к закрытию изданий. Среди множества сатирических журналов к «долгожителям» можно отнести «Осколки» (1881–1916) и «Сатирикон» (1908–1913). Как и в других еженедельниках, на страницах сатирических журналов помещались разножанровые тексты, сопровождаемые иллюстрациями. Но ключевыми жанрами были фельетон и карикатура, часто запрещенные в других журналах. Стремление не показать, «как оно было на самом деле», а высмеять самые порочные явления в жизни общества и привлечь внимание к наиболее острым проблемам создавало особые образы событий, явлений и людей Российской империи конца XIX – начала XX в., которые отличались от образов реальности, конструировавшихся в литературных, общественно-политических и прочих журналах.

цах // Гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 76–80; 2) «Исполнение культурной миссии России на востоке»: образование в Сибири в освещении еженедельных иллюстрированных журналов второй половины XIX – начала XX в. // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 1. С. 44–49; Родигина Н. Н., Кузнецова Т. А. Еженедельные издания «для всех» как институт формирования массовых представлений о Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Культура и интеллигенция России: Личности. Творчество. Интеллектуальные диалоги в эпохи политических модернизаций. Омск, 2012. С. 419–422; и др.

¹ Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX в. [Электронный ресурс]: учебное пособие. М., 2002. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text1/94.htm> (дата обращения: 26.09.2013); Есин Б. И. История русской журналистики (1703–1917) [Электронный ресурс]: учебное пособие. М., 2000. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text4/10.htm> (дата обращения: 26.09.2013).

Краткая история журналов.

Юмористический литературно-художественный журнал «Осколки» был создан в 1881 г. на основе предшествовавшего ему художественного еженедельника «Собрание картин». В первый год существования журнала его редактором был статский советник и владелец типографии Роман Романович Голике. С 1882 по 1906 г. редактированием журнала занимался популярный писатель и журналист Николай Александрович Лейкин. С 1906 по 1908 г. редакцию возглавлял писатель-юморист Виктор Викторович Билибин. В последние несколько лет, вплоть до 1916 г., редактором-издателем был К. А. Михайлов. Надо отметить, что в последний период существования журнала современники не очень лестно отзывались о содержании издания. Так, например, его характеризовала редакция «Сатирикона» в 1908 г.: «Был честный, симпатичный журнал “Осколки”, в котором при Н. А. Лейкине работали А. П. Чехов, А. Н. Будищев и др. Теперь – это кокотка, павшая на склоне своих дней, размалеванная копеечными красками, безрадостная, со своим примитивным обольщением с помощью скверно нарисованной ноги или лихо выведенного женского бедра»¹.

«Сатирикон» – сатирический журнал, первый номер которого вышел в 1908 г. благодаря группе молодых художников и поэтов. Редактором журнала стал недавно приехавший из Харькова писатель и сатирик А. Т. Аверченко, который сумел привлечь к работе с изданием плеяду знаменитых людей – писателей Тэффи (Н. А. Лохвицкую) и Осипа Дымова, поэта Сашу Чёрного (А. М. Гликберга), художника Н. В. Ремизова и др. «Сатирикон» выходил до 1913 г., после чего издание было переименовано в «Новый сатирикон».

Структура изданий и репрезентации Сибири на их страницах.

В первом выпуске редактор «Осколков» Р. Голике обозначил программу журнала, которая отличалась от предшествующего издания «Собрание картин» более богатым содержанием. К художественному и литературному отделам были добавлены фотолитографированные картины с пояснительным текстом, фельетоны и «Смесь». Во вступительной статье к первому выпуску «Осколков» редактор обозначил, что основной темой для журнала являются повседневность Петербурга и Москвы с вкраплениями «провинциальной жизни». Первый но-

¹ Русский юмор // Сатирикон. 1908. № 34. С. 6.

мер был разослан в виде отдельного приложения при «больших газетах», тираж его составил 40 тыс. экземпляров.

Интересующая нас сибирская тематика в «Осколках» поднималась довольно часто (в год ей отводилось от 2 до 15 статей) и охватывала следующие вопросы: нравы сибирских жителей (местной власти, купцов, городской «высшей публики»), железная дорога, взаимоотношения с соседними странами – Японией и Китаем.

В публикациях, посвященных сибирякам, рисуется неприглядная картина местной власти и общества. Бездуховность, безграмотность, стремление к наживе, излишняя доверчивость – это неполный список сатирических характеристик сибирского общества. Не раз поднимавшаяся в общественно-политических журналах тема произвола сибирских властей получила свое развитие на страницах «Осколков» в юмористической форме. В фельетонах речь шла о «простоте нравов» сибирской администрации, которая заключалась в том, что «захочется, например, какому-нибудь господину приставу покушать рыбки; ну, он ее, рыбку, и “возьмет”»; а благочестивые купцы его же за это благодарят. Или, например, шиньон жене господина приставы местный “севильский цырюльник” плохо поправил. В другом бы ведь месте – черт знает, что из таких пустяков натворили бы, а здесь господин пристав только поколотит неумелого артиста, и дело в шляпе. В г. Е. исправник довел искусство “взимания” до совершенства и гордится этим, и справедливо гордится, ибо “взимать” 20 000 ежегодно лучше, чем быть министром в Западной Европе»¹. Сами сибиряки, по мнению авторов издания, тоже не отставали от своих начальников – хороших книг не читали, верили столичным «шарлатанам», пили в огромных количествах, воровали, проявляя при этом потрясающую изобретательность. Отмечу, что редакторы сатирических изданий, фокусируя внимание на нравах жителей Сибири, практически не упоминали в публикациях об «инородцах» восточного края. На мой взгляд, исключение аборигенного и русского крестьянского населения из числа объектов сатирического описания может свидетельствовать о мировоззренческих ценностях авторского коллектива, в числе которых «народ» занимал одну из ключевых позиций².

¹ *Пиликин*. Крохи провинциальной жизни // Осколки. 1882. № 14 (3 апр.). С. 4.

² Более подробно об этом см.: *Сабурова Т. А.* Русский интеллектуальный мир / миф: (социокультурные представления интеллигенции в России XIX столетия). Омск, 2005.

Помимо обобщенных характеристик сибирского обывателя, часто авторы сатирического издания писали об уже известных «героях» и событиях восточного края, растиражированных другими изданиями. Например, нередко упоминался К. Юханцев – главный персонаж нашумевшего дела о растрате средств Общества взаимного поземельного кредита. В 1880 г. Юханцев был осужден и отправлен в ссылку в Енисейскую губернию на 12 лет. За время пребывания в Сибири его не раз упоминали в заметках, основываясь на слухах об этой «скандальной личности» – о его жизни в Сибири, дальнейших планах после возвращения из ссылки¹. Еще одна героиня новостей «Осколков», прославленная благодаря своим «криминальным талантам», – Софья Блювштейн, более известная под прозвищем Сонька Золотая Ручка. В журнале описывался ее побег из ссылки, поддерживавший миф об «очаровательной и неуловимой преступнице»².

Отметим, что редакторов привлекали не только «сомнительные личности», но и разоблачения, связанные со злоупотреблениями сибирской администрации. В начале 1880-х гг. разгорелся скандал, связанный с хищением на кабинетских предприятиях Алтая. Начались события с обличающих статей в прессе (газета «Восточное обозрение»), которые были подхвачены другими изданиями, и в результате факт воровства стал достоянием общественности. В «Осколках» в качестве реакции на данное событие было опубликовано четверостишие В. А. Гиляровского «По поводу алтайского хищения». Позволим себе его процитировать:

Дик и страшен верх Алтая,
Вечен блеск его снегов,
Но и там явилась стая
Преискуснейших воров³.

Авторы журнала не обошли бытовые проблемы сибирских городов, такие, как недостаток освещения, отсутствие мостовых, театров,

¹ Пиликин. Указ. соч. № 12 (20 марта). С. 5; Арсеник [Михайлов К. А.]. Возвращение К. Юханцева из Сибири // Осколки. 1892. № 24 (13 июня). С. 5.

² Крра-кра. Осколки провинциальной жизни: (сорочья почта) // Осколки. 1882. № 52 (25 дек.). С. 3–4.

³ Гиляй [Гиляровский В. А.] По поводу алтайского хищения // Осколки. 1883. № 15 (9 апр.). С. 5.

библиотек, школ и пр.¹ Скорее всего, многочисленные упоминания о неустроенности городской жизни на восточной окраине были отражением публикаций в сибирской провинциальной печати и выражением позиции сибирских корреспондентов «Осколков», для которых подобные «неудобства» были более актуальными, чем для столичных журналистов.

Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали – одно из ключевых событий в Российской империи рубежа XIX–XX вв. – стало популярной темой для периодической печати, в том числе и для сатирических журналов. Авторы с помощью коротких сообщений и карикатур старались отразить представления о строящейся магистрали и ожидания от нее жителей европейской части России и Сибири², а в дальнейшем, после ее строительства, рассказать о недостатках в работе железной дороги³.

Внешнеполитические события также имели свое продолжение в сатирической форме. Например, рост экономической и военной мощи Японии, ее агрессивная политика по отношению к Китаю и Корее повлекли за собой создание стихотворения талантливым писателем А. Н. Будищевым (псевдоним – Кир Персидский). Автор, во-первых, высмеивал амбициозные планы восточной соседки по захвату Сибири, во-вторых, демонстрировал уже ставший традиционным для жителя Европейской России образ «Сибири-каторги», куда по собственной воле никто не поедет. Вот фрагмент этого стихотворного сочинения:

Ты, милый, болен, что ли?
О чем твои мечты?
Ужель по доброй воле
В Сибирь полезешь ты?!
Да я, когда придется

¹ См., например: *Грэк И. и К° [Билибин В. В.] Коротенькие корреспонденции // Осколки. 1895. № 6 (4 февр.). С. 5; 1896. № 32 (10 авг.). С. 5; № 46 (16 нояб.). С. 5; 1897. № 24 (14 июня). С. 5; и др.*

² *Сибирская железная дорога: (иллюстрации) // Осколки. 1891. № 11 (16 марта). С. 8; Свифт [Михайлов К. А.] Сибиряки о сибирской дороге // Осколки. 1893. № 5 (30 янв.). С. 5; Астров И. По Сибирской железной дороге // Осколки. 1896. № 33 (17 авг.). С. 5; и др.*

³ *Воз [Михайлов К. А.] На Сибирской железной дороге // Осколки. 1902. № 1 (5 янв.). С. 6; Спе. На сибирском поезде // Осколки. 1904. № 4 (24 янв.). С. 4.*

Припомнить этот край, –
Бледнею, сердце бьется, –
Ложись да помирай!¹

В 1900 г. редактор «Осколков» помещает в журнале фельетон на популярную в общественно-политических и специализированных изданиях тему – нелегальное заселение китайцами российского Дальнего Востока². В дальнейшем, вплоть до закрытия журнала в 1916 г., внешнеполитические вопросы практически перестали интересовать редакторский состав «Осколков».

Хотелось бы отметить, что авторский состав журнала «Осколки» часто писал о восточной окраине, используя устоявшиеся стереотипы о Сибири как «золотом дне», «месте ссылки» и стране классического «Макара». Например, сообщение о маскараде в Красноярске, автор, скрывающийся под псевдонимом Пиликин, начинает с утверждения об огромных расстояниях и информационной изолированности окраины: «Сразу перенесемся за тридевять земель – туда, куда Макар телят не гонял, именно в Красноярск. Дело было на Масленице. Не ужасайтесь, пожалуйста, что только теперь доходят известия о Масленице в Красноярске. Ведь они там совсем “в стороне от большого света”. Ведь они там только в прошлом месяце узнали, что Шамиль взят в плен; по какому поводу обыватели и зажгли иллюминацию...»³. Подобные характеристики Сибири в 1880-х гг. встречались постоянно, однако уже к началу 1890-х гг. образ «далекой окраины», а вместе с ним и представления о восточном крае как о «месте ссылки» из текстов корреспонденций практически исчезли, что связано, скорее всего, со строительством Транссибирской магистрали. В публикациях конца XIX – начала XX в. стабильно фиксируется представления о Сибири как «золотом дне» и «прибежище» для всех, кому не нашлось места в Европейской России.

На страницах «Сатирикона», в отличие от «Осколков», две темы можно назвать ключевыми – чиновничий произвол на восточной окраине и нравы сибирского общества. В отличие от «Осколков», где

¹ *Кир Персидский [Будищев А. Н.] В Сибирь захотел // Осколки. 1895. № 42 (14 окт.). С. 5.*

² *Урсус [Михайлов К. А.] Нашествие китайцев на Россию // Осколки. 1900. № 18 (29 апр.). С. 5.*

³ *Пиликин. Указ. соч. № 12 (20 марта). С. 5.*

фамилии чаще всего не упоминались, А. Аверченко не боялся называть имена конкретных людей или писать о них настолько «прозрачно», что читатель догадывался, о ком или о чем идет речь. Например, о «самодурстве» генерал-губернатора Степного края Е. О. Шмидта, о расстреле рабочих на Ленских приисках¹. При этом критиковать могли не только сибирскую администрацию, ее пороки связывали с действиями и слабостью центральной власти. В статье 1912 г., посвященной трагическим событиям в Барнауле, где во время игры в «смертную казнь» один из детей погиб (он был повешен другими детьми), редакторы дают отсылку к П. А. Столыпину. Фамилия бывшего министра внутренних дел не была названа, но читателю было понятно, кто подразумевается под «мастером»: «В России один мастер [игрушек], ныне покойный, распространил всего одну игрушку, – но она прославилась Россию на весь мир, являясь любимой потехой ребятшек»². Характеризуя нравы общества восточной окраины, сатириконицы упоминали о предприимчивости сибиряков, присущей им консервативности, малообразованности, наивности и пр.

В «Сатириконе» упоминается о дальневосточной политике России, в частности, о взаимоотношениях с Японией, война с которой завершилась для Российской империи неудачей. Редактор фиксирует бессилие российских властей в своих имперских амбициях на Дальнем Востоке и неспособность остановить распространение влияния Японии на соседние страны³.

Характеристика образов Сибири на страницах периодических изданий будет не полной без рассмотрения ключевых фигур иллюстрированного журнала – редактора, авторов, журналистов, художников, фотографов, гравиров. Авторы, которые писали о Сибири в статьях сатирического издания «Осколки», немного: В. В. Билибин (псевдоним – И. Грэк), В. А. Гиляровский (Гиляй), Л. М. Медведев (М. Топтыгин), К. А. Михайлов (Мираж, Арсеник, Свифт, Урсус, Воз и др.), А. Н. Будищев (Кир Персидский), А. С. Лазарев (Ариэль), Н. А. Лохвицкая (псевдоним – Тэффи). В доступных нам биографических данных нет упоминаний о присутствии указанных авторов и редакторов

¹ Волчьи ягоды // Сатирикон. 1912. № 17 (20 апр.). С. 8; № 18 (27 апр.). С. 6; Как мы откликнулись на Ленские события: (иллюстрации) // Сатирикон. 1912. № 19 (4 июня). С. 16.

² Волчьи ягоды // Сатирикон. 1912. № 7 (10 февр.). С. 2.

³ Там же. 1911. № 5 (29 янв.). С. 2.

на территории Азиатской России. Скорее всего, информацию о событиях в сибирских городах авторы получили от своих корреспондентов: призывы к читателям писать «обо всех “осколках” своей страны родимой, о крупном и о мелком, о тузах и о червонных валетах» встречаются в первых номерах журнала «Осколки»¹. Другой источник информации – это публикации в газетах и журналах Российской империи, в том числе выходявших в провинции. Особенно часто к периодической печати обращались авторы «Сатирикона», для которых достоверность информации была более важной заботой, чем для «Осколков».

Итак, сатирические журналы, как и другие иллюстрированные еженедельники, транслировали в своих публикациях представления об Азиатской России. Особенность образов региона была связана со спецификой изданий, где главной составляющей была сатира, то есть резкое обличение пороков, насмешка над определенными лицами и событиями. С одной стороны, авторы фельетонов, корреспонденций и карикатур целенаправленно высмеивали наиболее устоявшиеся в общественном сознании образы Сибири и ее жителей. С другой стороны, они, пытаясь обратить внимание на проблемы, существующие в сибирском обществе, укрепляли эти представления у своей читательской аудитории. Репрезентации Сибири в сатирических изданиях не оставались неизменными. Если в 1880-х гг. Сибирь описывалась как место, находящееся за «тридевять земель», как «нецивилизованная земля», то со строительством железной дороги в 1890-х гг. регион (по крайней мере, Западная и Восточная Сибирь) стал «частью» ментальной карты жителей Российской империи.

2.3. СИБИРСКАЯ АГРОНОМИЧЕСКАЯ СЛУЖБА: ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ИСТОЧНИКОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА ПО ИСТОРИИ ЕЕ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

В середине 90-х гг. XIX в. – первые годы XX столетия в Сибири была образована агрономическая служба, учреждены должности губернских и областных правительственных агрономов, инструкторов и специалистов по маслоделию, земледелию, животноводству, пчело-

¹ Пиликин. Указ. соч. № 16 (17 апр.). С. 4.

водству. К 1 января 1913 г. в агрономической организации Сибири насчитывалось 485 сотрудников¹. Они проживали в крупных городских и сельских населенных пунктах, а их деятельность распространялась почти на все уезды Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Акмолинской и Забайкальской областей. Возникновение новой государственной структуры сопровождалось появлением многочисленных новаций в различных сферах социальной, экономической и культурной жизни крестьянского населения. Агрономический персонал являлся инициатором устройства чтений, бесед и курсов по сельскому хозяйству, организатором проведения сельскохозяйственных совещаний и съездов разных уровней, принимал активное участие в создании и развитии кооперативных учреждений, стоял у истоков зарождения сибирской сельскохозяйственной печати. Разносторонняя деятельность первых агрономов Сибири нашла отражение в комплексе опубликованных и неопубликованных документов, которые хранятся в архивах и библиотеках Санкт-Петербурга, Москвы, Тобольска, Кургана, Омска, Томска, Новосибирска, Красноярска, Иркутска.

Все источники условно можно разбить на несколько групп. Большую группу представляют отчеты правительственных агрономов и специалистов по маслоделению в Министерство земледелия и государственных имуществ, Главное управление земледелия и землеустройства, отчеты инструкторов по маслоделению, инструкторов сельского хозяйства, уездных агрономов. Данный вид отчетности начинает формироваться вместе с зарождением агрономической службы. В отчетах правительственных агрономов содержалась информация об условиях работы службы, численном составе персонала, обобщалась деятельность организации за истекший период. Много внимания уделялось анализу мероприятий, проводимых сотрудниками по улучшению земледелия, животноводства и маслоделия, пропаганде сельскохозяйственных знаний среди населения, по развитию сельскохозяйственных обществ.

Наряду с формальными отчетами встречаются подробные, обстоятельные тексты, в которых излагается собственная позиция чиновника по существу рассматриваемой проблемы и предлагается правительству программа конкретных мер, направленных на модернизацию основных отраслей сельскохозяйственного производства. В числе таких от-

¹ Местный агрономический персонал, состоящий на правительственной и общественной службе 1 янв. 1914 г.: справочник. СПб., 1913. С. 408.

четов следует назвать работы одного из первых правительственных агрономов Томской губернии И. К. Окулича, ставшего впоследствии крупным ученым¹. Многие из предложений Иосифа Константиновича уже в ближайшем будущем были воплощены на практике.

В 1911 г. произошло объединение общегубернской и переселенческой агрономических служб, и с этого времени отчеты приобретают всё более единообразную форму, хотя структура основных разделов в них по-прежнему варьировалась в зависимости от направлений и содержания работы конкретной организации, а также от степени осведомленности лица, составлявшего документ. Например, в отчете правительственного агронома Енисейской губернии за 1911 г. материал распределялся по следующим разделам: личный состав, общие условия агрономической работы, сельскохозяйственные общества и другие общественные организации, изучение губернии в сельскохозяйственном отношении, опытные поля, метеорологические станции, распространение сельскохозяйственных знаний, низшие сельскохозяйственные учебные заведения, распространение сельскохозяйственных знаний внешкольным путем, курсы по молочному хозяйству и животноводству, курсы по пчеловодству, курсы в с. Каргино Енисейского уезда, в д. Мензот Минусинского уезда, в с. Балахта Ачинского уезда, в с. Кекура Красноярского уезда, чтения и беседы по сельскому хозяйству, бесплатные передвижные сельскохозяйственные библиотеки-читальни, молочное хозяйство, земледелие, полеводство, распространение улучшенных семян полевых сельскохозяйственных растений, льноводство, прокатно-демонстративные станции сельскохозяйственных машин и орудий, зерноочистительные пункты, огородничество, бахчеводство и плодоводство, вредители сельского хозяйства и борьба с ними². Несколько по-иному был написан аналогичный отчет правительственного агронома Акмолинской области за

¹ Окулич И. К.: 1) Отчет правительственного агронома по Томской губ. за 1897 г. Департаменту земледелия. Томск, 1898; 2) Отчет правительственного агронома Томской губ. за 1899 г. Департаменту земледелия. Томск, 1900; 3) Отчет правительственного агронома по Томской губ. Департаменту земледелия за 1900 г. Томск, 1901; 4) Отчет правительственного агронома по Томской губ. Департаменту земледелия за 1902 г. Томск, 1903.

² Краткий обзор деятельности правительственной агрономической организации в Сибири и Туркестане в 1911 г. СПб., 1912. С. 58–89.

тот же год¹. В нем имелись такие рубрики: состав организации, очистка и протравливание семян, опытно-показательные участки, продажа семян, устройство племенных рассадников, выставка крупного рогатого скота, курсы показательного кормления, сельскохозяйственные чтения, развитие молочного хозяйства, развитие пчеловодства.

В целом ряде рассматриваемых источников (это относится в первую очередь к отчетам инструкторов по маслоделению) содержался богатый статистический материал, отражающий различные аспекты формирования крестьянских маслодельных артелей. Среди таких документов особенно выделяются отчеты тобольского правительственного инструктора по маслоделению В. Ф. Сокульского². Им было собрано, систематизировано и сгруппировано в таблицы большое количество статистических данных по численности и производительности маслодельных артелей, числу членов артелей и количеству крестьянского молочного скота и другим показателям. В качестве доказательства репрезентативности отчетных материалов Сокульского можно рассматривать тот факт, что они были использованы выдающимся российским деятелем в области молочного хозяйства А. А. Калантаром для очерка о сибирском маслоделии, опубликованном в 1914 г. в солидном издании «Азиатская Россия»³.

Наиболее массовыми являются отчеты младшего и среднего агрономического персонала. В них сосредоточен обширный фактический материал: описываются особенности ведения крестьянского хозяйства конкретных местностей, раскрываются изменения, происходившие в деревне под влиянием новых условий, зафиксировано отношение населения к агрономам и инструкторам и организуемым ими мероприятиям. Отдельные отчеты поражают глубиной обобщения, новизной восприятия действительности, хорошим знанием крестьянской психологии.

¹ Там же. С. 90–100.

² Отчеты находятся в Государственном архиве Курганской обл. в фонде 149 (Старший специалист молочного хозяйства Тобольской губ. при Агрономическом бюро по сельскому хозяйству и артельному маслоделению в г. Кургане); в Российском государственном историческом архиве в фонде 398 (Департамент земледелия и государственных имуществ).

³ *Калантар А. А.* Молочное хозяйство // *Азиатская Россия*. СПб., 1914. Т. 2. С. 337–338.

В фондах Государственного архива Иркутской области хранится отчет младшего инструктора сельского хозяйства А. Н. Меншикова, окончившего курс Иркутского сельскохозяйственного училища и затем работавшего в Киренском уезде Иркутской губернии. Приведем несколько выдержек из отчета за 1914 г. для того, чтобы составить представление о содержании и характере изложения отчетных данных представителей младшего инструкторского персонала. Описывая опыт организации лекций по сельскому хозяйству для крестьян, Меншиков отмечает: «На распространение теоретических сельскохозяйственных знаний мною было обращено главное внимание, так как теоретическая подготовка, хотя даже и небольшая, служит первой ступенью для предпринимаемых более существенных, практических начинаний... Темы для бесед [с крестьянами] выбирались более доступные пониманию и соответствующему уровню культурного и сельскохозяйственного развития при данной местности. Касались они самых главных и жгучих вопросов сельскохозяйственной жизни и сводились к тому, чтобы дать крестьянам хотя бы элементарное понятие о ведении хозяйства и указать существующие недостатки и меры к устранению таковых»¹. Далее он высказывает свою точку зрения по поводу значения данной формы пропаганды рациональных способов ведения крестьянского хозяйства: «Учесть влияние этих бесед на улучшение местного хозяйства пока невозможно. Результаты эти, можно сказать, неосязаемы, и пройдет немало времени, когда они выйдут из стадии неосязательности и дадут ясные практические результаты. Но не может быть никакого сомнения, что известный переворот в умах, произведенный этими беседами, послужит причиной переворота и в практике ведения сельского хозяйства и земледелия»².

Образно и эмоционально Александр Николаевич фиксирует момент утверждения новаций в крестьянской среде на примере устройства бесед: «Правда, устои старого быта и вместе с ним и основания старого мирозерцания разрушаются, и уже на развалинах пробивается новый росток в лице молодого поколения деревни, которое уже иначе относится к жизни, но все-таки старый быт еще не умер и нужно много приложить труда, чтобы преодолеть ту инерцию, в силу которой он еще способен существовать долгое время. Многие беседы

¹ Государственный архив Иркутской обл. Ф. 178. Оп. 1. Д. 20. Л. 15.

² Там же. Л. 16.

были очень оживлены, и в пылу споров загорались страсть, здесь сталкивались отцы с детьми, старое поколение с новым, здесь колебались прочные устои заматерелого мирозерцания, и защитники его собирали последние силы для того, чтобы отстоять этот быт, с которым они так прочно и тесно сжились»¹.

Упоминание и характеристика мелких специфических деталей и сторон жизни и быта сибирской деревни, каких-то особенных черт, присущих сибирскому крестьянству, живущему на переломе разных эпох, оживляют исследуемые тексты, помогают уловить неповторимый аромат ушедшего времени. Будучи уроженцами европейской части России, многие из агрономов и инструкторов при описании условий развития крестьянского хозяйства невольно обращали внимание на непривычные для них приемы хозяйствования сибиряков, сравнивали их с аналогичными приемами крестьян центральных губерний и областей.

Ценность подобных отчетов признавалась уже современниками. В 1912 и 1914 гг. центральным сельскохозяйственным ведомством были опубликованы «Краткие обзоры» с отчетами сибирских губернских и областных агрономов². А несколько ранее участники совещания агрономического персонала Западной Сибири, состоявшегося в феврале 1910 г. в Омске, обсуждали вопрос, который формулировался следующим образом: «Популяризация отчетов лиц агрономического персонала в целях ознакомления их с деятельностью как населения, так и друг друга»³. Было сочтено необходимым издание погубернских «Ежегодников деятельности агрономической организации».

Такое решение опиралось на уже существовавшую практику издания местными службами сборников своих «Трудов» и «Работ», которые составляют еще одну группу источников по теме истории сибирской агрономии⁴. Помимо отчетов специалистов, посвященных од-

¹ Там же. Л. 20.

² Краткий обзор правительственной агрономической организации в Сибири в 1911 г. СПб., 1912; Краткий обзор деятельности агрономической организации в Сибири и Туркестане в 1912 г. СПб., 1914.

³ Труды совещания агрономического персонала Западной Сибири 17–26 февр. в г. Омске. СПб., 1910. С. 2.

⁴ Работа правительственной агрономической организации Томской губ. в области содействия маслоделению в 1910 г. Томск, 1912; Труды правительственной

ному из направлений работы организации, например, маслоделию, исследователь может найти в них и другие разнообразные по форме и содержанию материалы: распоряжения, инструкции, тексты докладов персонала или извлечения из них. Из первого выпуска работ Тобольской агрономической организации за 1903 г. можно узнать о том, как проходила первая в губернии, а, возможно, и первая в Сибири выставка крупного рогатого скота в с. Суерском Ялуторовского уезда, о курсах по маслоделию, которые состоялись в разных населенных пунктах губернии, устройстве маслодельного завода, первых вагонах-ледниках, перевозивших сибирское масло, о деятельности Курганской испытательной лаборатории по молочному хозяйству, открытой одной из первых в России. Помимо этого, можно познакомиться со списком и описанием маслодельных заводов Тобольской губернии, списком экспортных контор, покупающих масло и другими материалами¹.

Значительную группу источников составляют «Труды» агрономических совещаний, сельскохозяйственных съездов, съездов деятелей по молочному хозяйству². Большинство «Трудов» издавалось совместными усилиям сельскохозяйственных обществ и агрономических организаций почти сразу же после завершения работы совещаний и съездов в виде отдельных книг, брошюр. Их объем колебался от нескольких десятков до сотни и более страниц. Как правило, в предисловиях были указаны причины созыва того или иного мероприятия, имелась информация о подготовительных работах к нему, количестве и статусе участников, помещалась программа проведения, были отражены общие замечания и впечатления о ходе совещания или съезда. Основной текст был представлен протоколами заседаний, которые включали доклады делегатов и выступления участников на пленарных заседаниях и во время работы секций. Из них можно узнать об отношении правительства и местных властей к проблемам развития

Тобольской уездной агрономической организации за 1911, 1912 и 1913 гг. Тюкалинск, 1914.

¹ Работы агрономической организации по Тобольской губ. за 1903 г. Томск, 1905.

² Труды Съезда молочных хозяев и деятелей по молочному хозяйству в г. Кургане при выставке продуктов маслоделия Западной Сибири в 1901 г. Томск, 1902; Труды первого и второго агрономических совещаний по Енисейской губ. 30 апр. – 18 мая 1911 г. Красноярск, 1911; Труды Сельскохозяйственного и кооперативного съезда в г. Омске 2–12 янв. 1916 г. Омск, 1917.

сельского хозяйства, роли и степени участия отдельных лиц и учреждений в модернизационных процессах, охвативших сибирскую деревню, о функциях и условиях работы личного состава агрономической службы, взглядах и позициях его представителей по тем или иным вопросам.

Материалы «Трудов» отражают обстановку заинтересованности и сотрудничества делегатов от различных слоев населения и ведомств, напряженного поиска наиболее эффективных вариантов решения актуальных проблем развития земледелия, животноводства, маслоделия. Ниже мы приводим два высказывания участников, которые передают впечатления от Первого Забайкальского сельскохозяйственного съезда, проходившего в Чите в 1912 г. Съезд был подготовлен совместными усилиями Забайкальского общества сельского хозяйства и Забайкальской агрономической организации. В его работе принимало участие 358 человек. Представитель Кударинской станицы В. Н. Назимов в своем выступлении обращает внимание на атмосферу единодушия, присущую съезду: «Каждый из нас воочию убедился, что вы все, господа, проникнуты одним искренним общим желанием принести на благо и пользу народа свой труд, свои знания и науку»¹. В заключительном слове председателя Забайкальского сельскохозяйственного общества В. Е. Рудницкого отчетливо слышится удовлетворенность плодотворной работой съезда: «Нужно удивиться тому огромному количеству работы, планомерной, продуманной, которое было сделано за столь короткий промежуток времени»². Его поразили «деловитость, серьезность, порой даже талантливость, которые основным и звучным мотивом проходили во всех речах представителей населения»³. Как видим, оба мнения, высказанные разными лицами, совпали в одном: работа съезда оказалась продуктивной. Такие живые зарисовки, запечатлевшие нюансы чувств людей переходной эпохи, встречающиеся в подробных протокольных материалах, способны довольно полно и точно, на наш взгляд, отразить мироощущение, свойственное их современникам. Изучение таких документов

¹ Труды Первого Забайкальского областного сельскохозяйственного съезда, состоявшегося с 1 по 10 марта 1912 г. в г. Чите: (материалы по организации съезда и общие собрания). [Б. м., б. г.] Вып. 1. С. 46.

² Там же.

³ Там же.

помогает глубже понять всё многообразие перемен, происходивших на начальном этапе модернизации традиционного общества.

Органично дополняют рассматриваемые группы делопроизводственных источников деловая и личная переписка правительственных агрономов и инструкторов, находящаяся в архивных фондах, в частности, в фонде 147 (Личный фонд Н. Л. Скалозубова) Государственного архива в г. Тобольске и в фонде 149 (Старший специалист молочного хозяйства Тобольской губернии при Агрономическом бюро по сельскому хозяйству и артельному маслоделению в г. Кургане) Государственного архива Курганской области (ГАКО). Н. Л. Скалозубов почти 12 лет возглавлял агрономическую службу в Тобольской губернии и на протяжении многих лет вел обширную переписку. С 1895 по 1918 г. являлся правительственным инструктором по молочному хозяйству в Тобольской губернии В. Ф. Сокульский, переписка которого с различными учреждениями и лицами хранится в фонде 149 ГАКО.

В письмах, телеграммах и циркулярах порой встречается информация, которая отсутствует во всех других источниках, например, характеристика деловых качеств отдельных сотрудников агрономической службы, описание характера взаимоотношений ответственных лиц. Учет такого рода сведений проливает свет на целый ряд моментов, касающихся самых разнообразных сторон деятельности службы, позволяет уточнить некоторые детали, скорректировать мнение о том или ином чиновнике. Попытаемся показать это на следующем примере.

В личном деле управляющего Каинской сельскохозяйственной фермой и школой молочного хозяйства И. П. Синенко, хранящемся в Государственном архиве Томской области, есть несколько документов, которые помогают составить представление о профессиональных качествах этого человека, а также о состоянии дел в руководимой им ферме и школе молочного хозяйства. Вот отрывок из одного такого источника: «Благодаря Синенко Александринская ферма и школа стоят высоко. Внезапное отбытие его в Вологду, несомненно, погубит дело. Один раз Вы помогли мне оставить Синенко в Томской губернии, убедительно прошу сделать это и теперь, улучшить положение Синенко можно и здесь»¹. Это обращение от 26 августа 1913 г. было написано начальником Управления земледелия и государственными имуществами Томской губернии В. П. Князевым в ответ на требова-

¹ Государственный архив Томской обл. Ф. 240. Оп. 2. Д. 262. Л. 58.

ние Департамента земледелия о переводе Синенко на другое место работы. Существенный штрих к портрету Ивана Пантелеймоновича находим также в краткой, но емкой характеристике, данной ему вышестоящим руководством в связи с его просьбой о командировке в Киев для участия в работе Всероссийского сельскохозяйственного съезда: «Принимая во внимание, с одной стороны, самое похвальное отношение к делу г. Синенки, прекрасно ведущего назначенные ему как ферму, так и школу, а с другой стороны, необходимость ему, работающему в течение 12 лет на поприще сельского хозяйства... пополнить запасы знаний, я признаю просьбу Синенки заслуживающей внимания»¹.

Высокая оценка деятельности управляющего Каинской фермой и школой молочного хозяйства дана еще в одном документе. Из переписки между Главным управлением земледелия и государственных имуществ и Управлением земледелия и государственными имуществами Томской губернии мы узнаем мнение чиновника: «Считаю Синенко за весьма ценного работника, прекрасно ведшего хозяйство на ферме и образцово поставившего школьное дело... На ферму и школу можно указать каждому как на образец, по которому должно вести и другие частные хозяйства»². Сопоставляя приводимые высказывания с информацией из других источников, можно составить портрет одного из тех неизвестных нам подвижников на ниве науки и просвещения, кто в начале XX в. закладывал основы сельскохозяйственного опытного дела и специального образования на восточных окраинах Российской империи.

Вот какой нам видится личность И. П. Синенко. Он довольно продолжительный период (12 лет) являлся сотрудником сибирской агрономической службы. В изучаемый период это было скорее исключением, чем правилом: из-за трудного материального и бытового положения средний и младший инструкторский персонал не задерживался надолго в Сибири. В течение семи лет – тоже весьма длительный срок по тем временам – находился в должности управляющего школой молочного хозяйства, первой на территории Сибири и одной из первых в России, и на данном поприще сумел добиться серьезных успехов в силу «самого похвального отношения к делу». На ферме велось изучение сибирского молочного скота, производились опыты по по-

¹ Там же. Л. 54.

² Там же. Л. 71.

вышению его производительности путем изменения условий содержания и кормления. Одновременно пропагандировались рациональные приемы ведения животноводческого хозяйства среди местного населения. Смысл своей работы управляющий видел в следующем: «Само же население, в общем восприимчивое к прогрессу, настолько свыклось с рутинной, что не может достаточно реально, без посторонней помощи, представить иное положение скотоводства... Отсюда вытекает необходимость самой широкой и неотложной работы в помощи сибирскому крестьянину-скотоводу, чтобы своевременно, не отставая от общего хода интенсификации всего строя хозяйства, изменить его понятие об уходе за скотом и тем самым сдвинуть его с этой инертной точки зрения на свой скот и подготовить его скорее приспособиться к новым требованиям жизни»¹. В условиях начавшегося на рубеже XIX–XX вв. бурного развития сибирского маслоделия это являлось важным и актуальным направлением в поиске службой оптимальных мер по увеличению производительности молочного животноводства.

Статьи самого И. П. Синенко, напечатанные на страницах местных и центральных специализированных журналов, работы и выступления его коллег, опиравшихся на результаты опытов каинской Александринской школы, свидетельствуют о большой значимости для специалистов названных мероприятий. Вывод Синенко о том, что «продуктивность местного скота Александринской фермы должна быть признана не уступающей культурным породам» стал предметом обсуждения и в узких кругах агрономического персонала, и широкой общественности. Синенко фактически утверждал в глазах крестьянства и специалистов идею о высоких достоинствах сибирского молочного скота в то время, когда подавляющее большинство заинтересованных лиц не видело в крестьянских коровенках достойных конкурентов известным иностранным породам. Позиция Синенко получила поддержку авторитетных деятелей российской агрономии. А сам он вполне заслуженно удостоился репутации «ценного работника». Думается, что далеко не каждый руководитель и организатор нового дела, особенно в переломный момент развития отрасли, мог иметь столь лестные отзывы о себе и о своей деятельности. В таком контексте совсем не случайной кажется тревога упомянутого выше В. П. Князева

¹ Синенко И. П. К вопросу о сибирском молочном скоте // Молочное хозяйство. 1913. № 9. С. 172.

за будущую судьбу фермы и школы: в условиях дефицита специалистов трудно было найти замену компетентному и толковому управляющему. Таким образом, скупые строчки канцелярской переписки, прочитанные в совокупности со свидетельствами из других источников, помогают восстановить малоизвестные страницы из биографии первых сибирских агрономов.

Агрономы и инструкторы являлись активными членами местных отделов Московского общества сельского хозяйства и значительную часть мероприятий по оказанию агрономической помощи осуществляли совместно с представителями этих общественных организаций. Вполне естественно, что в опубликованных отчетах сельскохозяйственных обществ отложилась информация, отражающая многие аспекты этого сотрудничества¹. Материалы таких отчетов позволяют проследить, как складывались отношения между государственными и общественными организациями разных уровней в изучаемый период, каковы были содержание и характер совместных мероприятий по улучшению ведущих отраслей сельского хозяйства, выявить степень их воздействия на крестьянское хозяйство.

Богатыми информационными ресурсами в контексте изучаемой темы обладают и материалы периодической печати. К 1917 г. в каждой губернии и области издавались сельскохозяйственные газеты и журналы. Самыми известными и массовыми являлись «Справочный листок по сельскому хозяйству и артельному маслоделию» (Курган), «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства» (Омск), «Сибирское сельское хозяйство» (Томск), «Сибирская деревня» (Красноярск), «Иркутский хозяин» (Иркутск). В редакционных материалах и статьях специалистов, в сообщениях сельских корреспондентов сконцентрировалась разнообразная информация о событиях из жизни агрономической службы, о ходе и результатах проводимых специалистами опытов по сельскому хозяйству, установлении и укреплении связей персонала с населением, изменениях, происходивших в деревне под влиянием деятельности агрономов.

¹ См., например: Отчет о деятельности Курганского отдела Московского общества сельского хозяйства за 14 лет его существования (1897–1910). Курган, 1911; Отчет о деятельности Омского отдела Московского общества сельского хозяйства за 1910–1915 гг. и Первой Западно-Сибирской выставки 1911 г. Омск, 1916; Отчет о деятельности Иркутского сельскохозяйственного общества за 1914 г. Иркутск, 1915.

Например, из заметки жителя с. Сорокино Барнаульского уезда Томской губернии А. Горемыкина, напечатанной в «Алтайском крестьянине», мы узнаем, что агроном Я. Л. Поляков провел беседу по животноводству для местных крестьян. «В своей популярной и красивой речи, – писал автор заметки, – он замечательно ярко осветил все несуразности ведения [традиционного] хозяйства»¹. По словам Горемыкина, беседа иллюстрировалась хорошим подбором световых картин и прошла очень оживленно, а главное, душевно. «Лектор и та малая кучка внимательных слушателей слились воедино. Большое спасибо симпатичному лектору! Мы и стены нашей мертвой школы давно не слышали такого теплого и живого слова!» – такими словами благодарности отзывался о лекции агронома сельский корреспондент².

Многие крестьянские письма полны непосредственными авторскими впечатлениями и неповторимыми описаниями подробностей быта и особенностей деревенского образа жизни, которые так оживляют тексты и как-то вдруг неожиданно приближают к нам давно ушедшую эпоху. Из того же письма А. Горемыкина мы узнаем и о некоторых деталях встречи Я. Л. Полякова с жителями с. Сорокино. Оказывается, среди слушателей агронома было всего 10–12 состоятельных хозяев, а все остальные являлись «бескоровниками». Вот как объяснил автор отсутствие крепких хозяев на лекции: «Причина – боязнь и подозрение мужиков – нет ли тут какой ловушки, через которую нас могут уговорить или заставить содержать школу? Не черные ли это магики приехали, которые усыпили всех нас, могут заставить написать приговор о желании принять на себя содержание училища?»³.

В заключение хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. В конце XIX – начале XX столетия в сибирской деревне начинались серьезные модернизационные изменения. Именно в анализируемых материалах было зафиксировано и впервые описано большое количество разнообразных новшеств: зарождение агрономической службы, масштабы, содержание и характер оказываемой ею помощи населению, основные моменты становления сельскохозяйственного просвещения, опытного дела. Эти и другие нововведения по-

¹ Горемыкин А. Беседа по животноводству // Алтайский крестьянин. 1913. № 43. С. 16.

² Там же.

³ Там же.

являлись в жизни и производственной деятельности сибирского крестьянства под влиянием агрономов и инструкторов. Внимательное и глубокое прочтение данного комплекса источников в совокупности с другими материалами поможет написать историю агрономической организации Сибири и выявить ее место и значение в процессе модернизации сибирской деревни конца имперского периода.

Раздел 3. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

3.1. КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА ЕКАТЕРИНЫ II: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ КОНТЕКСТЫ

История императорского двора интерпретируется исследователями в разных аспектах: выявляются элементы преемственности с предшествовавшими правителями, актуализируется процесс формирования имперского сознания, прослеживаются сценарные элементы власти и содержание взаимодействия с западной культурой. Традиционно актуальной для исторической науки остается и сфера повседневной истории¹. Коммуникативный аспект функционирования императорского двора в его государственно-политической и социокультурной деятельности привлекает внимание исследователей в меньшей степени. Формируя оценку Екатерины II как уникальной правительницы, историки обращают внимание на ее личностный ресурс, но «роль и влияние» Екатерины II в истории России чаще всего рассматриваются в историографии в связи с другими проблемами: отношениями власти с сословиями или необходимостью культурных заимствований, идущих с Запада. Исследуя проблему оптимальной интеграции западных тенденций развития в имперский организм России,

¹ См., например: *Писаренко К. А.* Повседневная жизнь русского Двора в царствование Елизаветы Петровны М., 2003; *Российский императорский двор и Европа: диалоги культур.* СПб., 2007 (Тр. / Гос. Эрмитаж; т. 36); *Никифорова Л.* Убежище мудрой девы // *Родина.* 2010. № 2. С. 134–136.

реализованной Екатериной II, исследователь Г. В. Ибнеева пишет: «Императрица имела возможность оценить, насколько пластичен социальный организм империи, насколько он поддается государственному регулированию» в процессе становления российского общества¹. Возможность для такой оценки сферы социальной модернизации, на наш взгляд, может обеспечивать и коммуникативная практика императорского двора.

В настоящей главе коллективной монографии для интерпретации коммуникативных характеристик и способов их репрезентации в политике Екатерины II, позволивших ей внести индивидуальный вклад в создание нового коммуникативного пространства императорского двора второй половины XVIII в., используются источники личного происхождения: автобиографические тексты и воспоминания современников. Данная реконструкция позволит представить человека XVIII столетия в контексте восприятия коммуникативной личности.

Императорский двор в период правления Екатерины II своей спецификой производил впечатление на современников, что фиксируют источники. Приведем в качестве примера одно из ярких описаний Варвары Головиной, современницы Екатерины II: «Я никогда не видела, чтобы что-нибудь производило такое сильное впечатление, как двор императрицы Екатерины, когда его видишь в первый раз»². Далее автор аргументировала свои впечатления тем, что в жизни двора «всё гармонировало» и «являло красивое и новое зрелище».

В. О. Ключевский, анализируя результаты перемен, произошедших в эпоху Екатерины II, сравнивает периоды «до» и «ныне». В «случайно собравшемся обществе на корабле, без почвы, между небом и землей» при Екатерине «стали сеяться и расти несколько более серьезные культурные интересы и идеи», которые «прежде всего, нашли поддержку и поощрение наверху, при русском дворе»³. Характер Екатерины, по его мнению, помогает понять «изложенные биографические

¹ *Ибнеева Г. В.* Формирование имперской политики России во второй половине XVIII в. [Электронный ресурс]: опыт политического взаимодействия Екатерины II и имперского пространства: дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2007 // Библиотека диссертаций. URL: <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/formirovanie-imperskoj-politiki-rossii-vo-vtoroj-polovine-xviii-v-opyt.html> (дата обращения: 25.09.2013).

² Тайны царского двора: (из записок фрейлин) / сост. И. В. Еремина. М., 1997. С. 8–16.

³ *Ключевский В. О.* Соч. М., 1989. Т. 5, ч. 5. С. 26.

подробности и ее образ действия на престоле»¹ в контексте социальной коммуникации. Он делает вывод о переменах века, когда «из нравов стали характеры», появилась «типическая складка»². Этот новый тип человека второй половины XVIII столетия может пониматься как личность, обогащенная коммуникативными характеристиками. Заметим, что оценка коммуникативной личности как социального феномена зависит от степени эффективности выполнения основных социально значимых функций взаимодействия и воздействия.

Выделим необходимую для исследования темы систему понятий. Понятие *императорский двор* в историографии включает комплекс характеристик: функции, структура, отношение власти к различным социальным группам и аспектам жизни страны. Исследователь Л. Е. Шепелев считает, что «под императорским двором обычно подразумеваются императорская семья, царская резиденция, а также придворные чины, придворные кавалеры и дамы»³. Иной контекст понимания предлагает О. Захарова: «Двор – это сообщество людей, зависящих от могущественной особы. Главной функцией двора является поддержание престижа монарха. Каждый придворный обязан был помнить, что его поведение – от манеры держаться и говорить до способа выезжать из дому – должно соответствовать его положению в обществе»⁴. Исабель де Мадариага обращает внимание на то, что со времен Екатерины II императорский двор «служил надежным средством формирования общественного мнения в стране и благотворно воздействовал на восприятие России за рубежом»⁵.

Русский императорский двор в XVIII в. переходит на новый уровень жизни в контексте процессов Нового времени. Важным аспектом эпохи было следование просвещенного монарха европейской норме, но он должен был оставаться национальным правителем. Императорский двор во второй половине XVIII в. выполнял двойную задачу: соответствовал европейским правящим домам и выражал национальные традиции. Это позволяло ему реализовывать следующие функции: укреплять престиж монарха, формировать позитивный образ России за рубежом и оставаться центром общественного мнения.

¹ Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 48.

² Там же. С. 106.

³ Шепелев Л. Е. Чиновный мир России XVIII – начала XX в. СПб., 1999. С. 394.

⁴ Захарова О. Русские балы и конные карусели. М., 2000. С. 6.

⁵ Мадариага, де И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 521.

В процессе реконструкции структурных элементов императорского двора исследователями было выявлено отсутствие разделения повседневного пространства на частное и публичное. Знаком неразделенного пространства в сфере государственной и частной жизни было то, что государственные реликвии (корона, скипетр, держава) хранились в покоях императрицы Екатерины II, а не в специальном помещении, так как она не разделяла свои вещи на личные и державные¹.

Понятие *коммуникативная личность* в теории коммуникации используется для обозначения субъектов коммуникативного процесса и разрабатывается в психологии, социологии, педагогике и других гуманитарных дисциплинах. Оно содержит «тайны и загадки» и является открытым для гуманитарных наук, как отмечают исследователи теории коммуникации². Коммуникативная составляющая личности проявляется в ее индивидуальных свойствах и характеристиках. К ним относятся: степень коммуникативных потребностей, диапазон познавательного опыта и коммуникативная компетентность, которая измеряется умением выбора коммуникативного кода, обеспечивающего адекватное восприятие и целенаправленную передачу информации. Коммуникативная личность – это деятельный человек, мотивы, потребности и цели которого определяют начало и направленность общения и деятельности.

Императорский двор предполагает общественную направленность личности, которая по теории коммуникации должна быть ориентирована на «признание приоритета общечеловеческих ценностей, разумное сочетание национальных, личностных и общественных интересов; осознание труда как высшего смысла жизни, способа утверждения собственного достоинства и развития своих способностей; принятие в качестве основы общения между людьми требований нормативной нравственности»³.

Интегративным понятием нашей темы является понятие *коммуникативное пространство императорского двора*. Основным критерием классификации коммуникативных сфер является информационное

¹ Елисеева О. Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. М., 2008.

² Личность в системе коммуникации [Электронный ресурс]: лекции по основам теории коммуникации // Open Source Content Management. URL: <http://ob-svyazy.ru/lektsii-po-osnovam-teorii-kommunikatsii/4-funkcii-teorii-kommunikacii.html> (дата обращения: 25.09.2013).

³ Там же.

поле дискурса. Коммуникативное пространство императорского двора понимается как сфера коммуникативной деятельности человека, в которой происходит сообщение или получение социально и ценностно значимой информации. Отметим, что основная цель коммуникации – передача содержательной информации, другие формы информации могут быть фоновыми, нести лишь эмоциональный заряд или выполнять ассоциативную функцию.

Екатерина II, ставящая цель овладеть конкретной сферой информационного поля (под ней можно понимать представления о русской нации, социальных группах Российской империи, персональном партнерстве в государственной деятельности, дворянском светском обществе, в нашем замысле – об императорском дворе), должна была определить ее социальную ориентацию, познавательный уровень аудитории, ее интересы. В зависимости от этого ею подбиралась информация, формирующая смысловой контекст, коммуникативные роли и степень мотивированности в обмене информацией. Императорский двор с его главным репрезентантом – личностью императрицы – определял себе доминирующую роль в системе коммуникации второй половины XVIII в.

Опубликованный комплекс источников (мемуары, письма, литературные произведения и др.) создает основания для изучения коммуникативного пространства императорского двора и аспектов влияния личности Екатерины II на его развитие. Для реконструкции процесса формирования и проявления характеристик коммуникативной личности Екатерины важным источником являются ее мемуары, поскольку путь развития собственной личности интересовал в первую очередь саму императрицу. Видимо, не случайно Екатерина в различные периоды жизни бралась писать свои записки, но даже на 30-м году правления вновь начинала с первой половины своей жизни. Эту специфику создания автобиографического текста анализируют многие специалисты в своих работах, поскольку интерпретация исторического и источниковедческого контекста «Записок» Екатерины II неоднократно осуществлялась в историографии и источниковедении¹.

¹ См., например: *Акимова Т. И.* Правила просвещенного монарха в «Записках императрицы Екатерины II» // Вестн. / Перм. гос. ун-т. 2012. Вып. 3 (19). С. 75–83; *Крючкова М. А.* Мемуары Екатерины II и их время. М., 2009; *Савкина И.* Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX в. М., 2007; и др.

Историк М. Сафонов, рисуя образ «подлинной Екатерины», оказавшейся «не по зубам» ее биографам, предлагает оригинальное прочтение этой темы: «Императрица не могла не знать, что как только она закроет глаза, заговорят те, кто доселе молчал: “Все, как улитки, станут высовывать головы”, но ответить им она уже не сможет. Императрица сознавала, что лучше всего, если она сделает это (создаст образ своего правления. – З. Г.) сама, еще при жизни». Но главным мотивом для нее, по мнению Сафонова, было следующее: «Она хотела верить в бессмертие своего исторического образа»¹. Проблему существующих двух вариантов текста «Записок» (ранняя редакция воспоминаний в 70-х гг. и поздняя в середине 90-х) Сафонов комментирует в версиях «Царскосельской Екатерины» и «Екатерины Таврической», объясняя этим замысел ее текстов. Он смещает акценты к политическим проблемам исторического контекста – противостоянию двух дворов, Большого и Малого, так как «мемуары впитали в себя все особенности политического момента и сами в некотором роде задумывались как орудие борьбы».

Исследователь Д. Гриффитс выделяет другие аспекты, более значимые для нашей темы. «В той мере, в какой мемуары Екатерины посвящены не отзывам на значимые события, свидетелем которых она стала, а ее развитию как личности и конструированию ею своего образа, их можно считать автобиографией. Этот жанр позволил ей представить себя публике не такой, какой она была на самом деле, а такой, какой она желала выглядеть»². Немецкий историк Клаус Шарф осмысливает данную проблему в следующем варианте: «В своей автобиографии, предназначенной для просвещенных друзей после ее смерти, она делала упор на собственную волю, способности и мудрость как решающие факторы, приведшие ее к цели ее жизни: на вершину Российской империи. <...> В описаниях своего жизненного пути до 1767 г. она неожиданно открыла для себя – несомненно, спонтанно – литературный тип секуляризованной автобиографии в том виде, в каком он

¹ Сафонов М. М. «Воспоминания в Царском Селе» [Электронный ресурс]: (Екатерина II против Екатерины Великой) // Царское Село на перекрестке времен и судеб. СПб., 2010. Ч. 1–2. URL: <http://www.tsarselo.ru/content/0/yenciklopedija-carskogo-sela/carskaja-semja-i-vysshee-obshestvo-v-carskom-sele/safonov-mm-vozpominanija-v-carskom-sele-ekaterina-II-protiv-ekateriny-velikoi.html> (дата обращения: 26.07.2013).

² Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: статьи разных лет. М., 2013. С. 24.

– после пиетистского обновления этой литературной формы как описания пути к вере и спасению – вошел в употребление под влиянием просветителей в современной ей Германии». Это позволяет автору данной версии настаивать на том, что «нет никаких оснований оценивать ее собственную информацию как преднамеренно фальсифицированную, однако она всё же должна быть прочтена в контексте ее главной темы – как она стала русской императрицей»¹.

Для темы нашего исследования важна еще одна оптика восприятия коммуникативного пространства императорского двора Екатериной II. Она осваивает его в контексте осмысления собственной идентичности. Дэвид Гриффитс, исследуя проблему становления идентичности Екатерины II в статье «(Ре)конструкция идентичности: Екатерина II» пишет: «Внимательное прочтение мемуаров Екатерины обнаруживает с ее стороны осознанное стремление к конструированию для себя публичной идентичности, приемлемой для людей, которыми она уже вскоре начнет или уже начала управлять». В контексте выстраивания собственного социального «я» «приспособление к обстоятельствам стало неотъемлемым элементом поведения императрицы, а ее поведение, в свою очередь, элементом ее идентичности»².

Для выявления коммуникативных способностей Екатерины используем представленную ранее теоретическую модель стратегических и тактических способностей «искушенного творца своей биографии». Обратим внимание на мнение К. Шарфа о том, что «в исторической реальности Екатерина вовсе не была Золушкой. <...> Стартовые ее позиции были лучше, чем рисовала позднее в собственном жизнеописании сама Екатерина»³. О житейской опытности, воспитании и образовании, свободе от предрассудков Екатерины, проявившихся в подготовке ее «ко всяким обстановкам» до приезда в Россию, писал и В. О. Ключевский, объясняя этим возможность «найтись и удержаться на скользких стезях русской столицы»⁴.

Условием успешной коммуникации является правильная кодировка и декодировка информации. Возможность личности понять коммуникативную ситуацию позволяет ей правильно в ней ориентиро-

¹ Шарф К. Ветер перемен из Штеттина и Галле // Родина. 2010. № 2. С. 6.

² Гриффитс Д. Указ. соч. С. 32.

³ Шарф К. Указ. соч. С. 6.

⁴ Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. С. 45.

ваться и, в соответствии с этим, сформировать определенную стратегию поведения. Опыт декодировки информации Екатерина II приобрела задолго до прихода к власти. Будучи иностранкой и живя в России с 1744 г., она по пути к трону осознанно осваивала эту науку – быть получателем информации, тратила много сил на самовоспитание, соизмеряла каждый свой шаг с возможными последствиями, приобретая тем самым коммуникативные способности. В своих записках она напишет, как «с удовольствием замечала, что с каждым днем росло расположение ко мне публики»¹. Ее постоянный корреспондент по переписке Барон Гримм отметит успехи Екатерины II в декодировке информации, которые заключались в том, что она всегда верно схватывала мнения своего собеседника. Правильная декодировка информации позволяет владеть ею. Умение правильно расшифровывать сообщение требует внимания, наблюдательности, и, в целом, способности быть одновременно своего рода и актером, и зрителем. Эта способность Екатерины уже была отмечена В. О. Ключевским: «Она стала присматриваться к окружающей ее среде. <...> Ничем не брезговала, чтобы хорошенько узнать это общество, вся превратилась, по ее словам, в зрителя, весьма старательного, весьма скромного и даже, по-видимому, равнодушного»².

Таким образом, одним из доминирующих направлений коммуникации Екатерины в первые годы пребывания ее в пространстве императорского двора было получение информации. Окружающие – отправители, Екатерина – получатель. Это осознает и сама Екатерина II, которая в своих записках признается, что первое правило, которое она усвоила, – что нужно «слушать и молчать»³, а точнее – учиться декодировать информацию: слушать и слышать. В мемуарах она приводит много примеров поиска путей к тому, чтобы «многое узнать» и использовать поступающую информацию от всех субъектов императорского двора времен Елизаветы Петровны. Для того, чтобы стать получателем, а затем и отправителем информации, Екатерине нужно было освоить, прежде всего, русский язык, православные обряды и традиции императорского двора. Многих современников и исследователей привлекало в Екатерине II ее необыкновенное умение слу-

¹ Записки императрицы Екатерины II. Репринт. изд. М., 1990. С. 26.

² Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. С. 46.

³ Записки императрицы... С. 41.

шать и слышать собеседника. Австрийский принц Шарль де Линь свидетельствует: «У нее было особое искусство слушать и такая привычка владеть собой, что, казалось, она слушает и тогда, когда думает совсем о другом. Она не говорила для того, чтоб только говорить, и внимательно выслушивала тех, которые с ней говорили»¹.

Для успешного участия личности в коммуникации требуются тактические способности. Целью Екатерины II становится способность управлять своим поведением в общении: понимать и учитывать личностные особенности другого человека; устанавливать и поддерживать контакт, изменяя его глубину. Екатерина II в своих автобиографических записках приводит информацию, свидетельствующую о данной установке личностного развития. Например, она пишет о том, что приняла правило «думать, что я нуждаюсь во всех», «не хотела держаться никакой партии», «обращалась со всеми как могла лучше и старалась приобрести дружбу или, по крайней мере, смягчить неприязнь тех людей, которых я могла подозревать в неблагоприятном к себе расположении»².

Ее способности управлять поведением отмечают и многие современники эпохи. В материалах «Российский императорский двор в XVIII в.», подготовленных А. И. Тургеневым, есть сведения о «тягостных стараниях, кои употребляет императрица», о ее «несравненном терпении и кротости», стремлении в меру сил своих «удовлетворить каждого»³. Исследователь М. Рахматулин обращает внимание на несомненные плюсы одного «парадоксального факта: незаконность восшествия на трон Екатерины» и, в связи с этим, приводит суждение известного литератора и мемуариста Н. И. Греча о том, как она «должна была тяжким трудом, великими услугами и жертвованиями искупать то, что цари законные имеют без труда. Эта самая необходимость и была отчасти пружиной великих и блистательных дел ее»⁴.

¹ *Де Линь*. Портрет Екатерины II // Екатерина II в воспоминаниях современников, оценках историков. М., 1998. С. 256.

² Записки императрицы... С. 26, 31.

³ *Тургенев А. И.* Российский двор в XVIII в. СПб., 2005. С. 233.

⁴ *Рахматулин М.* Императрица Екатерина II [Электронный ресурс]: история в историях. URL: <http://wordweb.ru/2007/12/16/imperatrice-ekaterina-ii.html> (дата обращения: 26.07.2013).

О способности Екатерины не прерывать коммуникацию и изменять ее глубину в межличностном взаимодействии пишет Г. Р. Державин. В своих воспоминаниях он приводит следующий диалог, состоявшийся между ним и императрицей: «”Я сего дня наложил на себя клятву, чтоб после вчерашнего ничего с вами не говорить; но вы против воли моей делаете из меня, что хотите”. Она засмеялась и сказала: “Неужто это правда?”»¹. Фрейлина В. Головина рассказывает в мемуарных записках еще об одном казусе. Екатерина подавала какой-то знак камер-юнкеру, но вице-канцлер граф Остерман принял это на свой счет и подбежал к императрице. Она не стала сообщать, что Остерман ошибся, а проговорила с ним какое-то время, убедив его в том, что он был позван ею. Фрейлине, ставшей свидетельницей этого казуса, Екатерина дала такой комментарий: «Он доволен, вы довольны, и, следовательно, я довольна»². В диалоге со статс-секретарем графом Н. П. Румянцевым она скажет своему собеседнику: «Поверь мне, что гораздо легче делать приятное для всех, нежели чтоб все тебе угодили. Может быть, сначала и трудно было себя к тому приучать, но теперь с удовольствием я чувствую, что, не имея прихотей, капризов и вспыльчивости, не могу я быть в тягость»³.

На основе приведенных фактов мы можем говорить и о потребности Екатерины II соотносить информацию с психологическим состоянием адресата. Она учитывала психологические особенности своих собеседников, тип мышления – это входило, по ее мнению, в «искусство завоевывать сердца».

В историографии отмечается, что императрицу Екатерину II все хвалили за необыкновенную простоту в обращении, как с высокопоставленными лицами, так и с простыми слугами. Многочисленные отзывы современников говорят о том, что Екатерина II была открытым, душевным человеком и именно это, как отмечает историк М. Рахматулин, чрезвычайно импонировало психологическому складу русского человека. Иную сравнительную параллель проводит Ричард Уортман: «Если Петра и Елизавету объединяло с их слугами буйное веселье и ликование, то Екатерину связывали с ними привязанность и разумное самоограничение – чувства, которые разделяли все просвещенные люди»⁴.

¹ Русские мемуары: избранные страницы, XVIII в. М., 1988. С. 162.

² Тайны царского двора. С. 42.

³ Цит. по: *Рахматулин М.* Указ. соч.

⁴ *Уортман Р. С.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 1. С. 181.

Способность к продуктивной коммуникации согласовывалась у Екатерины II с ее качествами характера. Она любила бывать среди людей: «Душа моя от природы была общительна»; ей нужно было «нуждаться во всех», давать «обет» и исполнять его¹. Оценивая других людей, она обращала внимание на аналогичные их качества: Прасковья Никитишна «была общительна, любила говорить, говорила и рассказывала умно»²; С. Салтыков «владел искусством обращения... которое приобретается при дворе»³. Выстраивая взаимодействие с придворными, она заметит, что человеку «не измениться ни душою, ни сердцем» если возвысит судьба или унижит⁴. Де Линь в своих воспоминаниях отметит еще одну характеристику: «Она была настолько горда, что не умела обманывать; когда же она сама обманывалась, то, чтобы выйти из затруднения, полагалась на свое счастье и на превосходство свое над событиями»⁵.

В оценке же личностного коммуникативного ресурса Екатерины II в историографии присутствуют полярные суждения. От акцентирования тщеславия и лукавства, искусства притворяться как главных черт ее характера, мотивов общения и деятельности (как писал А. С. Пушкин, она пользовалась слабостями души человеческой), до высоких оценок ее личности, ориентированной на свободу взаимодействия и «прелесть беседы». Эти крайности оригинально прокомментировал историк А. Г. Брикнер. Выявив большое количество противоречий в суждениях одних и тех же современников, он обозначил «жестокую ошибку» Вольтера, утверждавшего, что «между потомством и Екатериною никогда не окажется возможным какое-либо недоразумение»⁶. Некоторые историки в оценочном контексте ориентируются на «Нравственные идеалы Екатерины II», составленные ею и обнаруживающие ее этические ценности⁷. Заметим, что мнение о них и о себе оставила и сама Екатерина: «Хотя в голове запечатлены самые луч-

¹ Записки императрицы... С. 21, 31, 238.

² Там же. С. 70.

³ Там же. С. 125.

⁴ Там же. С. 237.

⁵ Де Линь. Указ. соч. С. 262.

⁶ Брикнер А. Г. История Екатерины Второй // Екатерина II в воспоминаниях современников, оценках историков. С. 293.

⁷ Нравственные идеалы Екатерины II // Екатерина II в воспоминаниях современников, оценках историков. С. 139.

шие правила нравственности, но как скоро примешивается и является чувствительность, то непременно очутишься неизмеримо дальше, нежели думаешь. Я, по крайней мере, не знаю до сих пор, как можно предотвратить это»¹.

Коммуникативные репрезентанты она мотивированно формировала в контексте представлений об истинном монархе. Стремясь к престолу, она поставила цель быть императрицей лучше, чем кто-либо. Цель – рациональное намерение, в то время как побудительная причина может быть скрыта и даже социально не одобряема. Люди часто склонны провозглашать социально одобряемые намерения. Реализацию целей Екатерина осуществляла в контексте обоснований о том, каким должен быть просвещенный монарх. Данная модель представлена во многих ее текстах, но ярче всего коммуникативные характеристики присутствуют в «Нравственных идеалах Екатерины II». Приведем некоторые из них.

«Никогда не окружайте себя льстецами: пусть знают, что вам противны восхваления и самоуничижения.

Оказывайте доверенность лишь тем людям, у которых достанет духа при случае вам поперечить и которые предпочитают ваше доброе имя вашим милостям.

Будьте мягки, человеколюбивы, доступны, сострадательны и либеральны; ваше величие да не препятствует вам добродушно снисходить к милым людям и ставить себя в их положение, так, чтобы эта доброта не умаляла ни вашей власти, ни их почтения.

Выслушивайте всё, что хоть сколько-нибудь заслуживает внимания; пусть видят, что вы мыслите и чувствуете так, как вы должны мыслить и чувствовать. Поступайте так, чтобы люди добрые вас любили, злые боялись и все уважали»².

Коммуникативные качества, заложенные в характере Екатерины и развитые ею в постоянной работе, были реализованы в практике императорского двора. Результатом этой практики можно считать ее следующее суждение: «Я поставила себе за правило начинать всегда с самого трудного, тягостного, с самых сухих предметов; а когда это кончено, остальное кажется мне легким и приятным; это я называю приберегать себе удовольствие»³. Умение достигать и доставлять удо-

¹ Записки императрицы... С. 239.

² Нравственные идеалы Екатерины II. С. 139.

³ Цит. по: *Рахматулин М.* Указ. соч.

вольствие – это знак времени, а в терминологии исследователя В. Проскуриной – «эстетизированная идентификация»¹. Такое удовольствие в коммуникативной сфере императорского двора второй половины XVIII в. Екатерина «приберегла» для своих современников. Например, создав такую форму коммуникативного взаимодействия, как Эрмитажный салон, где она могла быть «отдыхающим творцом происходящего»². Екатерина, став императрицей, в отношении с подчиненными придерживалась такой практики: «Хвалю громко, а браню тихо»³.

Синтез позиций отправителя и получателя информации позволяет характеризовать Екатерину II как успешного коммуникатора. Многие ее современники дали оценку одной из невербальных составляющих процесса общения: умению слушать и ценить партнеров коммуникации. Об этой очевидности писал граф Джон Бекингхэмшир: «Наружность императрицы сильно бы вас расположила в ее пользу, но еще более понравилось бы вам ее обращение. Ее манера отличается мягкостью и достоинством, что внушает ее собеседнику чувство неприужденности и, вместе с тем, уважение». Далее граф отметил, что она «приобрела умение не только пленять людей в веселом обществе, но и находить удовольствие в более серьезных делах»⁴. Еще один современник в своих записках обратит внимание на «дар» Екатерины «объяснять свои мысли самым лучшим и ясным образом»⁵.

Екатерина II стремилась к тому, чтобы взаимное доверие обеспечивало коммуникации плодотворный результат, в то время как подчеркивание иерархической дистанции делало коммуникацию бесплодной. Уже названная Варвара Головина в своих мемуарах отмечает: «Екатерина Великая сообщала смысл всему, и самый глупый человек переставал казаться таким около нее. Каждый оставлял ее довольный собою потому, что она умела говорить, не вызывая смущения и применять к разумению того, с кем она говорила»⁶. Быть равной со всеми она желала-

¹ *Проскурина В.* Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 268.

² *Уортман Р. С.* Указ. соч. С. 181.

³ *Де Линь.* Указ. соч. С. 258.

⁴ *Бекингхэмшир Д.* При дворе Екатерины II (1762–1765) // Екатерина II в воспоминаниях современников, оценках историков. С. 140.

⁵ *Голицын Ф. Н.* Записки // Золотой век Екатерины Великой: воспоминания. М., 1996. С. 277.

⁶ Тайны царского двора. С. 22.

ла и на проводимых ею собраниях Эрмитажа, где никому не позволялось вставать перед императрицей даже тогда, когда она сама подходила к гостю. Тот, кто не исполнял этого, нес штраф по червонцу в пользу бедных. В интерпретации Р. Уортмана, Екатерина II в XVIII в. моделировала будущее как «время честного и ответственного поведения, когда население обучится гражданским добродетелям»¹.

Важным для понимания содержания коммуникации императорского двора между Екатериной II и ее адресатами является вывод исследователя Т. И. Акимовой о том, что «императрица была расположена к аналитической работе... и не искала возможности убежать от реальности через риторические приемы и абстрактные рассуждения. Эта предельная конкретность мышления отчасти мешала ей в сфере воображения, столь незаменимой в писательском ремесле, но давала возможность проявиться ее аналитическим способностям в смеховом поле, как раз и заключающимся в умении видеть предметность в критическом направлении установления нормы и отклонений от нее. Подобная направленность ее мышления распространялась не только на ее окружение, но и на нее саму»².

Таким образом, наиболее «достоверный портрет» Екатерины II создают ее коммуникативные репрезентации. Английский посол в России лорд Бекингхэмшир в заметках, относящихся к 1762 г., писал: «Ее императорское величество ни мала, ни высока ростом; вид у нее величественный, и в ней чувствуется смешение достоинства и непринужденности, с первого же раза вызывающее в людях уважение к ней и дающее им чувствовать себя с нею свободно»³. Екатерина II в коммуникативной практике согласовывала «человеческую и монаршую» природу политика на новом уровне, где просвещенное начало правителя является основанием общественной добродетели. Век Просвещения позиционировал образ монарха как «человека на троне». Приватность своего имиджа Екатерина активно внедрила в пространство императорского двора и «вела себя как скромный и дружелюбный товарищ своих слуг и фаворитов»⁴.

Но не все современники восхищались стилем жизни императорского двора. Известна позиция Г. Р. Державина, писавшего, уже на-

¹ Уортман Р. С. Указ. соч. С. 165.

² Акимова Т. И. Указ. соч. С. 75.

³ Бекингхэмшир Д. Указ. соч. С. 140.

⁴ Уортман Р. С. Указ. соч. С. 180–181.

ходясь при императорском дворе, что, увидев все хитрости и толки «изнутри», он уже бы не смог писать хвалебные оды Екатерине II. При таком суждении и разочаровании, которое описал Державин, нельзя не учитывать, что императорский двор – это политическая арена, где не бывает без интриг. Ретроспективный взгляд на собственную оду, по мнению В. Проскуриной, показывает поэтическую стратегию Державина¹. Учет этой стратегии позволяет нам правильно понять негативную оценку поэта и избранного собеседника императрицы, допущенного в число тех, кому было позволено «с улыбкой» открывать власти «истину».

В целом мы можем говорить о том, что именно эффективная коммуникация была для Екатерины II необходимым условием решения политических и социокультурных задач. Успешная коммуникация сделала ее успешным лидером, сочетающим в себе авторитарный и демократический стили. Согласно выводам, предложенным исследователем Р. Уортманом, «дворяне ощущали ее подкупающее поведение и отвечали ей теми же чувствами»². В коммуникативном пространстве императорского двора Екатерина также выполняла работу, нацеленную на поиск меры соотношения полюсов «диалог-конфликт», что характерно для успешной коммуникативной личности.

Коммуникативное пространство императорского двора включало деловое и праздничное направления деятельности и общения. Личное пристрастие Екатерины к тишине, покою и вдумчивой работе не должно было лишать окружающих ощущения вечного праздника. По мнению исследователя О. Елисейевой, зрелище было хлебом эпохи. Более двух с половиной веков назад, чтобы увидеть зрелище, надо было принять в нем участие. «Представители и высших, и низших слоев общества, каждый в своем кругу, должны были обладать навыками участия в публичном действе – уметь танцевать, музицировать, петь, декламировать стихи и просто двигаться в праздничной толпе. Жизнь “на публике” являлась естественным состоянием человека»³. Уметь себя реализовать в пространстве императорского двора – значит, уметь адекватно выстроить коммуникацию, это было связано и с умением «играть на публике». Стратегия

¹ Проскурина В. Указ. соч. С. 226.

² Уортман Р. С. Указ. соч. С. 180.

³ Елисейева О. «Веселися, храбрый росс!» // Родина. 2010. № 2. С. 123.

блага и счастья как сценарный элемент и вектор политических действий Екатерины II стала универсальной и в коммуникативном пространстве императорского двора.

Екатерина II соответствует общественно направленному типу личности, ориентированной на приоритеты общечеловеческих ценностей, утверждения собственного достоинства и развития своих способностей в сфере коммуникации. С первых лет своей жизни в России Екатерина II формировала коммуникативные потребности, без которых она не мыслила реализацию своей цели – быть признанным лидером. Диапазон ее познавательного опыта и коммуникативная компетентность проявлялись в умении выбора коммуникативного кода, обеспечивающего адекватное восприятие и целенаправленную передачу информации. Эти критерии коммуникативной личности, новые для восприятия успешности политика, которые предложил XVIII в. в апробации Екатерины II, были замечены современниками и получили высокую оценку. Представления времени о человеческой натуре обосновывали успешное поведение человека по критериям личной свободы и принципам рациональности. Новая для того времени идея правителя как образца жизнеустройства вполне была реализована Екатериной в коммуникативной сфере императорского двора – центра общественной жизни России XVIII столетия.

Мы можем сделать вывод, что источники личного происхождения позволяют реконструировать позицию человека, владеющего прагматическими и эмоциональными характеристиками коммуникации. Для современной социокультурной образовательной практики предложенный вариант интерпретации источников является актуальным и для реализации успешных личностных поведенческих стратегий.

3.2. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАРТОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОРИИ СИБИРИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Картографические материалы как исторический источник вошли в научный контекст с момента их появления. Ярким и постоянно пользующимся спросом источником являются материалы С. У. Ремезова – выдающегося российского и сибирского картографа. За последние

десять лет были опубликованы все его рукописные атласы: «Чертежная книга», «Служебная чертежная книга» и «Хорографическая книга». Проявление такого интереса к сибирской картографии обусловлено тем, что другие картографические источники такого масштаба и уровня исполнения того времени в России просто отсутствуют по причине их утраты. Современные исследователи, в том числе и зарубежные, оценивают конец XVII – начало XVIII в. в творчестве Ремезова как «лебединую песню» исконной русской картографии (по словам А. В. Постникова), в которой юг изображался наверху, использовались свои собственные условные символы, цвета и компоновка. По мнению В. Кивельсон, эта оценка, «по-видимому, является достаточно справедливой оценкой его труда»¹.

Правда, некоторые картографические материалы второй половины XVIII в. продолжают старую картографическую традицию. Следовательно, носителем ее в Сибири был не только Ремезов, но и другие служилые люди. То есть при наличии карт Сибири или ее частей, составленных геодезистами, имевшими передовое для того времени европейское образование, карты «на местах» создавались по-старому. Примером является карта пограничья с бывшим зенгорским государством, составленная уже после разгрома китайцами государства калмыков, хранящаяся в отделе рукописей Библиотеки Академии наук, не датированная и без названия, но именуемая в отделе «Пограничной картой Сибири от Троицкой крепости через Омск, Семипалатинск до Красноярского уезда». Анализ и датировку данной карты провел археолог И. А. Дураков, отметивший наличие и других подобных карт с русской картографической традицией².

Использование ремезовских материалов является традиционным для исследований историков и картографов, посвященных XVII–XVIII вв. Наша задача в настоящей главе коллективной монографии – охарактеризовать опыт публикации картографических материалов и их применения в качестве исторического источника в работах, посвященных более позднему времени XIX – начала XX в.

¹ Кивельсон В. Картографии царства: земля и ее значение в России XVII в. / пер. с англ. Н. Мишаковой. М., 2012. С. 186.

² Библиотека Академии наук, отдел рукописей. Собр. рук. карт. № 340; Дураков И. А. К вопросу о датировке «Пограничной карты Сибири от Троицкой крепости через Омск, Семипалатинск до Красноярского уезда» из собрания Библиотеки Академии наук // ГЕО-Сибирь. Новосибирск, 2008. Т. 2, ч. 2. С. 261–264.

В XIX столетии Сибирь находилась в процессе постоянного научно-картографического поиска и визуализации обследованного пространства разного рода ведомствами. К этому времени были подготовлены и сформированы кадры картографов разного уровня. Несомненным лидером являлись военные топографы в связи с созданием в 1812 г. Военно-топографического депо (позже поименованного военно-топографическим отделом Главного штаба, а в советское время – Военно-топографическим управлением), а в 1822 г. – корпуса военных топографов, действовавшего в том числе и в Сибири¹. С 1835 г. приступили к сибирскому межеванию, в котором военным топографам отводилась заметная роль. При этом не надо забывать, что по Уложению о губерниях 1775 г. в штате губернских управлений с 1782 г. вводились должности губернских и уездных землемеров, которые систематически откликались картографическими материалами на ту или иную административную реформу, проходившую в стране и в Сибири. Поэтому они были постоянными авторами карт губерний, наместничеств, провинций, областей и уездов, входивших в зону их ответственности. Карты начинают привлекать в качестве иллюстративного материала авторы, пишущие о Сибири или о губерниях, в которых они служили.

Во второй половине XIX в. при подготовке «Материалов для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири» статистики Министерства государственных имуществ активно использовали старые межевые карты. Чиновник-исследователь Н. О. Осипов на примере Курганского округа Тобольской губернии охарактеризовал процесс сибирского межевания, естественно, с характеристикой межевых карт, созданных на протяжении XIX столетия, вплоть до 1890 г. Исследователь критически оценивает имевшиеся межевые карты-планы. Например, он приводит отзыв Тобольской казенной палаты об одном из последних начальников Межевой комиссии 1835 г.: «Математику он не изучал, межевого дела не знает, и знакомство его с Сибирью ограничивается только соляными озерами»².

Однако Н. О. Осипов высоко оценивал съемки конца 1830-х и 1840-х гг. Он писал, что съемочные работы этого периода отличались

¹ Быковский Н. М. Картография: исторический очерк. М.; Пг., 1923. С. 189.

² Осипов Н. О. Экономический быт государственных крестьян Курганского окр. Тобольской губ. СПб., 1890. Т. 1. С. 4. (Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири; вып. 8).

высоким качеством. Не говоря уже о планшетах масштаба 100 и 200 саженой в английском дюйме, даже уменьшенные планы (500 саженой в дюйме) давали точное представление и о внешней топографии волостных дач, и об их внутренней ситуации. В этом Осипов убедился сам не только путем сличения планов с отзывами компетентных людей, непосредственного осмотра некоторых волостных дач, но и в ходе продолжительных бесед с крестьянами, когда исследователь с планом в руках мысленно обходил всю окружную между волости и расспрашивал крестьян обо всех подробностях внутренней ее ситуации. После таких расспросов изумлению крестьян, особенно молодых, не имевших понятия о землемерных работах, не было пределов. «Да, брат, – обычно заключали они, обращаясь друг к другу, – в плану всё прописано, вся земля в виду; всё объявляется: и где сенокосение, и где колки (перелески), и где пахота, и где грана (межа). Землю, видно, не утаишь, в карман не спрячешь». Убедившись, что в планах правильно показаны границы и ситуация их владений, крестьяне думали, что на планах показана и таксация угодий; это обстоятельство имело весьма серьезное значение при опросе «стариков» о качестве их земель. Будучи уверенными, что «в плану всё прописано», в большинстве случаев они не решались давать заведомо неправильные сведения, особенно если предупреждались, что дача их будет осмотрена в натуре¹.

Чертежи имели межпоколенческую адресацию, так как периодически, через несколько десятилетий, подвергались проверке, уточнениям и изменениям, что и фиксировали представители власти и доверенные от крестьянских обществ на вновь составленных или прежних чертежах-планах с соответствующими внесенными в них изменениями. Хранились чертежи у чиновников и крестьян в волостных либо сельских правлениях, а также у других субъектов земельных правоотношений: у лесничих, горных начальников, в церквях и т. п. Часть чертежей оседала в межевых департаментах Сената (если случались поземельные тяжбы) и губернских управлениях. Они могли использоваться в качестве первичного источника при более поздних спорах о границах владений.

Военные топографы заложили основу всех официальных печатных карт Сибири. Не случайно во второй половине XIX столетия в

¹ Там же. С. 6.

частном картографическом заведении, созданном в 1859 г. полковником Полторацким и капитаном генштаба А. Ильиным и известном под именем Хромолитаграфия Полторацкого, Ильина и К^о, печатаются карты всех губерний, округов и уездов Российской империи¹. Их начинают использовать в уменьшенном виде в качестве приложений многие авторы работ по истории Сибири или путешественники, которым важно было презентовать читателям район своих путешествий или исследований.

Военные топографы не забывали главную задачу, которую ставили цари и императоры в предшествующие столетия – «приведение в известность земель государства». Они командируются во вновь присоединенные территории, намечают на картах границы империи. Поэтому пограничных карт в архивах и библиотеках много, но они в исследованиях по истории появлялись в виде схематических данных, так как некоторые пограничные данные носили спорный характер. Там же, где вопрос казался окончательно решенным, карты появлялись оперативно и сопровождали литературу по изучаемым регионам. Большим трудом военно-топографического ведомства явилась карта Азиатской России, изданная в масштабе 100 верст в английском дюйме с помощью гравировки на меди, на восьми листах, размером 26 × 19 дюймов каждый².

Автор хорошо иллюстрированного для своего времени исследования по русской картографии Н. М. Быковский обратил внимание на заслуги Морского министерства. В XVIII в. главная роль в картографировании морских просторов империи принадлежала Адмиралтейств-коллегии. В 1805 г. был учрежден Государственный адмиралтейский департамент «для сочинения лучших карт вод и берегов, худо известных», реорганизованный в 1837 г. в Гидрографический департамент, а затем – в Главное гидрографическое управление. По мнению Быковского, к 1919 г. остались нетриангулированными местами берега Сибири и весь север России. Дело в том, что Главное гидрографическое управление Морского ведомства проводило крупные гидрографические работы по обследованию реки Енисей (1894–1896 гг.) и озера Байкал (1897–1902 гг.)³.

¹ Быковский Н. М. Указ. соч. С. 194.

² Там же. С. 193.

³ Там же. С. 190–193.

Об исследовании и картографировании водных путей Азиатской России сообщает А. В. Постников. Он обращает внимание на картографические работы, проводимые местной администрацией для изучения возможностей транспортного использования отдельных сибирских рек с целью обеспечения нужд развивающейся горнодобывающей промышленности. В самом конце XVIII – начале XIX в. были проведены обширные исследования сибирских рек под руководством видного алтайского геолога берг-гешворена П. К. Фролова. Фактически исследовался путь доставки свинца, используемого в металлургической промышленности для выплавки золота и серебра, из Нерчинских заводов до Колывано-Воскресенских заводов на Алтае. С этой целью были составлены и описаны маршруты на Байкале, по рекам Селенге, Ангаре (Верхней Тунгуске), Енисею, Кети, Оби, Иртышу, Алею и другим рекам и озерам¹.

Помимо военных топографов, картографические материалы сопровождали работы членов Императорского Русского географического общества (ИРГО), публиковавшиеся в «Известиях» общества и его отделов. Карты изображали маршруты экспедиций, открытые ими территории. По результатам полученных новых географических сведений или геодезических данных вносились изменения в старые карты. Тем не менее, в 1863 г. Русское географическое общество выпустило генеральную карту Российской империи в масштабе 40 верст в английском дюйме, используя при этом не свою материальную базу, а гравюру на меди, выполненную военно-топографическим отделом Главного штаба².

Подводя итоги столетней деятельности Русского географического общества, Л. С. Берг отметил, что каждое новое путешествие заканчивалось составлением карт. Он обратил внимание на карту окрестностей реки Амур, южной части бассейнов Лены и Енисея и острова Сахалин на семи листах, составленную в 1884 г. астрономом Л. Э. Шварцем. В числе составителей карт Байкала был И. Д. Черский. Но члены ИРГО вели исследования и по истории составления старых карт. Так, Е. К. Огородников разработал данные ремезовской «Книги

¹ *Постников А. В.* Из истории картографического изучения внутренних вод Азиатской России в XVIII – начале XIX в. // История развития тематического картографирования в России и СССР. М., 1987. С. 89–90.

² *Быковский Н. М.* Указ. соч. С. 193.

Большого чертежа» по побережьям Ледовитого (море Лаптевых) и Белого морей (1877 г.). Н. И. Веселовский воспроизвел составленную капитаном Иваном Унковским карту Джунгарии (1887 г.). А. Макшеев напечатал исследование о карте Джунгарии, которую составил полтавский пленник швед Ренат (1888 г.)¹.

Тематические карты относились к сфере экономических интересов того или иного круга лиц или ведомств. Хорошо представлены в хранилищах карты Колывано-Воскресенского округа, переименованного в 1834 г. в Алтайский горный округ. Ведомственный интерес Министерства императорского двора, заведовавшего этими территориями, требовал хорошего учета не только земель, но и в первую очередь заводов, их обеспеченности людскими и природными ресурсами (лесом для древесного угля, месторождениями руды для выплавки золота и серебра). В связи с этим публикации о состоянии заводов, их местонахождении, путях подхода к ним приписных крестьян, расчеты повинностей, вносимые на полотно карты для комплексного понимания той или иной задачи ведомства, делало карты Алтая того времени информативными, насыщенными дополнительной информацией. Эти карты свидетельствовали о деятельности еще одного отряда картографов – горных инженеров, которые по долгу службы обязаны были составлять карты для своего ведомства. Они получали приличное для своего времени образование не только в России, но и за рубежами Отечества еще со второй половины XVIII в.²

По мере исчезновения горной промышленности Алтая на смену ей пришел другой ведомственно-картографический интерес – сдача земель и лесов в аренду для получения прибыли с арендаторов: крестьян, мещан, купцов и пр. Требовалось провести межевание и учет всех земель, а для этого опять потребовались карты. Их активно использовали статистики – исследователи землеустройства на Алтае конца XIX – начала XX в. У землестроителей появились новые задачи, но остались актуальными старые цели – обмежевать и распределить земли, картографировать этот процесс. Не случайно в Государственном архиве Алтайского края мы встречаем сотни

¹ *Берг Л. С.* Всесоюзное Географическое общество за сто лет. М.; Л., 1946. С. 25, 79, 81, 138, 171, 172.

² *Катионов О. Н., Катионова А. О.* Подготовка кадров специалистов в Сибири (XVIII – начало XIX в.) // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 1. С. 18.

землеотводных планов, составленных по всем требованиям землемерии своего времени.

После перехода к процессу землеустройства и межевания в Сибири с 1835 г. было проведено несколько акций, связанных с картографированием процесса землеотвода. Вначале шло межевание и картографирование волостных дач. Затем, по мере утеснения и появления новых волостей, начали процесс размежевания внутри волостей между сельскими обществами. Данный процесс продолжался вплоть до начала XX в. После начала массового переселения крестьян в Сибирь и решения правительства о выделении крестьянам отрубков развернулось внутринадельное межевание для выхода на отдельные участки крестьян-хуторян и «отрубников». Весь этот процесс нашел отражение в составлении межевых планов и карт по землеустройству, а также в издании Переселенческим управлением уникального по объему и картографической насыщенности труда под названием «Атлас Азиатской России со 170 картами и диаграммами». В нем представлены картографические материалы разной тематической направленности. Издатели подошли к своему делу комплексно. Сначала они представили карты Сибири в разные исторические эпохи. Затем дали картографическую характеристику территории Азиатской России начала XX в. Здесь были представлены физико-географические, климатические, почвенные, водные ресурсы, этнографические реалии и т. д. В отдельный раздел выделены пути сообщения и направления перемещений потоков переселенцев в Сибирь. «Атлас Азиатской России» – вершина картографического искусства своего времени и оперативной, своевременной подачи информации, он свидетельствует о высочайшем уровне работы картографических служб России в конце имперского периода¹. Власти умели привлекать лучшие силы и кадры для реализации намеченной цели – показать итоги переселенческой политики во взаимосвязи с общеисторическим процессом освоения Сибири.

В то же время в Сибири представлен был и частный интерес золотопромышленников. Разрешение заниматься частной золотодобычей привело к процессу отвода арендных площадей для предпринимателей. Отвод золотоносных участков требовал их учета, поэтому золотоносные системы наносились на карты. Предварительные работы по их выявлению тоже фиксировались в отчетах горных специалистов,

¹ Атлас Азиатской России / ред. И. И. Тхоржевский. СПб., 1914.

инженеров и пр. Такие отчеты с картографическим сопровождением встречались в статьях о горной промышленности в Сибири.

Проблема освоения сибирского Севера с точки зрения его вклада в экономику страны тоже небезынтересна. Во-первых, нескончаемая эпопея освоения Северного морского пути, начатая еще до Петра I и усиленная им в связи с решением задачи: сойдется ли Америка с Азией, и есть ли проход в Индию. Смежные сюжеты – беринговы экспедиции, изучение береговой черты на севере и востоке Сибири, а после размежевания с Китаем – нанесение на карты России Приморья и Приамурья. И опять же – межевание земель для колонистов.

Во-вторых, проблема соединения юга Сибири через Северный морской путь с рынками Европы. С этой целью организуется и финансируется несколько сибиряковских экспедиций. Идет поиск путей сообщения, предпринимаются попытки захода кораблей в устья Оби, Енисея и Лены. И как апогей всех этих изысканий – экспедиция Б. А. Вилькицкого, сумевшего в 1913–1915 гг. пройти Севморпутем. Однако Первая мировая война не дала сразу воспользоваться результатами этого свершения, и освоение Севморпути было отложено до 1930-х гг., т. е. уже на советское время.

Освоению Севера были посвящены экспедиции Э. Толля, Г. Седова и др. Они тоже проходили в рамках общего интереса к богатствам сибирского Севера.

История Севморпути разрабатывалась учеными с конца XIX в. до рубежа 1950–1960-х гг. с углублениями по отдельным проблемам в последующие десятилетия. Одной из задач исследований того времени – демонстрация приоритета России в освоении Северного Ледовитого океана и претензий СССР на огромную территорию вплоть до Северного полюса. В настоящее время такой подход оспаривается северно-европейскими странами, в частности, Норвегией. История освоения Севморпути нашла отражение в монографических исследованиях, которые сопровождались картографическими материалами. Например, М. И. Белов отметил несколько важных описаний и картографирований побережья Ледовитого океана, осуществленных в течение XIX в.¹

¹ Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. // История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1956. Т. 1. С. 448–517.

Дорожные (почтовые) карты дают визуализацию процесса создания путей в те или иные районы Сибири. Например, карта М. Татаринова указывает основные пункты Сибирского тракта на 1765 г., а почтовые карты начала XIX в. позволили исследовать процесс завершения оформления тракта в его состоянии на 1830-е гг. На картах XIX в. тракт представлен уже не как путь с зимовьями, станками, деревушками, а как солидная дорога с селами, почтовыми станциями, дорожными сооружениями, мостами, перевозами через реки, гатями. Это дало возможность не только использовать картографические материалы для визуализации всего тракта, но и подсчитать количество верст, оплату прогонов на разных расстояниях, численность выписываемых подорожных, их цену. Определить волостные трактовые села, впоследствии вычленив их и провести действия статистического характера по определению численности населения, количества дворов, занимавшихся содержанием постояльцев, числа проходивших обозов. Применение картографических материалов позволило просчитать дорожную повинность притрактовых крестьян на протяжении всего XIX в.

В настоящее время старая карта снова стала предметом активной публикации и исследования ученых. Выходят комплексные историко-географические труды межрегионального охвата, наподобие фундаментального издания «Сибирь. Атлас Азиатской России» (2005 г.). Региональные власти, имеющие средства, стараются показать свои территории в комплексных историко-географических атласах. Например, в «Атласе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» или «Атласе озера Байкал». Проводятся достаточно масштабные работы по выявлению и каталогизации картографических материалов Урала, Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки. В Новосибирске под руководством автора настоящего раздела монографии уже в течение нескольких лет осуществляется каталогизация рукописных карт Сибири XVII – начала XX в. Представленные по итогам этой работы материалы позволят исследователям расширить картографическую базу их будущих трудов по истории Азиатской России.

3.3. «ДЕРЖИСЬ ДРУГА СТАРОГО, А ДОМА НОВОГО»: ЭВОЛЮЦИЯ КАЧЕСТВА СЕЛЬСКОГО ЖИЛИЩНОГО ФОНДА В СИБИРИ ПО ДАННЫМ МАССОВЫХ САНИТАРНЫХ ОБСЛЕДОВАНИЙ 1920-х ГОДОВ

Крестьянская изба с домашней утварью во все времена играла исключительно важную роль в культуре и образе жизни русского крестьянства. Неслучаен поэтому интерес к изучению сельских жилищ, проявляемый учеными разных специальностей. Жилищные комплексы русского крестьянства Сибири второй половины XIX – XX в. исследовали архитекторы Е. А. Ащепков и С. Н. Баландин¹, этнографы П. Е. Бардина, В. А. Липинская, А. Ю. Майничева, И. В. Маковецкий, Л. М. Сабурова, Т. К. Щеглова и др.² И все же эту проблематику нельзя считать хорошо изученной. В частности, мало уделялось внимания санитарно-гигиеническим характеристикам избы, очень важным для понимания состояния здоровья сельчан, особенностей их санитарной культуры, представлений о жизненном комфорте. Тему обошли вниманием социальные историки, и сегодня нет цельной картины эволюции жилищных комплексов на территории Сибири, как и всей России, в период вызревания предпосылок модернизации общества и последующего перехода от традиционного к

¹ См.: *Ащепков Е. А.*: 1) Русское народное зодчество в Западной Сибири. М., 1950; 2) Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М., 1953; *Баландин С. Н.* История архитектуры русских земледельческих поселений в Сибири (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1984.

² См.: *Бардина П. Е.* Быт русских сибиряков Томского края. Томск, 1995; *Липинская В. А.* Русское население Алтайского края: Народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.). М., 1987; *Майничева А. Ю.* Традиции строительного дела и верования крестьян Приобья (конец XIX – начало XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 1995. № 3. С. 82–88; *Маковецкий И. В.* Деревянное зодчество Среднего Приангарья (XVII–XX вв.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1971. Ч. 1. С. 106–143; *Сабурова Л. М.* Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX – XX в.). Л., 1967; *Щеглова Т. К.*: 1) Внутреннее убранство избы алтайских крестьян в первой половине XX в. // Этнография Алтая. Барнаул, 1996. [Вып. 2]. С. 93–105; 2) «Избяная литургия»: традиционная жилищно-строительная культура крестьян-старожилов предгорного Алтая (по материалам экспедиций) // Алтайский сборник. Барнаул, 1997. Вып. 18. С. 253–278; и др.

современному типу культуры и образу жизни русского народа. Очевидно, что разработка недостаточно исследованных проблем требует расширения круга используемых методологических и конкретно-исторических источников.

Автор настоящей главы в ряде своих публикаций начал вводить в научный оборот комплекс источников, до него не привлекавшихся ни историками, ни представителями смежных наук, – материалы проведенных в 1920-е гг. в Сибири массовых санитарных обследований сельских поселений и жилищ¹. Информационный потенциал этого комплекса весьма велик, и задача данного раздела коллективной монографии – во-первых, продемонстрировать возможности и специфику использования этого потенциала. Во-вторых, дать на его основе конкретно-историческую характеристику основных факторов, направлений и этапов той эволюции, которую переживали жилищные комплексы в Сибири в период второй половины XIX – первой трети XX в.

Хронологические рамки нашей работы заданы, во-первых, «онтологически». После отмены крепостного права в 1861 г. до сплошной коллективизации сельского хозяйства в 1929–1932 гг., по нашему мнению, в России сначала сложились предпосылки общественной модернизации, а затем протекал ее начальный этап. Во-вторых, массовые санитарные обследования дали сравнительный материал именно о периоде 1860-х – конца 1920-х гг., ведь как раз за это время была построена основная масса осмотренных жилищ. Территориальные рамки настоящей работы определены, исходя из тех соображений, что специфика традиционных жилищ русских в Сибирском регионе является общепризнанной, а привлеченный нами источниковедческий комплекс дает сведения как раз об основной части территории Сибирского края, заселенной преимущественно русскими крестьянами. Это Омский, Тарский, Барабинский, Новосибирский, Бийский, Руб-

¹ См.: *Зверев В. А.*: 1) Не красна изба углами // Советская Сибирь. 1996. 2 марта; 2) Дождем покрыты, ветром огорожены // Советская Сибирь. 1996. 27 нояб.; 3) Семейное крестьянское жилище в его культурно-санитарном измерении (по материалам обследований в Томско-Кузнецком крае конца XIX – первой трети XX в.) // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX в.: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 13–32; 4) Условия жизни сибиряков и переселенцев в 1920-е гг. (по материалам массовых санитарных обследований) // Преподавание истории и обществознания в школе. 2012. № 8. С. 13–22; и др.

цовский, Славгородский, Барнаульский, Каменский, Томский, Кузнецкий, Ачинский, Красноярский, Минусинский, Канский, Тулуновский, Иркутский и Киренский округа в административных границах, сложившихся к 1925 г.

В 1925–1929 гг. медицинские и землеустроительные органы Сибирского крайисполкома провели углубленные обследования санитарно-гигиенического состояния более 15 тыс. крестьянских жилищ по хорошо обоснованной выборке. Сведения собирали и обрабатывали в основном санитарные врачи и инженеры-гидротехники по трем стандартным анкетным картам. Полученные материалы частично опубликованы в сводках по округам, либо по отдельным изучаемым проблемам, частично они отложились в фондах архивохранилищ.

Для историков особенно ценны материалы выборочного обследования, проведенного на территории Иркутского и Тулуновского округов в Прибайкалье. Все осмотренные здесь жилища – 1235 старожильческих и 718 переселенческих – были сгруппированы при первичной обработке анкет по времени их постройки, начиная с середины XIX в. («ранее 1871 г.») и до 1928 г. Причем избы, построенные в последнее время, учитывая происшедшие в стране эпохальные события, объединены в группы не по десятилетиям, а по периодам протекания этих событий. В разработках, сделанных докторами Кононовым, Сазоновым, Шварцбергом, в качестве границ отдельных периодов выделяются 1914 г. (начало Первой мировой войны), а также 1920 или 1921 г. – условный момент окончания «периода империалистической войны, первых лет революции, гражданских войн и общего экономического обнищания». Восстановительный период одни авторы начинают в 1921, другие – в 1922 или 1923 г.¹ Н. И. Сазонов выделяет 1921–1922 гг. в отдельный период. Материалы обследования по Иркутскому и Тулуновскому округам обобщены в таблице 1.

¹ См.: Кононов Н. М. Жилищные условия крестьян Иркутского округа // Сибирский медицинский журнал (далее – СМЖ). 1928. № 6/7. С. 28, 36; Сазонов Н. И. Эволюция крестьянской избы в санитарных показателях // СМЖ. 1930. № 4. С. 27.

**Динамика количественных и качественных показателей жилого фонда
в Иркутском и Тулуновском округах***

Годы постройки	Кол-во обследованных жилищ		Доля жилищ, %				Средние показатели		
	всего	построенных в среднем за год	с числом комнат			с удовлетворительным освещением	площадь на 1 чел., м ²	объем на 1 чел., м ³	высота потолков, см
			1	2	3 и более				
<i>Жилища старожилов</i>									
Ранее 1871	200	10**	52	36	12	25	5,05	11,9	227
1871–1880	121	12	53	30	17	35	5,49	13,2	231
1881–1890	140	14	47	31	22	29	5,62	13,7	233
1891–1900	231	23	45	32	23	40	5,43	13,5	235
1901–1910	239	24	46	27	27	45	5,40	13,3	234
1911–1914	73	18	44	37	19	55	6,01	15,1	240
1915–1920	101	17	51	29	20	53	5,19	13,0	238
1921–1922	35	18	77	17	6	49	5,22	12,5	229
1923–1928	95	16	68	22	10	60	5,13	12,6	233
<i>Жилища переселенцев</i>									
1901–1910	137	14	78	18	4	7	4,68	11,3	231
1911–1914	132	33	83	12	5	48	4,48	10,7	231
1915–1920	104	17	87	8	5	47	4,74	11,2	227
1921–1922	46	23	85	15	–	58	4,72	11,4	225
1923–1928	299	50	91	8	1	47	3,91	9,6	230

* Составлено по данным: Сазонов Н. И. Эволюция крестьянской избы в санитарных показателях // Сибирский медицинский журнал (далее – СМЖ). 1930. № 4. С. 18–20, 23–24, 27.

** Подсчитано условно – в расчете на 20 лет.

Анализ построенных таким образом динамических рядов с количественными показателями качества крестьянского жилья позволяет выявить определенные тенденции и результаты происшедших исторических изменений. Начиная с середины XIX в., размах жилищного строительства в Иркутском и Тулуновском округах неуклонно рос вплоть до 1914 г. В годы политических потрясений и разрухи жилья строили гораздо меньше, а в восстановительный период темпы строительства вновь возросли и в итоге значительно превысили довоенный уровень, главным образом за счет обустройства потока новоселов.

Сходные тенденции прослеживаются по материалам специального обследования переселенческих поселков тех же Иркутского и Тулуновского, а также Ачинского, Томского, Кузнецкого и Тарского округов. Здесь было осмотрено и затем сгруппировано по времени постройки 1568 жилищ в 215 поселках. В довоенный период оказалось построено 32,7 % переселенческих изб, на 1914–1919 гг. пришлось всего 13,1 %, а в 1920–1927 гг. возникло 54,2 % изб¹. В Солонешенском районе Бийского округа на Алтае были обработаны данные о 462 избах в 13 селениях, и проявилась та же закономерность: подъем до 1914 г., затем резкий спад, и новое нарастание строительства в 1922–1928 гг. Выяснилось, правда, что 43 % «новых» жилищ на самом деле были переделаны из старых изб. Нередко в 20-е гг. под жилье приспособляли даже бани².

Материалы по Томскому округу, где было обследовано 3778 домов в 258 селениях (поровну старожильческих и переселенческих), тоже опубликованы (табл. 2). Данные эти сгруппированы в источнике не очень удачно – только по десятилетиям с момента постройки дома, но они тоже свидетельствуют о понижении темпов строительства жилья в периоды Первой мировой и особенно Гражданской войны. Судя по этим данным, оживившееся к моменту обследования строительство еще не достигло довоенного размаха.

Во время обследований, особенно в богатой крепким «кондовым» лесом Восточной Сибири, нередко встречались дома с давностью постройки свыше 50 и даже до 80–100 лет. Однако более двух третей действующего жилищного фонда повсеместно составляли недавние постройки, давностью менее 30 лет. Но 30 лет и составлял, в соответствии с полученной статистикой и наблюдениями врачей, обычный «срок службы» средней крестьянской избы³.

¹ Подсчитано по источникам: *Гречищев К. М.* Материалы для характеристики санитарного состояния переселенческих поселков Сибирского края. Новосибирск, 1928. С. 2, 11; *Розанова Ю. К.* Переселенческие поселки Тарского округа // СМЖ. 1930. № 11/12. С. 24. Избы Тарского округа, построенные в 1928–1929 гг., нами не учитывались.

² *Колесникова М. А.* Санитарное состояние селений Солонешенского и Михайловского районов Бийского округа // СМЖ. 1929. № 8/9. С. 31–32.

³ *Лаптев А. Н.* Итоги жилищно-бытового обследования селений Томского округа // СМЖ. 1928. № 5. С. 20, 24; *Никульченко Е. Ф.* Жилищные условия крестьян Киренского округа // СМЖ. 1930. № 3. С. 9.

**Распределение обследованных в 1925–1927 гг. жилищ
Томского округа по времени постройки***

Возраст постройки, лет	Дома старожилы	Избы новоселов	Все жилища
50 и более	5,9	0,2	3,3
40–49	6,6	0,3	3,7
30–39	11,2	1,2	6,0
20–29	20,6	17,3	18,2
10–19	32,0	49,0	39,1
Менее 10	23,7	32,0	29,7

* Подсчитано по данным: *Лантев А. Н.* Итоги жилищно-бытового обследования селений Томского округа // СМЖ. 1928. № 5. С. 20.

Почти все объективные санитарные показатели качества жилья крестьян-старожилы в период с середины XIX в. до 1910–1914 гг. медленно, но неуклонно улучшались. Старожильческие дома становились здоровее и пригляднее. В Иркутском и Тулуновском округах, как показывают данные таблицы 1, в жилищном фонде уменьшалась доля примитивных жилищ типа «стопа» (комната-кухня) и рос удельный вес пяти-, шестистенных и «крестовых» домов с двумя, тремя и бóльшим числом комнат. Крестьяне улучшали естественную освещенность жилья: прорубали больше просторных окон, расширяли площадь помещений, поднимали потолки. При этом нарастание площади происходило быстрее, чем увеличение высоты – изба более расширялась, чем возвышалась.

Число семей, содержавших свой дом в чистоте, выросло с середины XIX столетия к 1910 г. от 52 до 66 %¹. Совершенствовались конструкция жилищ и строительные приемы крестьянства. У иркутских и тулуновских старожилы к 1914 г. удельный вес домов с протекающими крышами сократился с 79 до 46 %. Напротив, число изб с сухими стенами увеличилось от 50 до 80 %, с оштукатуренными, окрашенными или оклеенными стенами – от 13 до 27 %, с двойными рамами зимой – от 29 до 38 %, с дополнявшими русскую печь «голландскими» печами и плитами – от 5 до 18 %, и т. д.²

¹ *Сазонов Н. И.* Эволюция крестьянской избы... С. 27.

² Там же. С. 25–27.

Однако качественный прогресс жилищных условий не привел старожильческую деревню к санитарному процветанию. К 1914 г. средний показатель жилой площади на одного обитателя избы поднялся только до уровня 2/3 приемлемой гигиенической нормы в 9 м². Объем жилых помещений не достиг 3/4 минимальной нормы в 23 м² на человека¹. В таблице 1 отмечено, что к началу мировой войны удовлетворительное освещение имело уже 55 % домов. Однако в источнике в качестве минимальной нормы использован коэффициент освещенности жилища (отношение площади пола к площади окон), равный 15. Гораздо более оправданным, с медицинской точки зрения, был бы более жесткий коэффициент, равный 8, но его требованиям соответствовали бы очень немногие избы. Прочие санитарные показатели большинства жилищ тоже не выдерживают критики.

В период политических и экономических потрясений 1914–1922 гг. санитарные качества старожильческого жилищного фонда резко ухудшились, по ряду показателей – до уровня, который был преодолен уже полвека назад. Старожилы теперь строили избы меньшей площади и высоты, чем раньше. Увеличилась доля домов без сеней, с протекающими крышами, неокрашенными полами, одинарными рамами. Упростилась планировка: рубили в основном четырехстенки в одну комнату, которая одновременно служила и кухней. Как в Восточной, так и в Западной Сибири гораздо меньше стали строить крестовых и пяти-, шестистенных домов².

В то же время показатель естественной освещенности жилищ старожилов изменился в этот период мало, а некоторые средние показатели, по данным Иркутского и Тулуновского округов, даже улучшились. Количество сухих изб, составлявшее в середине XIX в. 50 %, к 1910 г. выросло до 77 %, в период 1911–1920 гг. равнялось уже 80 %³. Упорное стремление сибирских сельчан к некоторому комфорту проявилось в увеличении доли домов с улучшенной отделкой стен – от 27 % перед войной до 36 % в «военно-революционный» период⁴.

¹ Санитарно-гигиенические нормы для жилищ были разработаны в российской медицине во второй половине XIX в. См.: *Эрисман Ф. Ф.* Курс гигиены. М., 1887. Т. 1–2.

² См.: *Лаптев А. Н.* Указ. соч. С. 20; *Никульченко Е. Ф.* Указ. соч. С. 7; *Сазонов Н. И.* Эволюция крестьянской избы... С. 24.

³ *Сазонов Н. И.* Эволюция крестьянской избы... С. 27.

⁴ Там же. С. 25.

Этап политической стабилизации и восстановления хозяйства принес перелом в развитие старожильской избы. В 20-е гг. улучшается большинство средних санитарных показателей. В Качугском районе Иркутского округа (здесь было обследовано 857 жилых помещений) в 1921–1926 гг. высота изб увеличилась с 249 до 252 см, площадь домов возросла с 42,7 до 43,5 м², «кубатура» жилья – со 106,3 до 109,6 м³, количество изб с удовлетворительным освещением увеличилось с 39 до 60 %¹.

В целом по Иркутскому и Тулуновскому округам прогресс менее заметен, чем в отдельно взятом Качугском районе. По словам исследователя Н. И. Сазонова, «старожильская изба в своих санитарных показателях шагнула вперед, но еще не наверстала достигнутых до войны успехов»². В дополнение к данным таблицы 1 можно привести следующие цифры. В 1923–1928 гг. 85 % построенных домов было четырехстенными, сени прирубали только в 40 % случаев (до войны – в 71–80 %), в 27 % домов бревенчатые стены не подвергались даже побелке, двойные рамы были установлены в 30 % жилищ, створчатые – в 62 %. Меньше, чем до войны, стал удельный вес изб с окрашенными полами, с «голландскими» печами и печными плитами. Чистота поддерживалась на удовлетворительном уровне лишь в половине жилищ³.

Санитарная эволюция переселенческих жилищных комплексов в том виде, как она фиксируется в Иркутском и Тулуновском округах, имела свои особенности. Эта эволюция прослеживается в основном с 1901 г. – с момента, когда Иркутская губерния была открыта царской администрацией для переселения (см. табл. 1).

Санитарные показатели в течение всей первой трети XX в. оставались здесь невысокими, причем преобладали регрессивные тенденции. Наблюдатели сходились в том, что полное жилищное обустройство новоселов в Сибири требовало не менее 30 лет при мирном ходе жизни, но этих лет переселенцы к моменту обследования иметь еще не могли. «Переселенческая изба в своих санитарных показателях никак не может стабилизироваться, так как новые волны переселенцев с неокрепшим экономическим положением и более низкими (чем у старожилов. – В. З.) требованиями к жизненным удобствам каждый раз снижали пока-

¹ Кононов Н. М. Указ. соч. С. 36.

² Сазонов Н. И. Эволюция крестьянской избы... С. 28.

³ Там же. С. 25–28.

затели, разбавляли и затушевывали те... незначительные успехи, которые имели место среди отдельных переселенческих хозяйств более ранней формации. Да и общая экономика страны заставляла более сжиматься, чем шириться», – констатировал доктор Н. И. Сазонов¹.

Судя по материалам Иркутского и Тулуновского округов, господствующим типом избы переселенца всё время оставался четырехстенник (80–90 % обследованного жилья) с общей площадью 16–30 м² и потолками ниже 250 см. Доля крайне тесных изб площадью менее 16 м² выросла с 6 % в 1901–1914 гг. до 17 % в 1915–1928 гг., а доля относительно просторного жилья площадью свыше 30 м² сократилась с 33 до 23 %. Произошло сокращение жилых объемов. С 48 до 55 % выросла доля изб объемом менее 61 м², с 52 до 45 % уменьшилось количество остальных, более обширных построек. Если до войны сени пристраивали к домам 61 % хозяев, то в 1915–1922 гг. – 47 %, а в 1923–1928 – лишь 25 %. Стены отделывали (хотя бы просто белили) 77 % хозяев в начальный период переселения, 70 % – накануне войны, 30 % – в последние годы перед обследованием. В первое десятилетие массового переселенческого движения избы с двойными рамами в окнах составляли 9 %, со створчатыми рамами – 29 %, а впоследствии соответствующие показатели стабилизировались на уровне 3–5 и 24–26 %. Процент изб с печью-голландкой и печной плитой перед войной дошел до 17–19, но понизился до 13 в период 1915–1920 гг. и до 4–7 в 20-е гг. Правда, количество протекавших крыш сократилось с 70 % в 1900–1910 гг. до 48 % в 20-е гг. Доля жилья с сырыми стенами снизилась от 19 до 11 %. Чем позднее была построена переселенческая изба, тем чаще санитарные врачи отмечали ее чистое содержание. Чистыми были признаны 31 % построек первого десятилетия XX в., 39 % жилья, возведенного в «военно-революционный» период, 41 % – появившегося на этапе 1920-х гг.²

Политические и экономические потрясения 1914–1920 гг. не только резко сократили масштабы аграрной миграции в Сибирь и строительства жилья новоселами, но и отрицательно сказались на санитарно-гигиенических свойствах жилья. Однако жилища, построенные в восстановительный период, оказывались в своем большинстве еще худшими. Так, в Зиминском и Нижнеудинском районах Тулуновского округа, где

¹ Там же. С. 19–20.

² Подсчитано по: Сазонов Н. И. Эволюция крестьянской избы... С. 21–28.

было обследовано 369 переселенческих жилищ, площадь на одного обитателя в избах, построенных в 1895–1909 гг., равнялась 5,8 м², в 1910–1924 гг. она поднялась до 6,0, а в 1925–1928 гг. упала до 4,6 м². Высота потолков последовательно сокращалась: с 238 до 234 и затем до 227 см¹.

Обследованиями в Красноярском, Томском, Кузнецком, Новосибирском, Барабинском, Омском, Тарском округах было выявлено большое количество временного переселенческого жилья недавней постройки, вообще не выдерживающего никакой критики в санитарном отношении – землянок, шалашей, сараев и т. п.² Так, из осмотренных в Каргатском и Иnderском районах Новосибирского округа 516 преимущественно переселенческих жилищ 44 оказались «пластовыми» – сложенными из нарезанного пластинами верхнего слоя почвы (дерна), 66 избышек имело земляной пол. В пос. Калужском, образованном в 1921 г. в порядке планового переселения из Козельского уезда Калужской губернии, из 53 жилищ было 39 «пластянок»³.

Выявленные выше тенденции санитарного развития жилищных комплексов Сибири требуют своего объяснения. Материалы обследований 1920-х гг. позволяют выделить несколько групп условий и факторов, детерминировавших эволюцию жилья во второй половине XIX – первой трети XX в.

Выше мы указывали на важное значение политического фактора эволюции: сильное влияние оказали участие России в Первой мировой войне, политические конфликты революционной эпохи и Гражданской войны, крестьянские восстания. Политический фактор действовал и самостоятельно, и в связке с экономическим: в эпоху политических катаклизмов в развале находилась и хозяйственная жизнь страны, Сибирского региона. Не было ни людских, ни материальных ресурсов, ни психологической установки, чтобы строить новое и улучшать старое жилье.

Нужно иметь в виду также географические и природно-климатические условия различных местностей Сибири. Сами по себе они за столь короткое время, конечно, не изменились. Но в процессе заселения происходило освоение новых территорий в экстремальных зонах глухой тайги, засушливой степи. Строившееся там жилье в целом было хуже по сани-

¹ Бланков Б. И. Санитарно-эпидемиологический очерк переселенческого района Тулуновского округа // СМЖ. 1929. № 6/7. С. 209–210.

² См.: Гречищев К. М. Указ. соч. С. 10–11; Розанова Ю. К. Указ. соч. С. 24; и др.

³ Государственный архив Новосибирской обл. (ГАНО). Ф. Р-2008. Оп. 1. Д. 7. Л. 3 об.

тарно-гигиеническим качествам, чем в традиционных местах расселения русских сибиряков – в умеренно-лесной и лесостепной полосах. Это можно проиллюстрировать, в частности, на примере Омского округа, где обследование охватило три района – по одному из северо-западной лесной, средней лесостепной и южной степной местностей (табл. 3).

Таблица 3

Зависимость санитарных показателей качества жилищ от природно-географического положения районов Омского округа (1926 г.)*

Показатель	Районы		
	Крутинский (лесной)	Кормилов- ский (лесо- степной)	Борисовский (степной)
Количество обследованных жилищ**	289 / 1487	303 / 965	282 / 776
Средняя людность двора, чел.	3,8	6,5	6,5
Приходится на одного жильца:			
жилая площадь, м ²	4,19	5,60	5,89
объем воздуха, м ³	10,8	11,3	11,6
Распределение жилищ, %			
по строительному материалу:			
деревянные	98,3	65,0	9,5
земляные (дерновые)	1,1	19,6	34,8
саманные	–	9,5	28,2
глинобитные	–	4,3	20,5
насыпные	–	1,5	6,2
каменные	0,6	0,1	0,8
по числу капитальных стен:			
4-стенные	36,0	35,3	59,2
5-стенные	47,8	61,4	36,9
8-стенные (крестовые)	4,8	0,3	–
по конструктивным и эксплуата- ционным особенностям:			
с деревянным полом	100	80	13
с деревянной крышей	до 100	до 50	10
с двойными рамами	до 100	54	15
содержатся в чистоте	64,7	35,0	54,6

* Подсчитано по данным: Соколов Н. П. Жилища сельских местностей Омского округа // СМЖ. 1928. № 5. С. 26–31.

** В числителе – количество подробно обследованных изб, в знаменателе – число жилищ, относительно которых имеются сведения только о строительном материале.

По большинству санитарных показателей селения в лесном Крутинском и лесостепном Кормиловском районах имели преимущества перед таковыми в степном Борисовском: а) по строительному материалу (в первых преобладали деревянные постройки); б) по числу капитальных стен в домах (много было пяти-, шестистенных жилищ, встречались и крестовые); в) по конструктивным и эксплуатационным особенностям (деревянный пол в домах, прочная крыша, двойные рамы в окнах и т. п.).

На территории нынешней Новосибирской области явственные и довольно резкие различия существовали между давно освоенными лесными и лесостепными районами Приобья и активно заселявшимися в конце XIX – первой трети XX в. местностями Барабы и Кулунды. В приобских Битковском и Спиринском районах Каменского округа (здесь было обследовано 1000 домов) жилье возводили в основном из прямых, толстых и хорошо сохраняющих тепло сосновых бревен. В степных Каргатском и Индерском районах Новосибирского округа хотя и преобладало дерево как строительный материал, но это была береза, поэтому стены промерзали, полы были щелистые. В Приобье крыши более 80 % жилищ покрывали тесом или дранкой, а в Барабе новоселы почти все крыши выстилали пластами дерна или покрывали соломой, и т. д.¹

Поскольку заселение Сибири происходило посредством миграции из Европейской России, природно-географический фактор сочетался с демографическим. Данные табл. 1–3 показывают², что санитарная обстановка в домах старожилов и переселенцев существенно отличалась. Новоселы везде оказывались в более затруднительных условиях. Таким образом, усиление аграрных миграций в Сибирь в конце XIX – первой трети XX в. в целом сдерживало прогрессивную эволюцию санитарных качеств сельского жилья в регионе.

Переселение из различных местностей людей разной национальности, внутрисибирские миграции активизировали также действие социокультурного (в том числе этнокультурного) фактора эволюции сельских жилищ. Дело в том, что переселенцы приносили с родины традиционные для своей культурной среды представления и навыки,

¹ ГАНО. Ф. Р-2008. Оп. 1. Д. 7. Л. 3 об. – 4 об.; *Брызгунова Е. В., Кыштымова Т. А.* Крестьянская изба Каменского округа // СМЖ. 1928. № 9. С. 1–10.

² Нужно иметь в виду, что Крутинский район Омского округа населяли в основном старожилы, Борисовский – новоселы, а Кормиловский по составу населения занимал промежуточное положение.

в том числе в области санитарии и гигиены. В материалах обследования Причулымского края есть указания о том, что при заселении деревень, ранее основанных аборигенами, русские люди улучшали в них жилищный фонд. Старообрядцы-беспоповцы, приехавшие из Вологодской губернии, придали своей новой деревне (Стрежная) «своеобразный бытовой отпечаток, отличающий ее от других селений»: наблюдатели зафиксировали, что постройки в ней хорошие, в домах чисто, имеется мебель городского типа¹. Напротив, в Тагнинском районе Иркутского округа старообрядцы «по установившимся традициям» не белили стен, их дома внутри казались грязнее и невзрачнее, чем у остальных крестьян. Дома выходцев из Украины здесь напоминали «типичные малороссийские хаты, ярко выделяющиеся своей белизной на фоне деревянных построек»². На территории Томского округа врачи зафиксировали некоторые группы переселенцев, «которые несут с собой усвоенные веками у себя на родине дефекты быта...»³.

Социокультурный фактор проявляется также в усилении влияния на деревенское жилье, особенно в пригородных местностях, городских культурных образцов, в распространении некоторых улучшений, пропагандируемых медицинскими работниками. В Тагнинском районе 16 из 379 обследованных переселенческих домов представляли собою «высший тип сельского строительства». В них имелись и створчатые двойные рамы, и крашенные полы, и штукатуренные стены, и по две «голландские» печи (кроме русской), и несколько жилых комнат, изолированных от кухни глухой стеной или сенями⁴. В пригородном Коларовском районе, куда летом устремлялись дачники из Томска, доктор А. Н. Лаптев тоже с удовлетворением наблюдал, как в жилищном деле «вековая косность вынуждена уступать требованиям более требовательного горожанина»⁵.

Отметим еще один важный фактор эволюции крестьянского жилья — социально-экономический. Повсеместно в Сибири обследования зафиксировали тесную зависимость показателей качества жилищ от со-

¹ Пономарев А. А. Жилищный вопрос в селениях Причулымья // СМЖ. 1926. № 1. С. 49–51.

² Сазонов Н. И. Жилищные условия крестьянина-переселенца // СМЖ. 1927. № 2/3. С. 41.

³ Лаптев А. Н. Указ. соч. С. 23.

⁴ Сазонов Н. И. Жилищные условия... С. 40.

⁵ Лаптев А. Н. Указ. соч. С. 18.

циально-классового статуса их владельцев. Например, в Иркутском округе по всем выявленным показателям и старожильческая, и переселенческая беднота очень невыгодно отличалась от зажиточных односельчан, середняки же занимали промежуточное положение (табл. 4).

Таблица 4

Зависимость санитарных показателей качества жилищ от социального статуса домохозяев (1926–1927 гг.)*

Показатель	Жители Иркутского округа			В том числе переселенцы Тагнинского района		
	Беднота	Средняки	Зажиточные	Беднота	Средняки	Зажиточные
Количество обследованных жилищ	587	634	87	241	122	16
Средняя людность двора, чел.	5,7	6,5	7,6	5,4	6,5	7,9
Средняя площадь жилища, м ²	26,0	40,5	58,3	25,8	43,6	70,2
Средняя высота потолков, см	231	242	265
Приходится на одного жильца:						
жилая площадь, м ²	4,6	6,1	7,7	4,8	6,7	8,9
объем воздуха, м ³	11,1	15,4	20,0	12,7	17,8	25,2
Количество жилищ, %:						
с высотой потолков более 250 см	13,1	41,7	92,0
с удовлетворительным естественным освещением исключительно	65	82	88
с керосиновым освещением без керосинового освещения	57,6	67,4	83,9	51,9	68,9	87,5
с протекающей крышей	17,6	6,0	2,4	32,8	16,4	—
с крашеным полом	66,0	53,6	39,1
с двойными рамами	1,7	12,4	41,3
с «голландской» печью	16,0	47,7	82,8
с «голландской» печью	12,9	45,9	93,8
с железной печью	68,5	64,8	37,5
содержащихся в чистоте	32	51	75	12	26	56

* Составлено по данным: Кононов Н. М. Жилищные условия крестьян Иркутского округа // СМЖ. 1928. № 6/7. С. 31–36; Сазонов Н. И. Жилищные условия крестьянина-переселенца // СМЖ. 1927. № 2/3. С. 39–45.

В Киренском округе, где был обследован 231 дом в 28 селениях, все старинные шестистенные хоромы являлись «достоянием более состоятельных хозяев». Новые же постройки «в бедняцких и середняцких хозяйствах 4-стенные, в зажиточных... 5-стенные или видоизмененные 6-стенные с прирубленной большой комнатой-кухней и теплым коридором»¹. В восточной Барабе 70 % изб, в которых проживали представители нижнего социального слоя, оказались при обследовании однокомнатными. Представители среднего слоя владели в основном двухкамерными домами (67 %), трех-, четырехкамерное жилье служило почти исключительно зажиточным домохозяевам². При этом нужно иметь в виду, что различия в типах и внутренней планировке жилищ были теснейшим образом связаны с разницей во всех санитарных показателях, вплоть до чистоты содержания помещений.

При общности социальной структуры крестьянства Сибири и Европейской России во второй половине XIX – первой трети XX в. для сибирского населения была характерна более высокая социальная мобильность. В нашем регионе противодействовали друг другу тенденции: а) социального разложения крестьянства с выделением двух полюсных групп (высшей и низшей); б) «осереднячивания» – хозяйственного и (в советскую эпоху) социального и культурного подъема бедноты, уменьшения удельного веса и значения предпринимательских элементов³. Неоднократно изменявшиеся в изучаемое время темпы и результаты социальной мобильности сказывались на всех сторонах культуры и образа жизни крестьянства, в том числе на эволюции санитарно-гигиенического качества сельских жилищных комплексов.

¹ Никульченко Е. Ф. Указ. соч. С. 7.

² ГАНО. Ф. Р-2008. Оп. 1. Д. 7. Л. 5 об.

³ См.: Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 172–189; Гуцин Н. Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.). Новосибирск, 1996. С. 11–43; и др.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Горьковская Зинаида Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета; *e-mail: zinagor@mail.ru*.

Давыденко Наталья Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета; *e-mail: kafedrar@mail.ru*.

Зверев Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, главный научный сотрудник сектора историко-демографических исследований Института истории Сибирского отделения РАН; *e-mail: sosna232@yandex.ru*.

Катионов Олег Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, директор Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета; *e-mail: korolek1953@gmail.com*.

Котович Лидия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета; *e-mail: lida.kotovich@yandex.ru*.

Кузнецова Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета; *e-mail: kta_06@list.ru*.

Родигина Наталия Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета; *e-mail: natrodigina@list.ru*.

Научное издание

**НОВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ
В РАБОТЕ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ИСТОЧНИКАМИ
XVIII–XXI ВЕКОВ**

Монография

Коллектив авторов:

Горьковская Зинаида Петровна
Давыденко Наталья Алексеевна
Зверев Владимир Александрович
Катионов Олег Николаевич
Котович Лидия Владимировна
Кузнецова Татьяна Анатольевна
Родигина Наталия Николаевна

В авторской редакции

Подписано в печать 23.10.2013 г. Формат 60×84/16.
Печать RISO. Уч.-изд. л. 9,25. Усл. печ. л. 8,6. Тираж 100 экз.
Заказ №

ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный
педагогический университет»,
630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28
Отпечатано: ФГБОУ ВПО «НГПУ»